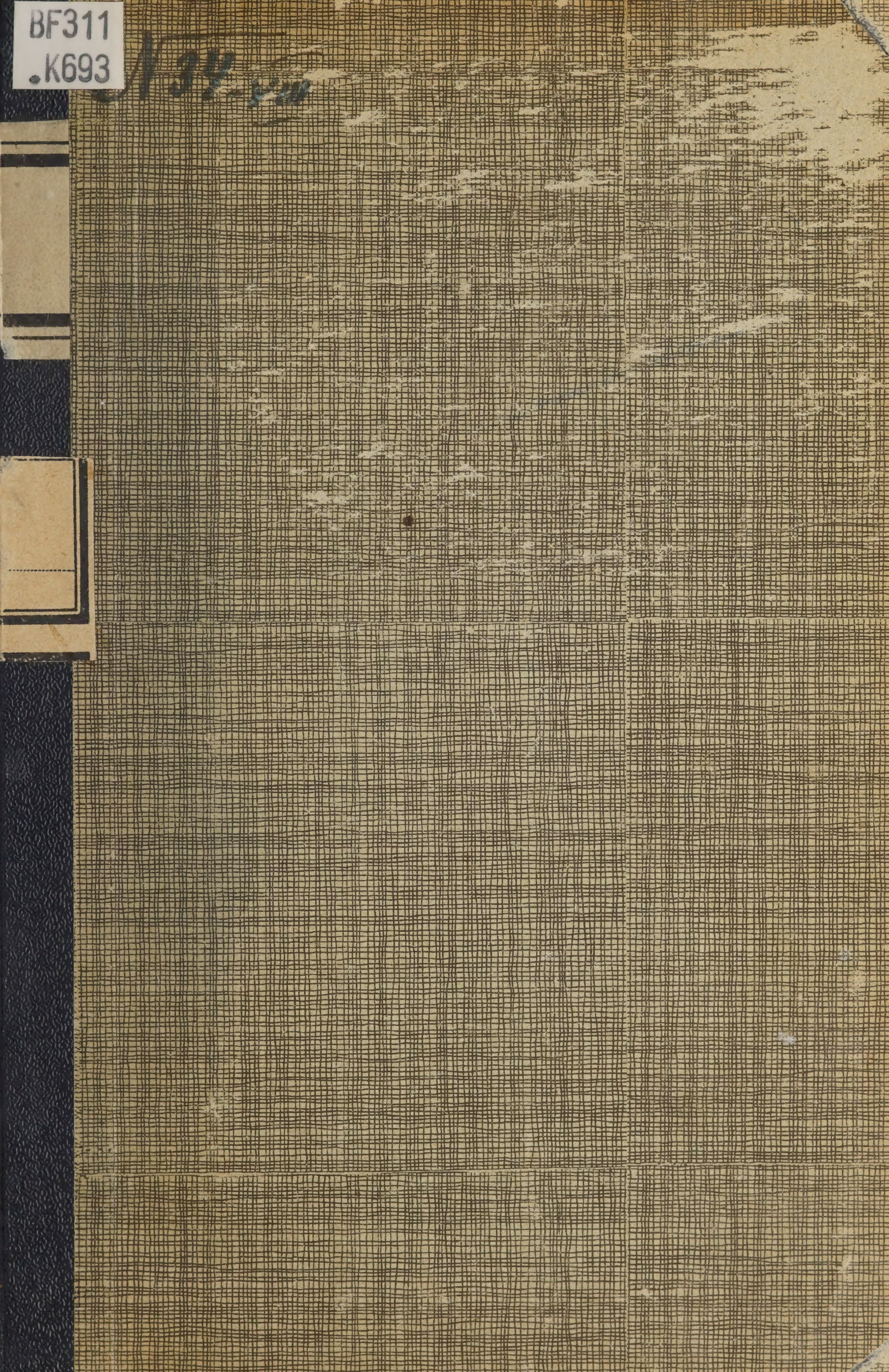
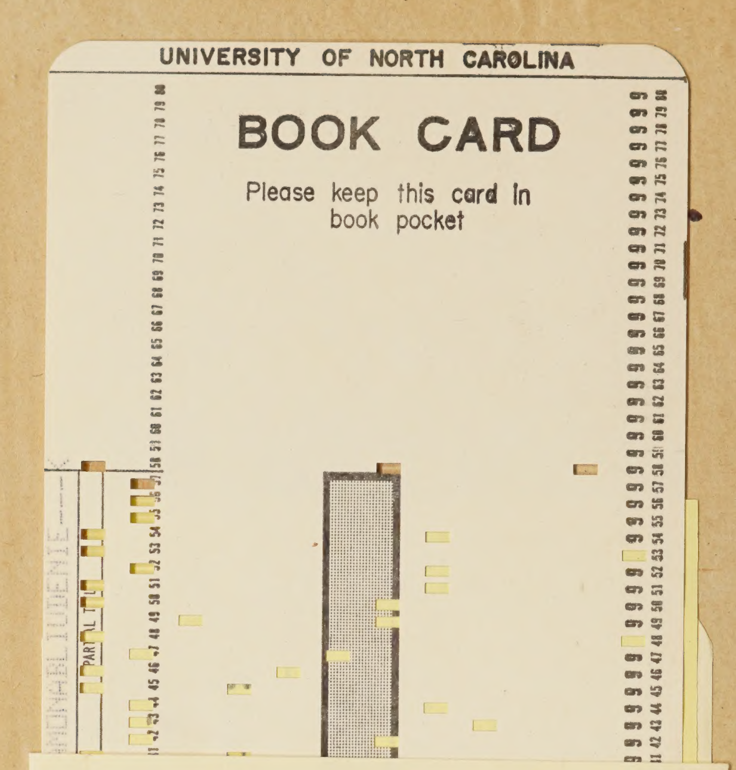
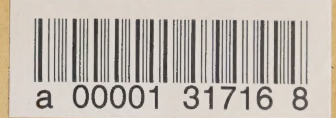
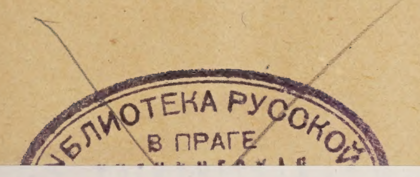

BF311
.K693

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
BOOK CARD
Please keep this card in book pocket

LUX
LIBERTAS

a 00001 31716 8

БЛИОТЕКА РУССКОЙ
В ПРАГЕ

Новые идеи в психологии.

Серия „МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ“.

С. В. Кравков,

Ассистент Психологического Института Московского У-та.

САМОНАБЛЮДЕНИЕ.

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Русский Книжник“.

1922.

Р. В. Ц. № 148.—Г. Сергиев 1922 г. Тираж 2000 экз.

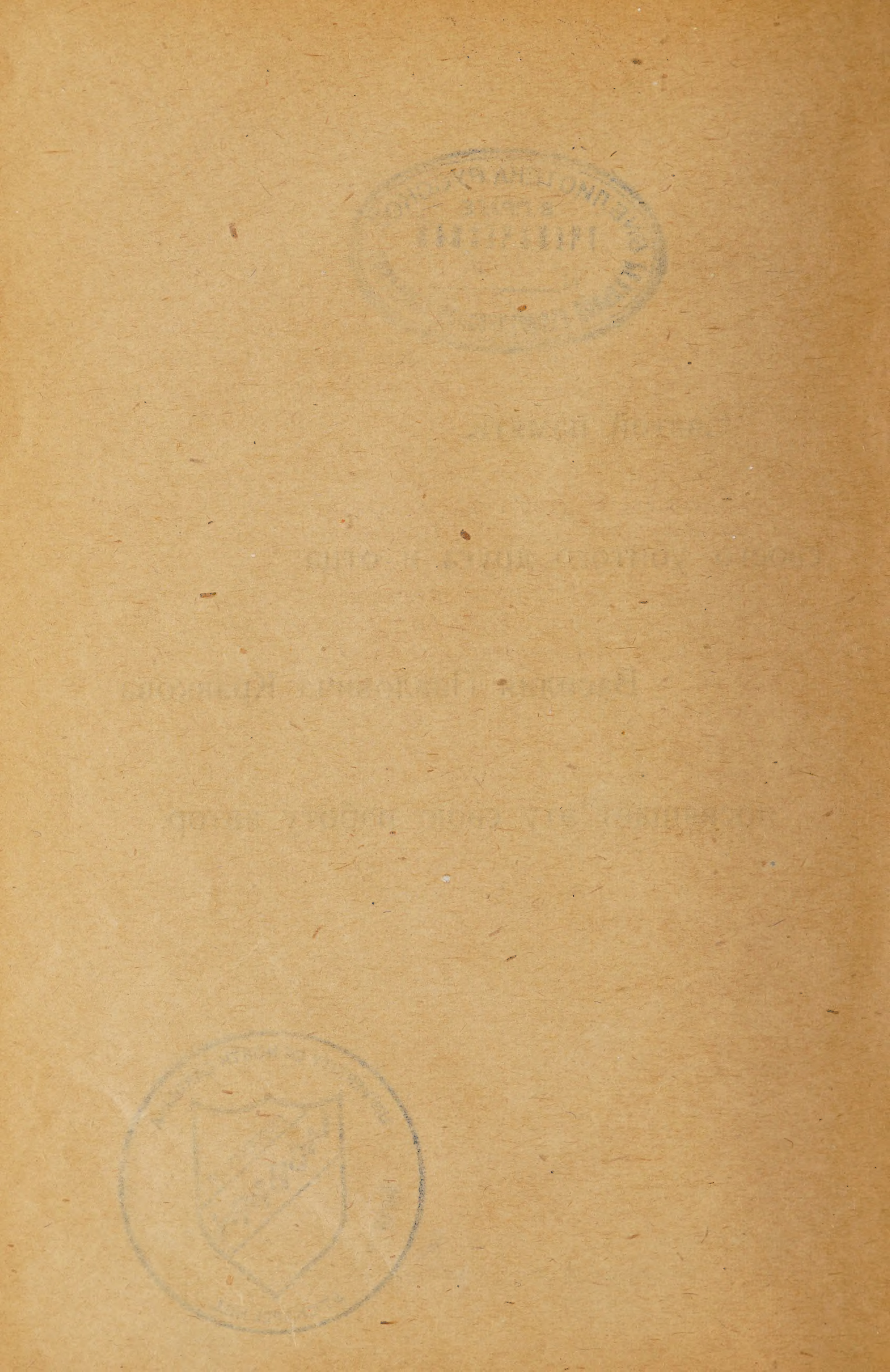
Типография Иванова,—г. Сергиев, Московск. губ.

Святой памяти

своего убитого друга и отца

Василия Павловича Кравкова

посвящает эту свою работу автор.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В современной психологии еще нет согласия в вопросе о том, что, собственно, считать предметом психологического изучения. А отсюда—нет и одного общепризнанного метода. Для одних исследователей—предметом психологии является анализ явлений сознания и их закономерностей. Главный источник и путь познания для них — интроспекция (самонаблюдение). Другие, напротив, полагают, что психологом должны изучаться законы человеческого поведения, как явления, даваемого совершенно об'ективно. Метод же интроспекции отвергается ими вовсе. Существуют, конечно, и представители компромиссных течений.

В ближайшей же главе мы постараемся показать, что все эти направления, сколь бы различны они ни были, для научной своей разработки необходимо нуждаются в анализе переживаний. И, следовательно, все они должны,—в той или иной мере, но пока безысходно,—пользоваться интроспективным методом. А раз так, то для психолога любой школы не лишним будет выяснить, во всей возможной полноте, современное положение вопроса об интроспекции, как методе научного исследования.

Мы не знаем в психологической литературе работы, стремящейся удовлетворить подобную бесспорную потребность всех серьезно интересующихся успехом психологии.

Этот пробел и дает нам смелость предложить вниманию читателей настоящий очерк.

С. В. Кравков.

Москва, Май 1922 года.

I.

Нужен ли интроспективный метод психологу?

Незаменимость интроспекции при качественном познании переживаний.

Если мы интересуемся анализом явлений нашего сознания—то совершенная необходимость для нас метода самонаблюдения очевидна.

Содержание таких понятий, как сомнение, радость, представление, отвращение, припоминание и т. п., в их качестве необходимо дается через интроспекцию (т. е. самовосприятие или самонаблюдение). И притом л и ш ь через интроспекцию, ибо поскольку я хочу познать, что такое гнев или хотение, я не могу достичь этого знания об'ективным наблюдением. Об'ективно я могу лишь воспринять выразительные движения, связанные с гневом и хотением. Но эти движения будут лишь движениями, но не гневом как таковым в его качественности и не хотением с присущей ему качественной характеристикой. Различение одних переживаний от других, усмотрение между ними сходств, связей и т. п.—в равной мере требует для своего осуществления приложения интроспективного метода, самовосприятия [1]). Как слепому нельзя

[1]) В иных случаях эти различения и сравнения могут приобретать аподиктически достоверный характер, благодаря приложению „феноменологического" или „аналитического" метода. Метод этот в последнее время особенно разрабатывался *Э. Гуссерлем* в ряде его сочинений (Logische Untersuchungen; Philosophie als strenge Wissenschaft; Ideen zu einer reinen Phänomenologie usw.; по русски имеется: „Логические исследования т. 1-й"; „Философия как строгая наука" в „Логосе" за 1911 г.). Феноменологический метод следует отличать от интроспективного метода описательной психологии. Этот последний стремится к установлению состава и связей наших переживаний как временных процессов в индивидуальных человеческих сознаниях; если на основе интроспекции создаются общие

уяснить, что такое красный цвет, так и об'ективными методами нельзя притти к познанию качественного мира переживаний.

Необходимость интроспекции для науки о человеческом поведении вообще.

Но,—что может показаться более спорным на первый взгляд,—и построение психологии как науки более широкой, как науки о человеческом поведении вообще, вне пользования интроспекцией, оказывается делом безнадежным. В этом отношении поучительны факты, на первый взгляд, способные скорее, как раз умалить значение и нужность метода самонаблюдения. Я имею в виду широкое распространение у нас в России, в Америке и на Западе об'ективно-психологических течений. Общим для всех них является как раз

выводы, то для этого прибегают к увеличению числа наблюдений и к индукции: выводы, так получаемые, могут обладать лишь достоверностью факта.

В отличие от этого, метод аналитический вовсе не ставит себе задач устанавливать фактически случающиеся, в определенных временно-пространственных условиях, картины переживаний, но рассматривает отдельные моменты сознания в их „идее" или „сущности", желая вскрыть свойства и соотношения, присущие им по существу—независимо от переживания или непереживания их в тот или иной момент теми или другими индивидуумами. Так, феноменологом могут устанавливаться самые основные различения в психическом бытии, вроде утверждений: „Звук разнороден с цветом", „восприятие есть положение сознания качественно иное чем воление", или соотношения связи вроде: „цветность неотделима от протяженности". И подобные утверждения не нуждаются в увеличении числа наблюдений—они самоочевидны, как геометрические аксиомы и также как эти последние, обладают аподиктической достоверностью.

Значение подобных основных аналитических положений для психологии чрезвычайно велико.

Но нам здесь, в связи с специально нами поставленной темой, хотелось бы лишь отметить, что и это идеирующее усматривание сверхиндивидуальной сущности возможно фактически лишь для тех, кто знаком с качеством отдельных индивидуальных переживаний, соответствующих этим сущностям, т. е. для тех, кто имеет интроспективные познания. В таком смысле мы должны утверждать, что и феноменологу нужен интроспективный метод: интроспекция дает ему подготовительный материал. Мы повторно отмечаем: выводы феноменологического рассмотрения не суть индуктивные построения—они не даются опытом, „не основываются на нем" (как говорит Гуссерль), но познание их начинается с опыта. Идеализация на основе воображения также предполагает, что—хотя бы—элементы комбинируемых образов даны опытом.

тенденция или совсем не пользоваться интроспекцией или максимально ограничить ее применение за счет более точных об'ективных методов. Для выяснения всего значения интроспекции, нам следует остановиться на рассмотрении направлений об'ективной психологии с этой точки зрения, как на своего рода доказательстве от противного. По своему определенно и настойчиво подчеркиваемому отверженню всякого намека на пользование интроспекцией и на внесение в научные результаты интроспективных данных — самым радикальным из них является об'ективная психология Бехтерева и его школы или т. н. психорефлексология.

Ее представителями самонаблюдение признается недостаточным и недостоверным даже для изучения собственной психологической жизни [1]). Тем менее оно может признаваться за сколько нибудь удовлетворительный научный метод по отношению к познанию психики других людей. В последнем случае дело идет об аналогии, а непригодность ее как метода „более чем очевидна в психологии, когда предметом являются столь индивидуально-особенные сознания“ [2]). Вне самопознания—суб'ективный метод бесплоден и опасен [3]).

Не входя в оценку приведенных суждений по существу, суждений, свидетельствующих, однако, о незнакомстве их авторов с психологической методикой самонаблюдения в современном ее развитии [4]), посмотрим в чем же сторонники Бехтерева находят выход из подобных методических затруднений?

Такое решение вопроса ими находится в совершенно отличном от обычного, идущего со времен древности, определении предмета новой „психологии“. Она по признанию самих авторов „мало будет похожа на ту психологию, кото-

[1]) [2]) *Бехтерев*, Об'ект. псих. I, 5.

[3]) ib. 6.

[4]) Так напр., один из учеников *Бехтерева*, полагает, что применяемый современной психологией метод, „метод исследования психических явлений... в виде анализа душевной жизни с помощью... самопознания в суб'ективных переживаний... остается по прежнему умозрительным“.. (Д-р *Молотков*. Воспитание сочетательно-двигательных рефлексов на световые раздражения у человека. СПБ. Дисс. 1910, стр. 2).

рая до сих пор служила предметом изучения“ [1]), поскольку эта об‘ективная психологии совершенно оставляет в стороне явления сознания [2]) и исключает совершенно из арсенала своих средств исследования метод самонаблюдения.

То, что ею исследуется — это взаимоотношение внешних воздействий на организм и его ответных невропсихических движений. Таким простейшим отношением организма к окружающему будет рефлекторное движение—рефлекс. Но в нем мы не имеем еще собственно невропсихики. Критерием психичности реакций является то, что внешнее воздействие перерабатывается под влиянием прошлого индивидуального опыта суб‘екта [3]).

Связи внешних воздействий с внешними же проявлениями невропсихической деятельности и выяснение направления и хода возбуждения в центрах [4]) вот все, что подлежит исследованию рассматриваемой „об‘ективной психологии“ Бехтерева.

Значение интроспекции должно сделаться особенно несомненным, когда мы увидим, что без нее не в силах и теоретически не вправе обойтись и эта „об‘ективная психология“, будучи даже наукой лишь о внешнем поведении человека и его физиологической внутри мозговой механике.

Теоретически не вправе игнорировать интроспекцию, потому что отрицание возможности влияния психического на физиологическое, на котором базируется решение об‘ективистов не учитывать суб‘ективную сторону человеческого поведения, отнюдь не представляет собою твердого, непоколебимого никакими возражениями, философского фундамента. Напротив, есть все основания полагать, что и непосредственные факты жизни и правильное толкование законов причинности и сохранения энергии говорят именно против отрицающей взаимодействие теории параллелизма.

Закон причинности не вынуждает к признанию однородности причины с действием [5]). Закон сохранения энергии предопределяет количественную эквивалентность превращений. Между тем возможны теоретически такие случаи,

---

[1]) *Бехтерев.* Об‘ективн. псих., 3. [2]) ib. 12. [3]) ib. 23. [4]) ib. 11, 21.

[5]) *М. Планк.* Отношение новейшей физики к механич. мировоззрению, стр. 8, также *Зигварт*, Логика, стр. 118.

когда благодаря вмешательству некоторой, сторонней для данной системы, силы, в этой последней происходят перемены, не изменяющие количества заключенной в ней энергии. Так направление тела может измениться без изменения количества его энергии, если величина воздействующей силы специальным образом подобрана и сила действует все время в направлении перпендикулярном движению тела (т. е. не производит никакой работы) [1].

А отсюда следует, что в изучаемых об'ективистами сложных отношениях человека к внешнему миру весьма вероятно определяющее влияние внутренних суб'ективных факторов. За это говорят и результаты экспериментов д-ра Добротворской [2]. Эти факторы могут быть вскрыты лишь интроспективным анализом сознания суб'екта.

Совершенно очевидно далее, что в т. н. условных реакциях [3]) результат об'ективно данный (лишь и учитываемый об'ективистами) может зависеть и зависит от суб'ективных процессов сознания (ведь благодаря им и реакция-то называется „условной"). Так, ясно, что время моей реакции будет различно, старался ли я реагировать возможно скорей или напротив медленней, думал ли я о раздражении или совсем о постороннем, старался-ли серьезно выполнить опыт или хотел сбить экспериментатора и т. д.

Но необходимость интроспективного анализа для того, чтобы „по внешним проявлениям невропсихики... заключать... о том направлении, которое приняло возбуждение в центрах, первично развившееся под влиянием внешнего раздражения на периферии" [4]) представляется совершенно безысходной даже и с точки зрения принимаемого об'ективистами параллелизма.

Ведь, если каждому суб'ективному переживанию соответствует об'ективный процесс, то зная первые нам легче может быть (а в иных случаях становится впервые возможно) реконструировать и эти последние. Поскольку, напр., все словесные реакции имеют для реагирующего известный

---

[1]) *Бехтер.* Закон сохранения энергии и гипотеза взаимодействия. Новые идеи в философии, № 8, 1913 г., стр. 76—78. Также ср. *Иоффе,* Лекции по молекулярной физике, 1919, стр. 42, 44.

[2]) Об'ективн. псих., стр. 497.

[3]) Об'ективная психология, 110. [4]) ib. 21.

„смысл", „значение" и представляют, следовательно, известный ассоциативный комплекс—понятно, что вскрыть внутримозговой механизм следов соответствующих этому комплексу суб'ективных состояний, можно лишь узнав его из описания испытуемым того, что им пережито.

Подобная фактическая необходимость самонаблюдения об'ективистами лишь не осознается и не формулируется открыто. Фактически же интроспективные показания применяются в работах школы Бехтерева в достаточно широкой степени.

Но оставаясь чем то не легализированным—применяется не методически, без нужной осторожности и предусмотрительности.

Так в исследовании д-ра Поварнина [1]), например, от испытуемого, после пред'явления ему ряда рисунков, требовался ответ на вопросы: 1) какой рисунок первым привлек его внимание, 2) какой привлек его потом, 3) какой был более интересным, 4) к какому испытуемый возвращался несколько раз и т. п. Что это, как не подробный анализ пережитого, полнота коего будет всецело зависеть от удачности интроспекции суб'екта?

Еще пример, взятый наудачу из числа массы возможных,— в работе д-ра Павловской [2]) о сравнении, от испытуемого после пред'явления для высказывания сравнения двух слов „требовался отчет о ходе всего процесса". На чем такой отчет должен основываться? Очевидно, на интроспекции испытуемого.

Не увеличивая далее числа подобных примеров, мы можем указать лишь на то, что и самая классификация рефлексов в системе „об'ективной психологии" Бехтерева говорит за ее зависимость от того, что мы знаем из суб'ективной психологии с ее методом интроспекции.

Говорить об „аффективных состояниях", как о „своеобразных особенностях в деятельности невро-психики" [3]); о символических рефлексах, „которыми, как символом, определяются те или иные внешние предметы, отношения между ними или же взаимные отношения нашего организма и окружа-

---

[1]) *Бехтерев*, Объективн. псих., 482. [2]) ib. 374—375. [3]) ib. 136.

ющего мира"[1]), говорить далее о процессе отождествления, „когда возбужденный след отождествляется с прежним следом"[2]),—говорить обо всем этом, как о различных классах явлений, едва ли бы было возможно, если бы мы в вышеприведенные обозначения (аффект, символ, отождествление) не вкладывали хотя бы implicite содержания, почерпнутого из нашего внутреннего, суб'ективного опыта. Если интроспекция таким образом является фактически необходимой в самом радикальном течении об'ективной психологии — в психорефлексологии, то роль интроспективного метода оказывается совершенно вне сомнений в других ее направлениях.

Уже у последователя Бехтерева во Франции Костылева[3]) в его книге, трактующей о кризисе, переживаемом, по мнению автора, современной экспериментальной психологией, наряду с постановкой для новой будущей психологии ряда задач в открытии рефлекторного механизма человеческого поведения, совершенно по схеме сочетательных рефлексов Бехтерева[4]), мы сталкиваемся с открытым признанием нужности, для разрешения и этих задач, самонаблюдения.

„Будущая экспериментальная психология,—читаем у Костылева[5]),—не будет исключительно об'ективной, как этого, кажется, хочет Бехтерев. Я не вижу основания держаться исключительно об'ективного изучения функционирования рефлексов. Рядом с ним я вижу большой интерес в интроспективном изучении развития в их группировках, каковое приведет нас от рудиментарной умственной деятельности ребенка к бесконечно сложному и изменчивому сознанию взрослого".

И автор следует таким своим взглядам, используя данные новейшей психологии мышления из работы Binet и Вюрцбургской школы, и стремясь подвести под даваемый ими феноменологический анализ переживания схему сочетательных рефлексов.

Но тем самым он становится уже на путь гипотетических

---

1) *Бехтерев*, op. cit. 511. 2) ib. 331.
3) *N. Kostyleff*, La crise de la psychologie expérimentale, 1911.
4) 5) ib. 153, 154.

построений, достоверность коих стоит в прямой зависимости от достоверности интроспективного метода, коим пользовался Binet и Вюрцбургские психологи [1]).

Интроспекция и наблюдения над другими. Далее,—уже было замечено, что такие об'ективные источники познания, как наблюдение над другими людьми, детьми, животными, психопатологические наблюдения, данные психологии народов (Völkerpsychologie) наконец, могут иметь психологическое значение лишь через истолкование их интроспекцией.

Значение интроспекции в психологии народов. В частности,—на прямую зависимость успешности исследований в области психологии народов (Völkerpsychologische Methode) от развития интроспективного метода настойчиво указывает сам создатель психологии народов—Вундт. „Этнологические факты,—пишет он [2]),—даны об'ективно и позволяют себя связывать и располагать в ряды ступеней развития по общим принципам сравнительного метода. Но психологическое понимание дается лишь с приложением самонаблюдения; последнее же будет тем более пригодным, чем более оно утончено в условиях экспериментальной методики и чем глубже оно проникло в переживания элементарных процессов, каковые здесь, как и везде, служат основой процессов сложных“.

В другом месте [3]) им же опять указывается, что без самонаблюдения из данных Völkerpsychologie нельзя построить психологии мышления, и что подобные попытки не считаться с данными индивидуальной интроспективной психологии ведут лишь к неправомерным гипотезам, подобным той, например, что мысль возникла из речи и представляет нечто с ней неразрывное, так что единство мысли достигается лишь после ее выражения в словах.

---

[1]) Несомненную зависимость от интроспективного метода находим мы и в построениях *П. П. Блонского* (в его „Очерке научной психологии“, 1922), поскольку им используются интроспективно-психологические анализы Титченера, Джемса, Дьюи и некоторых других.

[2]) *Wundt*, Grundzüge der physiologischen Psychologie. 6 Ausgabe. B. I. S. 26.

[3]) *W. Wundt*, Ueber Ausfrageexperimente u. sw. Psych. Stud. B. III, H. 4. S. 341—343.

Интроспекция как необходимый интерпретатор об'ективных данных.

В связи с существующей тенденцией усматривать иногда в экспериментальности метода современной психологии разрыв с более старым ее методом самонаблюдения, мы должны совершенно определенно указать, что в таком понимании кроется ошибка. Во-первых, само понятие эксперимента говорит лишь о произвольном вызывании подлежащего наблюдению процесса и о варьировании его условий и, тем самым, совсем не предусматривает того, как будет дан сам процесс,—об'ективно ли для внешних чувств или суб'ективно—самонаблюдению.

Позже мы будем иметь случай подробно остановиться на огромном значении экспериментального метода для наилучшего осуществления именно суб'ективного интроспективного познания.

Лишь поверхностный, незнакомый с предметом взгляд может утверждать, что с достижением возможности получать в психологии об'ективные данные в виде всякого рода регистраций и цифр—„внутреннее чувство"—интроспекция—становится излишней. Несостоятельность подобного взгляда мы старались уже раскрыть на рассмотрении принципиальных основ и фактического состояния Бехтеревской психорефлексологии. Рассмотрение с интересующей нас точки зрения другого видного течения об'ективной психологии, психодинамического, может лишь придать нашему тезису о значении интроспекции еще большую всеобщность. И здесь в психодинамике мы видим, что несмотря на то, что главный интерес направлен на об'ективные, количественные данные,—для интерпретации их неизменно приходится прибегать к самонаблюдению. Сторонники психодинамики справедливо полагают, что не должно суживать задачу психологии лишь до качественно-интроспективного анализа переживаний и их абстрактной классификации [1]). Сфера интересующего психолога ученого должна быть шире: она должна охватывать все явления, подходящие под понятие личности, испытывания и поведения во всей полноте их условий. При чем эти последние понимаются, как физиологический субстрат [2]).

[1]) *R. Dodge*. A Study in Psychodynamicks. The Mental Work. The Ps. Review. v. XX, p. 1—4.

[2]) *R. Dodge*. Mental Work, p. 10.

Более узким пониманием задач психодинамики будет определение ее как „точной науки о количественном влиянии взаимодействия одновременных или последовательных душевных состояний (или психофизиологических процессов)“ [1]). В обоих случаях интерес психодинамического исследования лежит за границами данных самонаблюдения, почему и понятно, что специальный метод психодинамики есть метод физиологического исследования [2]).

Тем убедительней для нас будет здесь уяснить, что результаты такого психодинамического изучения претендовать на психологический смысл могут лишь поскольку они сопутствуются интроспективным анализом, их интерпретирующим. Так Додж, представитель динамической психологии, в Америке, в своем экспериментальном исследовании об умственной работе [3]) на основе установленной связи всякой работы организма с увеличением углерода в выдыхаемом воздухе (метаболизмом) и в свою очередь связи этого последнего с ускорением пульса — пытается с этой точки зрения исследовать динамически количественное (выраженное в ускорении пульса) отношение затрачиваемой работы в двух перемежающихся периодах длительной умственной работы. Именно, у экзаменующихся письменно по психологии и политической экономии (экзамен состоял в письменном ответе на печатно предлагаемые вопросы), бралась пульсовая кривая, параллельно которой шла другая кривая, по коей, благодаря тонкой регистрации малейших движений испытуемого, можно было разбить пульсовую кривую на отрезки, соответствующие периоду—не писания (no writing) и—периоду писания (writing moment). Высчитав из этих отрезков среднюю длину волны для каждого момента, мы, согласно предпосылке, могли бы судить об отношении количеств идущей в каждый момент работы.

Здесь об'ективные цифры, казалось бы, должны были дать прямой ответ. Однако, что мы видим? Работа, потребовавшая огромных технических тонкостей и предосторожностей, дала самые разноречивые результаты [4]). Именно, у испытуемого

---

1) *A. Lehmann.* Elemente der Psychodynamik. Band 3. 1915, S. 25.

2) *Dodge*, op. cit., 1.

3) *Dodge*, Op. cit.

4) *Dodge*. Op. cit. 33, 35, 36.

Р. пульс быстрее (т. е. энергии больше уходило) в период писания, у испытуемого А. обратно—в период неписания, у испытуемого Г. пульс оставался одинаковым. Таковы сами по себе об'ективные результаты. Какой из них можно сделать вывод? — Никакого, кроме того, что для разных испытуемых периоды писания и не-писания требуют относительно различного количества работы. Но почему это так? Этот же вопрос, с ответом на который достигается впервые психологическое понимание полученных данных, разрешается на основе самонаблюдения, интроспекции.

Лишь она дает нам возможность как либо интерпретировать ничего не говорящие сами по себе цифры.

И из интроспективного анализа выясняется в данном случае, что период не писания, по своему содержанию, может быть двояк: или чтением вопроса и его обдумыванием, или временем отдыха и расслабления.

Предположение, что эти переживания у различных испытуемых распределяются различно, и может отчасти об'яснить разногласие полученных об'ективных данных.

Кроме этого, относительно испытуемого А., у которого пульс при писании, в противность ожидаемому, был медленнее, чем при не-писании, из того же интроспективного анализа его поведения было выяснено, что он обычно прочитывал лишь по одному вопросу [1]), после чего и писал на него ответ, не имея в сознании мыслей от прочтения прочих вопросов, как это было у испытуемого Р. Поэтому период писания у него, со стороны умственной деятельности, был проще, чем у других—а потому и метаболизм ему соответствовал меньший.

Мы нарочно задержались несколько подробней на работе Доджа, как на новом по замыслу и технически тонко выполненном психодинамическом исследовании с об'ективными результатами.

И мы могли теперь ясно видеть, что, действительно, лишь благодаря сведениям, почерпнутым из интроспективного анализа сознания испытуемых, об'ективные результаты становятся впервые осмысленными и понятными.

Направление психодинамики, разработанное А. Леман-

[1]) Ibidem.

ном [1]), формулировавшим два закона—угнетения и содействия, занимается изучением количественного взаимодействия психических процессов. Беря одну деятельность за угнетаемую, желают проследить количественное ее ослабление (или усиление), обусловленное одновременностью другой деятельности, находящей таким образом в изменениях первой количественную меру своего влияния.

Если угнетаемой полагается деятельность произвольного движения пальцем на эргографе и желают на ней определить влияние одновременной деятельности сложения простых цифр,—то последнее и обнаруживается понижением эргографической кривой. Этот метод психодинамики Леманна, как видим, есть метод выражения, и как таковой, уже предполагает раскрытие интроспективным анализом того, что собственно выражается в об'ективно регистрируемых кривых и цифрах. И сам Леманн, хорошо понимая, что никакой эксперимент принципиально не заменяет самонаблюдения чем-либо иным [2]), в своих критических замечаниях, отчасти касательно работ Фогта [3]), указывает на необходимость интроспективного разбора в том, какова качественная природа тех психических деятельностей, количественное взаимоотношение коих определяется.

Так, им отмечается, например, что слухо-моторная деятельность (например, устное сложение), при присоединении к ней в качестве угнетающей другой, также слухо-моторной деятельности, может легко перейти в зрительную, и сложение будет осуществляться зрительно, тем самым уже не позволяя говорить о качественном постоянстве угнетаемой деятельности (что методом, очевидно, требуется).

Этим обстоятельством как раз и об'ясняется результат работы Фогта об угнетении деятельности сложения произнесением вслух стиха, каковая при устном сложении давала коэффициент угнетения=60 процентам, при сложении же с тотчас же записываемыми суммами — не обнаружила никакого количественного для себя ущерба.

Самонаблюдение говорит, что в первом случае сложение

---

[1]) *A. Lehmann.* Elemente der Psychodynamik. B. 3, s. 25—30.

[2]) *A. Lehmann.* Grundzüge der Psychophysiologie. S. 7.

[3]) *A. Lehmann,* Lehrbuch der psychologischen Methodik. S. 123, 126.

волей неволей должно было осуществляться слухо-моторно по преимуществу,—во втором же оно осуществлялось зрительно (почему угнетающая деятельность была ей гетерогенна и оказывала минимальное влияние).

Эвристическое значение интроспекции. В изложенном до сих пор мы стремились показать и по возможности обосновать на конкретных примерах фундаментальное значение интроспекции, во-первых, как необходимого средства для приобретения материала и качественных понятий психологии.

Во вторых, как незаменимого интерпретатора всех об'ективных данных наблюдения и эксперимента.

Теперь нам остается остановиться еще на одной важной роли интроспективного метода.

Я имею в виду самонаблюдение в форме „мысленного эксперимента“, как представливания себе мысленно известных физических и психических условий, в действительности не данных, с целью „вчувствования“ в них до действительного переживания обусловливаемого ими состояния. В психологии очень часто экспериментатору приходится задумываться перед выбором того или иного технического метода, того или иного расположения опыта, той или иной инструкции испытуемому, причем решить дело одними логическими соображениями не всегда бывает достаточно.

Здесь-то и приходит ему на помощь „мысленный эксперимент“. Полагая в уме то ту, то другую обстановку, чтобы вызвать соответствующее ей переживание, он вчувствуется в нее и как бы примеривается к ней [1]). Интроспективное восприятие различных, таким путем вызванных, переживаний часто и будет в конце концов определять его выбор.

Благодаря „мысленному эксперименту“ интроспекция приобретает еще таким образом важное эвристическое значение при планировке новых опытов и при самой постановке психологических проблем, первоначально рождающихся в сознании психолога в виде попыток к такому „мысленному экспериментированию“.

В способности к такому мысленно вызванному, но подлинному переживанию различных возможностей и их интро-

[1]) *G. Müller.* Die Analyse der Gedäshtnisstätigkeit und Vorstellungsverlaufes. B. 1. S. 151, 160, 162.

спективному запечатлению Пфендер справедливо видит существенное условие „богатства или бедности психолога“ [1]).

Если, в итоге сказанного выше, мы видим все незаменимое значение интроспекции в психологической методике, то от упреков современной психологии в несогласованности и спорности ее данных мы, наряду с прочим, необходимо должны обратиться и к разработке интроспекции, как научного метода.

II.

Что понимать под интроспекцией?

Понятие интроспекции не является вполне определенно и однозначно установленным. Напротив,—нам приходится сталкиваться с значительно различными его пониманиями, каковые, будучи употребляемы без более точного определения, легко могут вести к совершенно ошибочным и для развития науки прямо вредным точкам зрения [2]). Мы сталкиваемся таким образом с необходимостью предварительно точно определить то содержание, которое мы должны вкладывать в это понятие.

Интроспекция и рефлексия. Обычно самонаблюдение понимается слишком широко. Именно под ним понимается всякое знание о себе, как носителе известных психических черт. То, что у меня хорошая или дурная память, твердый или нерешительный характер, что мне лучше заниматься утром, чем вечером,—все эти и подобные сведения по обычному пониманию даны мне моим самонаблюдением. Равным образом, открытие закономерности в моей душевной жизни приписывается ему же: „самонаблюдение“ учит нас, что длящееся раздражение часто перестает ощущаться, что для заметного различия интенсивности ощущений надо, чтобы они наростали в определенном отношении к начальному раздражению и т. д. Подобное слишком широкое понимание интроспекции мы встречаем у Локка, когда он приписывает своему „внутреннему чувству“ полу-

---

[1]) *A. Pfänder.* Введение в психологию. Рус. пер., стр. 119—120.

[2]) *Titchener.* Prolegomena to a Study of Introspection. Am. Journ. of Psych. v. 23, p. 433—436.

чение таких идей, как понятие памяти [1]), в качестве модификаций мышления, наблюдаемых умом в самом себе.

В интересах точного и однозначного понимания интроспекции, как специфического метода психологии, нам представляется совершенно необходимым выделить из ее содержания этот широкий придаваемый ей смысл и понимать интроспекцию уже, мысля в ней только особый род наблюдения или восприятия [2]), ибо открытие законов и всякого рода общих положений о свойствах моей психики есть результат действия размышляющего по логическим законам ума над полученным уже материалом. Это есть работа рефлексии (в собственном смысле, в отличие от Локковского — слишком широкого). Но, очевидно, подобная рефлексия не есть что либо специфически присущее психологическому исследованию,—напротив, она одинакова во всех науках, как приложение логических операций к сырому материалу. Мы же, видя в интроспекции специфический, отличный от внешнего опыта, источник познания, полагаем, что под интроспекцией не следует понимать того, что относится собственно к рефлексии, открывающей законы и соотношения, но лишь самый способ получения сырого материала [3]). Как таковой, интроспекция может быть сопоставлена с наблюдением каким-нибудь внешним чувством, скажем, зрением. Из такого сопоставления будет видно, почему интроспекции нельзя приписывать установления закономерных связей и образования понятий, подобных „памяти", являющихся понятиями об'яснительного умозаключения, а не непосредственной данности переживания.

Как внешнее наблюдение не может само одно открыть закона инерции или падения тел, поскольку остается лишь зрительным восприятием данного,—так и интроспекция поскольку остается лишь своеобразным восприятием переживаний в их данности не может сама по себе установить закона ассоциации или наростания ощущения.

И закон падения тел и закон наростания ощущения не

---

[1]) *J. Locke.* On Human Understanding. B. II, p. 348 (remembrance я перевожу „память", ибо рядом стоит recollection, т. е. „воспоминание").

[2]) *Titchener.* Prolegomena to a Study of Introspection. Am. Journ. 23, p. 447.

[3]) См. *Titchener.* The Schema of Intr. Am. Journ. 23, p. 486—487.

даются чувствам, как их восприятие, но конструируются лишь позже размышляющим умом, рефлектирующим на основе собранных и систематизированных отдельных данных зрению фактов падения и данных самонаблюдению фактов переживания разности в ощущениях из сопоставления этих фактов с их, не данными ни зрению в 1-м случае, ни самонаблюдению во 2-м, условиями.

Если мы примем деление, предложенное Коффкой [1]), всех психологических понятий на описательные (Descriptionsbegriffe) и функциональные (Functionsbegriffe), понимая под первыми понятия, в коих прямо схватывается реальное переживание, а под вторыми—понятия, образованные путем логической обработки и вывода из отдельных систематизированных данных и при этом будем видеть в подобном различии различный способ подхода к материалу [2]),—то путем интроспекции и будет лишь „описательный способ образования понятий“ „из простого восприятия“ [3]). Логическая же обработка фактов, их сопоставление, сличение, обобщение, предположения и выводы, дающие нам повод конструировать такие понятия, как „память“ (принятая для об'яснения способность удерживать и хранить полученные впечатления, без соответствующего этому понятию переживания), „внимание“ (как способность делать восприятие яснее и отчетливее), ассоциация и т. п. с нашей точки зрения не суть, поэтому, данные интроспекции в нашем смысле. Не будут ими, очевидно, и сведения, являющиеся нашим умозаключением, выводом о собственном характере, лучшем способе заучивания наизусть и все другие такие же, являющиеся результатом нашей рефлексии, знания о себе, представляющие собою те „мнимые воспоминания“ (vermeintliche Reminiszenzen), в коих и состоял „прославленный интро-

---

[1]) *K. Koffka.* Zur Analyse der Vorstellungen und ihrer Gesetze. 1912. S. 1—7.

[2]) Ибо прав *В. Зеньковский* (Пробл. псих. прич. 212—213) указывая, что ведь путем вывода, т. е. функционального образования понятий, а не прямого восприятия, может быть конструировано понятие, не только выражающее отношение, но и понятие переживания, не могущего лишь доселе быть прямо „описательным образованием понятия“ воспринятым.

[3]) *Koffka.* Op. cit. 4.

спективный метод философов“, о достоверности коего так резко и не вполне справедливо отзывается Г. Мюллер [1]).

Интроспекция и самооценка. Поскольку в интроспекции мы видим лишь особый род восприятия впечатлений, для нас в понятие ее не могут входить и какие-либо оценочные моменты. И здесь мы сталкиваемся с другой тенденцией слишком широко понимать „самонаблюдение“, понимать его как самооценивающую критику нами нашего поведения и душевных состояний. Подобный взгляд выражается в таких суждениях, как „понаблюдайте за собой, в вас развивается бессовестность“ и т. п., где под самонаблюдением именно имеют в виду постоянную самооценку, постоянное сопоставление моих переживаний и поступков с той или иной этической, правовой или эстетической нормой.

Когда Кант [2]) предсказывает помешательство и сумасшедший дом тому, кто вздумает заняться самонаблюдением „в виде методического сопоставления полученных самовосприятий, дающего материал для дневника“, то мы, очевидно, имеем дело именно с такой склонностью—вносить в понятие самонаблюдения отмеченную выше оценочную точку зрения, почему и замечания Канта, относящиеся к подобному роду самонаблюдения, при постоянном применении коего действительно возможно впасть и в ипохондрию [3]), не должны толковаться как относящиеся к суб‘ективному методу интроспекции вообще [4]).

В какой мере рассматриваемое неправильное понимание самонаблюдения с вытекающим из него опасением за здо-

---

1) *G. Müller*. Op. cit. 143—147.

2) *I. Kant*, Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Kirchmanns Philos. Bibl. S. 13.

3) *Kant*. Op. cit. 15.

4) *Kant* (Op. cit. 13—16) отрицает лишь систематическое самонаблюдение над естественным состоянием сознания (т. е. не вызванным нами произвольно), да еще с привнесением отмеченной оценочной точки зрения. Наблюдение же мною вызванных представлений и переживаний (вынужденных, по терминологии *Мюллера)*, признается и возможным и ценным (S. 15). Равным образом, от самонаблюдения (observere) отличается самовосприятие (attentio), которое необходимо должно осуществляться, но лишь не сознаваясь само суб‘ектом (muss im Umgange nicht sichtbar werden, S. 13), как саморассматривание.

ровье того, кто самонаблюдением занимается, еще недавно было живо даже в научной среде — говорят воспоминания Тичнера [1]), относящиеся к концу прошлого века, о том, как в Лейпцигской лаборатории студенту, занимавшемуся экспериментальной психологией, полусерьезно указывали на риск попасть в психиатрическую лечебницу. „И даже в нашем 20-м веке,—пишет Тиченер дальше,—один рецензент одной из моих книг серьезно сомневался в безвредности некоторых из описанных в ней экспериментов для душевного здоровья занимающегося". Очевидно, однако, что самооценка совсем не является необходимым и существенным моментом в интроспекции, понимаемой только как особый род восприятия.

Резюме. Таким образом, в изложенном выше мы стараемся ограничить понятие интроспекции, как метода психологического исследования, с одной стороны, от рефлексии, в коей знания о психической действительности даются не прямым отражением фактических переживаний, но как результат логической работы над ними, как выводы, с другой — от оценочного отношения к переживаниям, в коем последние интересуют наблюдателя не ради их самих, а ради их отношения к тем или иным ценностям. В оценочном самонаблюдении уже имеет место не простое восприятие, но также рефлексия — нормативного лишь характера. Поскольку в интроспекции мы вынуждаемся видеть своеобразный и специфический способ познания психологом мира переживаний в их качественности и не можем усматривать источника этой незаменимой своеобразности в логических операциях рефлектирующего ума—нам и кажется правильным видеть в интроспекции не более, чем особое психологическое восприятие действительности, аналогичное восприятию каким-либо внешним чувством в том смысле, что, как это последнее, она может давать лишь факты, как данности,—лишь сырой материал для науки, как системы.

---

[1]) *Titchener*, Op. cit. 433.

III.

Предмет психологического интроспективного описания. Нужен ли особый акт для его восприятия и каковы свойства этого акта?

Вопрос о специфичности интроспективного восприятия.

В предыдущем мы пришли к тому, что от интроспекции, как способа познания действительности, должно ожидать для научного образования понятий не более, чем в естественных науках от голого наблюдения. Она сама по себе одна не может ни конструировать законов, ни создавать об'яснительных понятий. Отнеся, таким образом, интроспекцию к одному из родов восприятия, мы вместе с тем должны уяснить себе своеобразность и специфичность этого рода восприятия, как совсем особого источника познания.

Подобное отграничение интроспективного восприятия от восприятий иного рода будет нами достигнуто выяснением прежде всего того, на что оно направляется, что им познается—иными словами—выяснением предмета научного психологического описания, поскольку как раз интроспекция и дает нам это последнее.

И здесь должно заметить, что в обычном повседневном нашем сознании мы оперируем не с тем, что является предметом исследования интроспективной описательной психологии. Хотя то, что обычно занимает наше сознание, и есть тем самым факт нашей психики, и казалось бы, что поэтому уже должно было бы являться об'ектом науки о психических явлениях, однако, будь так — все без исключения были бы всегда научными психологами. Ибо всякий, представляя что-либо, знает, что именно он представляет; ощущая—знает, что им ощущается; желая—знает, на что его желание направлено; совершая волевой поступок, всякий обычно сознает, что он хочет и чего старается достичь; наконец, мысля—всякий знает свои мысли, знает, что онъ мыслит [1]). Иметь такое знание о фактах нашего сознания для нас нет ничего легче. Без него было бы невозможно и общежи-

[1]) Не должно смешивать: знает свои мысли, но не то, что он есть обладающий такими-то мыслями.

тие. Интересы последнего требуют, чтобы мы представляли себе следствия наших деяний и сознавали бы, что мы представляем; всякая беседа предполагает обдумывание, т. е. сознавание нами того, что мы мыслим; ощущения указывают нам, что на нас воздействует, с чем мы имеем дело и т. д. Для осуществления подобного знания каждым не требуется ни специального к тому намерения и старания, ни, того меньше, каких-либо особых научных и экспериментальных приемов.

Но то, что познается здесь нами, хотя и является, в широком смысле, фактами нашего сознания, тем самым не оказывается предметом, интересующим психологизирующего наблюдателя. В противном случае — будь предметом психологии все факты сознания—существовала бы лишь одна наука—психология, и об'ектом ее изучения было бы буквально все.

Однако, легко видеть, что такое широкое толкование предмета психологии приводило бы нас к исходному пункту недифференцированности областей научного исследования, в настоящее время уже превзойденному. Дифференциация исследования и классифицирующее расчленение „целостного единого опыта" донаучного человека значительно сузили и тем самым точнее определили предмет описательной психологии.

Поэтому „различение самих переживаний („содержаний сознания") от представляемых (или воспринимаемых, или суждением даваемых) в них не-переживаний, остается... фундаментом для различения наук как областей исследования" [1]).

Определить в связи с этим ближе предмет психологического описания, проведя подобное различение в фактах сознания, нам представляется необходимым и в виду оживленной принципиальной полемики, возникавшей вокруг экспериментально-психологических работ над исследованием мышления, полемики, не пришедшей еще к согласованию различных точек зрения и указывающей на необходимость предварительного теоретического разрешения вопроса о

---

[1]) *E. Husserl.* Logische Untersuchungen. 1901. Band. II. S. 338.

предмете исследования описательной психологии. Для этого необходимо иметь в виду следующее.

Переживания и „предметы“ или смыслы. Переживания в нашем сознании являются связанными с не-переживаниями или „смыслами“, каковые должны быть от них различаемы. Эти „смыслы“ есть иначе „предметы“ или „что“ переживаний. Представляя знакомый дом, я мыслю сам дом, мыслю о самом доме, как имеющем независимое от меня „предметное“ существование, а не о том,—каждый раз различном и неполном—образе его, который у меня при таком мышлении наличен. Этот мыслимый дом, в отличие от образа его репрезентирующего, есть „предмет“ или „смысл“ моего представления. Ощупывая карандаш, я получаю ощущение давления, гладкости и т. д. говорящие мне, что я ощущаю твердый и гладкий карандаш вне меня, в трехмерном пространстве—этот „ощущаемый“ мною трехмерный карандаш как вещь и будет „предметом“ или „смыслом“ моего восприятия. Равным образом и в чувствах мы имеем в виду их „предмет“, когда говорим об „отвратительно пахнущем лекарстве“, „привлекательной прохладе леса“, „досаде на себя самого из-за невозможности выполнить задачу“ и т. д. Говоря о „своем решении переставить буквы в долженствующем появиться слове“ или о „моем старании быть внимательным“, я точно также имею в виду „предмет“, на который названные волевые переживания направляются.

Что в нашем опыте действительно существует такая двойственность: переживания с одной стороны и „предметы“ или „смыслы“ с ними связанные и на которые они направляются с другой—говорит прежде всего факт их взаимной независимой изменяемости.

Гуссерль [1]) приводит известный пример с шкатулкой, которую я рассматриваю, вращая. Здесь в каждый момент я получаю различные ощущения, „переживаемое содержание“ моего сознания каждую минуту меняется, но тем не менее я „вижу“ одну и ту же шкатулку, имею один и тот же „предмет“.

Мы видим, с несомненностью, что сами ощущения здесь отделяются от того, что ощущается. Зрительные ощуще-

[1]) *Husserl*. Op. cit. 361.

ния и „видимый“ через них предмет — две вещи разные. Равным образом, различные суб‘екты в одной и той же картине могут „видеть“ совсем различное. Здесь уже одинаковые ощущения дают различный „предмет“. Далее 2), в то время, как мир переживаний, ощущений, чувств, волевых моментов в каждый момент у различных лиц и в различные моменты у одного и того же лица бывает существенно различным—мир предметов или смыслов один. Мы все ощущаем один и тот же карандаш, ощупывая его руками, видим одно и то же здание, рассуждая, говорим об одном и том же, что и обусловливает возможность общения и понимания. Карандаш, здание, как „вещи“ и содержание наших суждений, как „смысл“, остаются во всех случаях себе тождественными и независимыми от сознания суб‘екта, в коем они осуществляются. В этом смысле „предметы“, в противность „переживаниям“, об‘ективны. „Мир предметов един“, пишет по этому поводу Т. Липпс [1]), „независимо от множественности образов и мыслительных актов, осуществляющихся в этих образах, и независимо от их разнородности и изменчивости“. Наконец, 3), самый способ данности нам „предметов“ представляется иным по сравнению с данностью самих переживаний.

Переживания, как „реальные процессы“ (Vorkomnisse), изменяющиеся каждый момент, в многообразной взаимной связности и взаимопроникновенности, „конституируют реальное содержание сознания психического индивидуума в данный момент“ [2]) и осознаются им „как данные“, „как находимые“, как являющиеся реальной частью моего сознания. Напротив, „предметы“, как являющиеся в переживаниях об‘ективно существующие „вещи“ или „смыслы“, „не суть как ощущения наличны“ (vorhanden) в нашем сознании, но скорее в нем лишь мыслимы (мнимы) (bloss vermeint), представляемы или принимаемы“ [3]). Это станет понятно, если мы будем иметь в виду то, что „предметы“, занимающие наше сознание, суть интендируемые чрез сами переживания содержания. В то время, как

---

[1]) *T. Lipps.* Leitfaden der Psychologie. 1909. S. 10.

[2]) *E. Husserl.* Op. cit. 326.

[3]) *E. Husserl.* Op. cit. 706.

переживания в виде образов, чувств, влечений и нерасчлененных „положений сознания“ составляют реальное наличное содержание сознания, формируют наше феноменологическое „я“—„предметы“, являясь интендируемым содержанием, не суть фактически ограниченная данность, ибо то, что мы интендируем, не обусловлено сколь нибудь однозначно реальной наличностью образов, чувств, влечений и положений сознания [1]). Вот почему в то время, как переживания суть в моем сознании,—предметы, как вещи и смыслы, не находятся в моем сознании, составляя его реальную часть, но „предстоят“ ему.

. . . . „Содержание“ (переживание) есть in mir, предмет mir gegenüber“.... как выражает это тонкое различение Т. Липпс [2]).

Ценным кажется нам то чисто эмпирически полученное подтверждение не фиктивности рассматриваемого различения, которое идет со стороны экспериментапистов. Так в pendant к намеченным выше сходным утверждениям Э. Гуссерля и Т. Липпса о различной данности „предметов“ и „переживаний“, испытуемый Тичнера [3]) говорит, что „смыслы—физические вещи (т. е. „предметы“ нашей терминологии) могут быть представлены в сознании, но они не составляют части сознания (may be represented in consciousness but they do not form part of consciousness) . . . Я принимаю (I acknowledge) смысл как нечто включенное (implied)... говорит испытуемый далее, но я не наблюдаю его как нечто существующее,—наличное (existing)“. Вместе с этим испытуемый указывает на имманентное самим „смыслам“ и „переживаниям“ различие их. „Смыслы“ статичны и сменяются обрывочно: один смысл исчезает, появляется другой; напротив, „переживания“ суть процессы, текучие, развивающиеся, переливчатые, переходящие один в другой [4]).

Наконец, такие факты, как невозможность иногда вспом-

---

[1]) Здесь и выше мы говорим о „предметах“ и „смыслах“, отождествляя их с тем, что *Husserl* (Log. Unt. 1901, B. II, S. 375) определяет термином **Intentionaler Inhalt** в его первом и втором значении.

[2]) *Lipps*. Op. cit. 9.

[3]) *Titchener*. Descr. vs. Stat. of Meaning, Amer. Jour. of. Ps. v. 23, p. 179—180.

[4]) См. Descr. vs. St. of M. p. 179—180.

нить шрифт только что прочтенного отрывка, между тем как смысл его совершенно ясен, равно как несознаваемость мною тех многообразных всплывающих образов, которые обычно бывают в сознании при мышлении, между тем как смысл мыслимого мною мне хорошо известен, или в волевых переживаниях—не подмечание, при сильно захватывающем меня стремлении к чему-нибудь, — необходимо наличных ощущений напряжения во лбу, глазах и т. п.—все подобные факты, взятые из жизни, говорят о такой необходимости различать сами переживания и их предметы или смыслы. Отношение первых к последним есть отношение интенциональной направленности, почему Гуссерль [1]) и называет „предметы" или „смыслы" „интенциональным содержанием".

Как таковое, вышенамеченное различение должно быть проводимо через все факты сознания, отмеченные интенциональностью. В мышлении и познавательных переживаниях наличие такого характера не возбуждает сомнения. Что же касается чувств и волевых переживаний, то они интенциональны, поскольку их фундирует познавательный момент.

Непосредственность предмета интроспективного описания.

Полагая, что таким образом различение „предметов" и „переживаний" может быть принято, нам остается указать, что именно на этом различении основано определение психологии, как науки о непосредственном опыте, в противоположность другим наукам об опыте опосредственном.

Интроспектирующая психология имеет своим предметом переживания, как таковые, берет их ради их самих, „an und für sich"..... без интереса к их генетическим связям или к тому, что они вне себя, как таковых, обозначают, и для чего могут служить": ...описательно-психологический анализ, напр., произносимого звукового образа-слова открывает звуки (Laute) и абстрактные части или одинаковые формы звуков, но не мыслимый смысл, делающий из звукового образа название, и не лицо, к коему это название может относиться [2]). Описательная психология интересуется переживаниями, конституирующими реальное содержание сознания индивидуума во всей их индивидуальности [3]).

[1]) [2]) *Husserl.* Op. cit. 374—375.

[3]) *Husserl.* Op. cit., 97—98; *Titchener.* Учебник психологии, рус. пер. стр. 5.

Напротив, науки о „вещах" и „смыслах" интендируемых через переживания, тем самым имеют дело не с фактически ограниченной реальностью непосредственно наличных переживаний, а с „вмышляемым", так сказать, в них „предметом", благодаря чему они входят уже в трансцендентный наличной данности переживаний мир—мир „вещей", „предметов", „смыслов", „понятий". Иными словами, предметом этих наук оказывается посредственно даваемый опыт. „Сознание, не имея предметов в себе, противостоит им, оно направляется за пределы того, что в нем есть, и, таким образом, за пределы себя самого, во-вне—в трансцедентный ему мир". „И в этом его своеобразная функция. Сознание по самому существу своему есть такое прыгание через свою тень". Так характеризует Т. Липпс [1]) „посредственность" всякого об'екта познания, кроме самих, складывающих реальное содержание моего сознания, переживаний.

Вот почему психология может быть определяема как „наука о непосредственном опыте".

Если таким образом, вместе с вышецитированными авторами, мы за предмет психологического описания примем переживания—процессы, в отличие от „предметов" и „смыслов", на том основании, что первые 1) реально конституируют содержание нашего сознания, как фактически ограниченная непосредственная данность, тогда как вторые лишь „вмышляются" в эту данность, оказываясь ей трансцедентными, и 2) создают индивидуально различный психический мир каждого, тогда как „вещи" и „смыслы" вне переживаний их не различны индивидуально [2]),—то для нас рождается еще существенный вопрос, долженствующий быть нами так или иначе предварительно выясненным для полного понимания и обоснования вопроса о самонаблюдении, как методе психологического исследования.

Вопрос о необходимости акта познающего предмет интроспективного описания.

Дело в том, что если наблюдатель вращается в различных мирах, из коих мир описательно-психологический лишь один и притом для наблюдателя наименее привычный и

1) *Lipps*. Op. cit. 12.

2) При этом конкретность отнюдь не мыслится нами необходимо присущей характеристикой переживаний-процессов.

обычный[1]), а это несомненно так, ибо мы обычно имеем дело с вещами — домами, кораблями, улицами и т. п. смыслами, как тем, что думаем, а не с эмоциями, волевыми импульсами и ощущениями в их „бессмысленности“[2]),— если таким образом, при отмеченной двойственности содержаний нашего сознания, мы обычно „установлены“ на познании трансцедентных переживаниям предметов, то спрашивается, потребен ли особый познавательный акт для познания самих переживаний, как предмета психологического описания, или это знание дается обычной установкой познания на „вещи“ и „смыслы“, вместе с знанием об этих последних, без особого познавательного акта и тогда, значит, переживания даются познанию просто своим наличием? В последнем случае интроспекция будет не актом восприятия, а пассивным сознаванием наличной данности.

Связь его с вопросом о безсознательном.

Вопрос о необходимости особого познавательного акта для того, чтобы иметь знание о переживаниях сводится в свою очередь к другому вопросу, именно к признанию или непризнанию нами существования непознанных переживаний—иными словами подсознательных или бессознательных.

Отвергнув возможность последних, мы тем самым признаем, что переживания существуют лишь поскольку познаются нами и, следовательно, существование их будет уже eo ipso знанием о них и обратно одно их наличие будет давать знание о них.

Напротив, если мы найдем основания принять существование переживаний и неопознаваемых нами, то и вопрос о нужности особого познавательного акта интроспекции решится для нас в положительном смысле.

Все ли переживания всегда бывают сознаваемы?

Сознательность, как необходимое свойство переживаний.

В положительном смысле на поставленный вопрос отвечает профессор А. И. Введенский[3]), говоря, что „душевные явле-

---

[1]) *Titchener.* Description vs. Statement of Meaning. Am. Jour. XXXIII, p. 167.

[2]) Такую установку нашего познания, как диктуемую жизненными потребностями, отмечает и *Н. Лосский,* Осн. уч. псих., 121.

[3]) *А. И. Введенский.* Психология без всякой метафизики, стр. 15.

ния обладают одной особенностью, которая называется сознательностью... Она состоит в том, что, переживая душевное явление, мы в то же время через это самое уже знаем, какое именно душевное явление мы переживаем". „Быть нам известными" является таким образом свойством, естественным образом принадлежащим нашим переживаниям.

Однако, Введенский впадает в противоречие с только что им же высказанным, когда допускает возможность того, что мы „можем невольно не замечать в душевных явлениях того, что противоречит нашим предвзятым взглядам" [1]... Ведь в таком случае, значит, существуют и незамечаемые нами душевные явления, а следовательно, сознательность им временами не бывает присуща?! Полнее и определеннее останавливается на интересующем нас сейчас вопросе Ф. Брентано [2]) в своем учении о „внутреннем сознании". По нему внешнее восприятие, направленное к познанию природы и физическаго мира, является в то же время и средством психологического познания тех психических феноменов, кои имеют место в случае внешняго восприятия в виде актов суждения, представления, чувства и т. д. [3]). И это в силу того, что всякий психический акт (а ими и исчерпывается, по Брентано, психическое вообще), помимо отношения к своему первичному об'екту, звуку, цвету и т. п., представляет и познает себя самого во всей своей полноте [4]). Поэтому, хотя наше внимание и направляется на предметы, но нами сознаются и сами переживания, в коих эти предметы даны. „Психический акт слышания, помимо того, что в нем представляется физическое явление тона, есть в то же самое время во всей своей полноте сам свой предмет и содержание" [5]).

Такая сознательность психических явлений дается не каким-нибудь привходящим к ним познавательным актом, но дана „в них самих" [6]), как „своеобразное слияние" в одном акте знания о внешнем об'екте с знанием о самом психическом явлении этого акта.

Опознанность, свойственная переживаниям и состоящая

---

1) *Введенский*. Op. cit., 17.

2) *Fr. Brentano*. Phychologie vom empirischen Standpunkte 1874.

3) *Brentano*. Op. cit. 36. 4) ib. 182. 5) ib., 170—167. 6) ib., 202.

просто в нашем воспризнании—узнавании (in einer einfachen Anerkennung)[1] их, не присоединяется как „второй, особый акт"—что вело бы к безконечно усложняющейся цепи познавательных актов,—но дана самими психическими явлениями, как особое их свойство и особенность[2]). Стоя на такой точке зрения, Брентано задается вопросом, насколько действительно все переживания сопровождаются таким внутренним сознанием, делающим их самих самопознающими, и рассматривает вопрос о существовании бессознательных, неопознанных психических явлений. Признание таковых, по самому существу предметов, не может быть дано непосредственным познанием их и принимается, следовательно, лишь на основании данных фактов, как вывод из них или гипотеза. Уже по одному этому, признать бессознательные психические явления мы должны, по мнению Брентано, лишь тогда, когда „факты", о которых идет речь, немыслимы или, по крайней мере, очень невероятны при других гипотезах, без признания бессознательных психических явлений[3]).

Между тем, он находит, что как раз это условие и не выполняется ни одной из попыток путем умозаключения обосновать признание неопознанных переживаний. Обычным аргументом в пользу такого признания бывает необходимость найти причину тем или иным наблюденным фактам. Случаи неожиданных выводов, заставляющие предполагать бессознательное умозаключение, или случаи всплывания в сознании впечатлений, ранее, казалось-бы, не бывших осознанными, как раз, по мнению Брентано, не исключают для нас и другого своего об'яснения, помимо признания бессознательного. Именно, скорее их следовало бы об'яснить ассоциациями с выпавшими от навыка средними членами—в случае неожиданного вывода и с задержанными при первоначальном ощущении ассоциациями, всплывающими лишь позже—во втором случае[4]).

Равным образом, когда бессознательные переживания принимаются как результат, должный получиться от наличных условий, однако нам фактически не даваемый, по Брентано, нет необходимости принимать существование именно бессознательных переживаний, ибо мы можем допу-

---

[1]) *Brentano*, Op. cit., 186. [2]) ib., 174. [3]) ib., 142. [4]) ib., 138—151.

стить, что ожидаемый результат был как осознанное переживание, но лишь короткое время, почему и исчез из памяти [1]). В результате подобной оценки главнейших путей доказательства существования переживаний, нами не сознаваемых, Брентано приходит к тому выводу, что „на вопрос: существует ли бессознательное сознание, в поставленном нами смысле, должно ответить решительным „нет“ [2]). А отсюда следует, что интроспективное познание, как внутреннее восприятие, осуществляется постоянно во время нашего бодрствования, осуществляется само собою без какого либо усилия или старания к тому с нашей стороны.

Если бы таким образом, внутреннее восприятие сопровождало непрерывно всю жизнь нашего сознания, то психология,—несмотря на трудность прямого самонаблюдения, признаваемую и Брентано [3]),—все же была бы в огромном преимуществе перед другими науками, где об‘ект должно отыскивать и воспринимать с особой подготовкой и усилиями. Ведь путем повторения столь легко дающихся внутренних восприятий, мы могли бы вполне компенсировать невозможность по отношению ко многим видам переживаний произвольного длительного самонаблюдения, и — принимая еще очевидность, приписываемую Брентано его внутреннему восприятию — в психологии должны бы были иметь наиболее развитую, наиболее свой предмет знающую и наиболее бесспорную и достоверную дисциплину.

Однако, лица даже немного знакомые с психологической литературой должны признать, увы, сколь далеко от подобного идеала настоящее положение психологии. Уже это одно, несоответствующее ожидаемому, фактическое состояние психологии должно внушить нам сомнение в правоте утверждений Брентано касательно того, что все без исключения и всегда переживания даются нашему познанию сами собой, что быть об‘ектом нашего познания оказывается свойством их самих. Но и помимо этого, ряд соображений убеждает нас в неправоте точки зрения Брентано вообще и, в частности, его отрицания существо-

Критика взглядов Брентано. Необходимость признания неопознанных переживаний.

[1]) *Brentano*. Op. cit. 155. [2]) ib., 180. [3]) ib. 168—169.

вания переживаний не являющихся об'ектом нашего знания, переживаний подсознательных или неопознанных.

Прежде всего непонятно уже теоретически, почему наши переживания, вполне характеризуемые с феноменологически-описательной точки зрения их качеством и интенсивностью, оказываются, в убеждении Брентано и сходно с ним мыслящих, наделенными еще особым свойством,—именно „быть для нас сознательными", как особенностью, присущей им по самому их существу. Такое основное положение рассматриваемого понимания доказывается главным образом от противного: указанием на недопустимость бессознательного. Положительный же путь доказательства, приводимый Брентано, грешит на наш взгляд явным petitio principii. Именно, Брентано [1]) указывает, что как интенсивность каждого психического акта (представления, желания, ощущения) прямо пропорциональна интенсивности его об'екта (цвета, звука и т. п.), также и интенсивность представления (как наше знание) о самом этом акте (т. е. представление представления, желания, акта ощущения и т. п.), будет прямо пропорциональна интенсивности его самого. Иными словами, как не может нам быть дано об'екта без психического акта его усвояющего, так не может быть и психического акта без осознавания его. Однако, легко видеть, что последнее и представляет как раз спорную проблему, не разрешаемую простой аналогией с связью об'екта и воспринимающего акта. Если бы там действительно интенсивность тона и была всегда равна интенсивности его слышания,—здесь такое соотношение между слышанием тона и моим представлением — знанием о моем слышании тона совсем не очевидно. Далее, существуют на наш взгляд достаточные основания и для того, чтобы, в противоположность взгляду Брентано, признать за крайне вероятное существование неопознанных переживаний.

И здесь в их пользу говорит прежде всего факт узости нашего сознания. В каждый момент на нас воздействует столько раздражений, что познать все вызываемые ими ощущения представляется, вследствие указанного свойства нашего сознания, невозможным. Между тем обращением

[1]) *Brentano*. Op. cit. 158.

своего внимания я тотчас же могу получить опознанные ощущения, условия для коих существовали и до этого момента обращения внимания. Поэтому, мы должны, по крайней мере, утверждать, что существует нечто, что при нашем внимании оказывается опознанным переживанием. Вот это-то нечто мы и можем называть подсознательным или бессознательным, как не дошедшим до нашего сознания. За психичность этого „нечто" говорят другие факты и, например, известный факт иллюзии в определении сравнительной тяжести нескольких одинаковых на вид цилиндров, различной лишь величины. Здесь неизменно самый малый оценивается как самый тяжелый и обратно. Спрашивается — почему? И наиболее правдоподобным пониманием будет допущение безсознательного, неопознаваемого нами умозаключения у сравнивающего тяжести суб'екта. Именно: зная из опыта, что из одинакового материала сделанные предметы (каковыми кажутся и даваемые цилиндры) чем меньше, тем легче,—он сообразно с этим, сравнивая величину данных цилиндров, и посылает импульсы в свою руку. Из взаимодействия же посылаемого импульса и об'ективной тяжести и рождается ощущение тяжести и иллюзия того, что самый цилиндр (на под'ем которого послан самый слабый импульс) есть самый тяжелый.

Для нас важно отметить, что данный случай ассоциативно едва ли об'ясним, ибо здесь соблюдается соотносительность в величине импульсов, а следовательно, осуществляется сравнение.

Не удлиняя дольше числа эмпирических фактов, говорящих за существование неопознанных переживаний, мы упомянем лишь, как часто принятие какой-нибудь посылки об'ясняется не чисто логическими соображениями, но чувствами, что становится для нас совершенно ясным некоторое время спустя, хотя в момент переживания, сыгравшее решающую роль чувство и не опознавалось нами.

Вот почему мы вполне соглашаемся с Н. Лосским в том, что „можно переживать сильное чувство ревности, зависти и т. п. и не познавать, что переживаешь эти чувства" [1], и что вообще, область сознания шире того, что есть знание [2].

[1] *Н. Лосский.* Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма, стр. 17. [2] ib., 117—122.

Необходимость особого познавательного акта для опознания переживаний.

Вместе с этим мы становимся на точку зрения психологического реализма в том смысле, что признаем за переживаниями существование независимое от того, сознаются они нами или же нет. И тем самым мы принимаем для психологии такое же отношение к об'екту ее изучения, какое принимается во всех прочих дисциплинах, где предполагается, что познающий наблюдатель и познаваемый им предмет есть два раздельные фактора, сочетание коих и дает знание.

Раз в таком смысле решается для нас вопрос о нужности особого познавательного процесса со стороны наблюдателя, чтобы переживания стали нашим знанием, то очередным становится дальнейший вопрос. И именно: Чем характеризуется акт интроспективного восприятия. Посмотрим предварительно, в чем состоит внешнее восприятие?

Имманентная интенциональность как особенность этого акта.

Всякое внешнее восприятие есть известное „мышление" или „разумение" (Meinen) предмета, на который данные конкретные ощущения и являются интенционально направленными. К существу восприятия таким образом принадлежит интендирование (направленность на) того или иного предмета. Что это будет за предмет,—есть дело толкования воспринимающего. Так понимает акт восприятия и Э. Гуссерль [1]), когда говорит, что к существу восприятия относится, „чтоб что-нибудь в нем являлось" (erscheine). Что же именно будет это являющееся, т. е. каков будет мыслимый предмет восприятия — это уже создается интерпретацией суб'екта. Воспринимаю дом—это значит, что я интерпретирую свои действительно переживаемые зрительные ощущения определенным образом. Слышу я шарманку—это значит, что я ощущаемые тоны мыслю как звуки шарманки и т. д. Если таким образом внешнее восприятие есть несомненно подобного рода интерпретация, толкование, то не только однозначность понятия, но и данные опыта говорят за то же и относительно восприятия нами наших переживаний.

---

[1]) *Husserl.* Log. Untersuchungen, B. II, S. 705.

Приводимые Гуссерлем же [1]) примеры в роде таких выражений, как „страх душит меня“ (die Angst mir die Kehle zuschnürt) „боль сверлит мне зуб“ или высказывания о „потрясающем меня блаженстве“ или „тоске на сердце“,—склоняют нас к признанию, что и здесь, когда речь идет о моих душевных состояниях, воспринимающий продолжает быть интерпретатором, интендируя переживания на предмет.— В вышеуказанных случаях —это различные части моего тела и „я“ и, следовательно, предмег, отличный от самих переживаний, трансцендентный им. Хотя здесь интересующим нас об‘ектом оказываются не сами переживания в их бессмысленной качественности, но трансцендентные им смыслы (страх душит меня, боль сверлит зуб и т. п.), почему эти примеры и не суть примрры восприятия научного психологического описания, однако, все же это примеры суждения внутреннего восприятия психических состояний. Последнее для нас и представляется здесь важным отметить для того, чтобы установленную во внешнем восприятии черту его—именно интерпретацию, через мышление предмета, констатировать и на внутреннем восприятии обыденной жизни.

Представляет ли тогда исключение в этом отношении интроспективное восприятие научного психологического описания? Нет, существо акта восприятия остается и здесь то же—это тоже особое интенциональное мышление известного предмета. Особенность нашего интроспективного восприятия в том, что интендируемым предметом интроспективного восприятия являются сами переживания как таковые, а не что-либо трансцендентное им. Интроспектирующий психолог мыслит как предмет своего восприятия как раз сами переживания, вне всякой зависимости от тех значений и смыслов, которые могут быть чрез них интендированы. Он воспринимает не сверлящую мой зуб боль—но просто боль в ее качественной характеристике, не наполняющую мое сердце радость, но чувство удовольствия как таковое. Интенция психологического интроспективного восприятия стремится быть имманентной самим на-

---

[1]) *Husserl*, 704—705.

лично данным переживаниям, тогда как внешнее и не описательное психологическое восприятие интендирует всегда трансцендентный самим переживаниям предмет. В последних переживания переживаются, но не воспринимаются, т. е. сами не являются интендируемым предметом, но играют лишь репрезентирующую предмет роль [1]). В таких восприятиях с трансцендентным предметом „этот интендируемый или, если угодно, интенциональный предмет не имманентен являющемуся акту; на лицо интенция, но не сам предмет долженствующий осуществить (erfüllen) ее“ [2]). Поэтому всякое внешнее восприятие, как восприятие с трансцендентным предметом, есть восприятие не адэкватное: мыслится больше и не то, что налично дается переживаниями. И, обратно, восприятия психологического описания суть восприятия адэкватные, поскольку в них мыслится как раз то, что дается наличными переживаниями. К такой имманентности интенции сводится по существу, в конце концов, и та особая психологизирующая точка зрения,—интересующаяся переживаниями, как таковыми, ради них самих,—указание на которую мы встречаем в той или иной формулировке у психологов различных направлений. Мы не будем, однако, уклоняться здесь от нашего плана в сторону, связанного с этим затронутым вопросом, гносеологического различения очевидных и не очевидных восприятий, отметим лишь еще раз, что между интроспективно психологическим восприятием и всяким другим существует решительное различие. Но это отличие лежит не в совершенно различном существе внутреннего и внешнего восприятия, как это склонен понимать Брентано—не видя во внутреннем восприятии акта—но в имманентной самим переживаниям интенции психологического восприятия.

Имманентная интенциональность возможна.

Отрицание интенциональности за интроспективным восприятием, защищаемое Г. Корнелиусом, не представляется нам убедительным, поскольку оно основывается на признавании интен-

1) *Husserl*. Op. cit. 709.
2) ib., 711

циональности лишь за случаями мышления трансцендентного, реально не даваемого, предмета [1]).

Ведь, если я могу интенционально мыслить как раз то, что покрывается адэкватно наличными переживаниями, а этой возможности отрицать нельзя [2]), то тем самым становится вполне допустимой и изложенная выше точка зрения Гуссерля на существо интроспективного восприятия как на интенциональный же акт лишь с имманентным самим переживаниям предметом.

Итак, рассмотрение вопросов о предмете интроспективного описания, равно как и о природе усвояющего этот предмет акта восприятия указали нам специфичность и особость того и другого.

Об'ект психологического описания, как конституирующие реальное содержание сознания переживания, отличен от об'ектов всех прочих наук.

Специфичность акта интроспективного восприятия дается имманентностью его интенции.

Имея все вышесказанное в виду, мы можем пойти дальше и задаться вопросом, как же наилучше использовать такое восприятие для познания такого об'екта.

IV.

О возможности интроспективного апперципирования. В каком виде оно оказывается возможным?

Интроспекция как вид эмпирического метода наблюдения вообще.

Выше нами была уже определена роль интроспекции в психологической науке. Роль эта сводится к восприниманию нами наших переживаний в их качественной окраске, иными словами к доставлению описательного материала для науки как системы. С точки зрения психологической, интроспективное восприятие как акт опознавания представляет собою, аналогичную восприятию внешнему, деятельность внимания или апперцепцию, долженствующую сообщать яс-

[1]) *H. Cornelius.* Psychologische Prinzipienfragen. Zeitschr. f. Ps. B. 43, S. 33—34.

[2]) *E. Dürr.* Erkenntnisstheorie. S. 27.

ность и отчетливость об'екту, и связанную с более или менее полно формулированным обозначением (нотированием) его.

И с этой стороны интроспекция есть общий у всех эмпирических наук метод наблюдения, осуществляемый лишь с особой точки зрения и по отношению к особому предмету. Поэтому как к всякому наблюдению, так и к интроспективному познанию, может быть приложено одно общее основное нормативное условие для достижения наилучших результатов. Этим условием будет внимательное восприятие и прослеживание явлений и отмечание их тем или иным образом. Чем концентрированней будет наше внимание на наличном об'екте наблюдения и чем неразрывней будет оно сопровождать этот об'ект со всеми происходящими в нем изменениями—тем полней и достоверней будет наше знание.

Вопрос об апперципировании наличного об'екта.

В то время как в химии, ботанике, астрономии и др. эмпирических науках о внешнем мире, внимательное воспринимание об'екта в его наличности не представляет обычно сколько-нибудь заметных трудностей, в психологии, свойства ее предмета, создают для нее в этом отношении совсем особое положение. И если во всех прочих науках методологические вопросы по преимуществу касаются вызывания явлений и дальнейшей систематизирующей обработки полученных данных,—вопрос же о внимательном апперципировании подлежащих наблюдению об'ектов принимается как нечто само собою разумеющееся и не требующее каких-либо особых условий, кроме естественно предполагаемого, желания наблюдателя осуществлять наблюдение,—то в интроспективно описательной психологии вопрос об осуществлении апперципирования наличных переживаний оказывается, мы сказали бы, центральным в ее методологии.

Спорность его в психологии. Сомнения в возможности апперципирования наличных переживаний.

Дело в том, что в психологии как раз этот фундаментальный для всякого наблюдения момент оказывается спорным. С одной стороны возникает решительный скептицизм; те или иные попытки преодолеть этот скептицизм, с другой. При этом в споре вопрос часто берется слишком обще и не расчлененно.

Два имени обычно имеются в виду, когда речь идет о трудности психологического метода интроспекции и хотят указать на невозможность такого способа познания, по самому его существу. Это имена Конта и Канта.

О. Конт [1]) отчасти путем анализа, отчасти путем анализа фактического положения дел стремится доказать полную немыслимость самонаблюдения, — „иллюзорность“ того, что называют внутренним наблюдением, как метода познания нами наших переживаний. Подобная невозможность внимательно воспринимать происходящее в нашем сознании, представляется Конту понятной, если принять в рассчет то обстоятельство, что в психологическом интреспективном восприятии об‘ект и суб‘ект совпадают. И об‘ектом моего наблюдения должно быть мое сознание, и суб‘ектом, тем, что должно эту деятельность наблюдения осуществлять, оказывается оно же.

Таким образом, один и тот же орган оказывается вынужденным и действовать и в то же самое время наблюдать свою деятельность. Последнее же, по мнению Конта, неосуществимо так же как для нашего глаза невозможно видеть свое видение, т. е. изображение получаемое на сетчатке [2]).

Больший вес придает он другому доказательству невозможности „внутреннего наблюдения“. Он указывает на фактическую затруднительность положения, когда мы, желая углубиться во „внутреннее наблюдение“, одновременно должны и ничем кроме этого наблюдения не заниматься и вместе все же иметь наше сознание деятельным, дабы наблюдать эту его деятельность (исключаемую самим внутренним наблюдением). Таково поистине печальное положение психологического наблюдения над своими переживаниями, рисуемое Контом. „С одной стороны, пишет он, вам предписывают отвлечься как только возможно от всяких внешних ощущений и вам должна быть совершенно запрещена всякая умственная деятельность; ибо, если вы займетесь хотя бы самыми простейшими вычислениями, что станется с внутренним наблюдением? С другой же стороны, после того, как, наконец, удастся путем предосторожностей достичь

[1]) *Aug. Comte.* Cours de philosophie positive, 2-me edition, p. 29—33

[2]) *Aug. Comte.* ib., p. 30.

состояния совершенного умственного сна, вы должны заниматься совершением умственных операций, которые будут происходить в вашем сознании, между тем, как там больше уже ничего не происходит"! -

Подобное положение совершенно ясно для Конта в особенности по отношению к нашему старанию заняться наблюдением над своей интеллектуальной сферой. Однако, аналогичная же трудность остается и для всех прочих об'ектов психологического познания, поскольку суб'ект и об'ект оказываются совпадающими, благодаря чему и создается известное обратное отношение между концентрацией суб'ективной стороны и естественностью и широтою об'ективной. Почему „чем старательнее мы наблюдаем, тем меньше находим, что нам наблюдать" [1]).

Кант, какъ упомянуто выше, также принадлежит к числу тѣх, кто определенно подчеркивают особую, имманентную самому существу самонаблюдения, трудность его.

Психологическое наблюдение по самой природе своей „видоизменяет или совсем расстраивает подлежащее наблюдению состояние" [2]), пишет он по этому поводу. Желающий познать свои переживания находится обычно в критическом положении: когда наличны чувства, он себя не наблюдает, когда же он себя наблюдает, чувства остывают [3]). К тому же об'ект психологии дан лишь во времени и поэтому текуч, почему созерцание внутреннего чувства отнюдь не может быть длительным, каковое необходимо для приобретения подлинного связного опыта [4]).

Таким образом зависимость об'екта и текучесть его создают по Канту самые невыгодные условия для психологического познавания, для осуществления того апперцепирования предмета в его наличности, о котором у нас идет речь.

Однако, Кант далек от мысли отрицать вместе с этим возможность всякого интроспективного познания вообще. В

---

[1]) Как формулирует положение *W. Volkmann*. Lehrbuch der Psychologie. B. I, S. 42.

[2]) *Kant*. Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft. 1786. S. X ff.

[3]) *Kant*. Anthropologie in pragm. Hinsicht. Kirchmanns Aufg. S. 3.

[4]) *Kant*. Anthropologie, S. 16.

то время как Конт от своих сомнений в возможности одновременного самому переживанию схватывания его решительно переходит к игнорированию интроспекции как пути познания, вместе с чем отрицает и психологию, выдвигая на ее место френологию, — Кант оказывается несравненно более осторожным мыслителем и тонким психологом.

Справедливо отметив момент трудности намеренного наблюдения некоторых состояний сознания, как например, аффектов, без изменения самих этих об'ектов, — Кант проводит различение между наблюдением (observere), как методическим сопоставлением получаемых восприятий, в каковое сопоставление привносится у него и оттенок этической самооценки — с одной стороны, и подмечанием (animadvertere, attentio) своих переживаний, осуществляемым незаметно для самаго суб'екта, т. е. им в свою очередь неосознаваемым [1]). В то время как первое (наблюдение) невозможно без вышеуказанных нарушений правильного протекания переживаний подлежащих наблюдению, — второе, это подмечание или, мы сказали бы, случайное восприятие не только возможно и необходимо, но и осуществляется постоянно в обычном течении жизни нашего сознания [2]).

Наконец, и наблюдение как произвольное (методическое) направление внимания не оказывается, по Кант'у, принципиально невозможным, как у Конта, но лишь совершенно непригодным, если мы хотим схватить естественное протекание переживания. Улавливание насторожившимся вниманием таких переживаний или представлений непроизвольно (ungerufen) всплывающих в сознании есть по нему, дело не только неосуществимое, но и опасное для здоровья [3]). И напротив, наблюдать (zu beobachten) в себе различные акты представления, произвольно мною вызываемые (wenn ich sie herbeirufe) является по Канту, не только осуществимым, но и нужным и полезным. В виду такого расчленения вопроса о возможности апперципирования наличных переживаний, нам кажется, что Канта отнюдь не следует ставить наряду с Контом как безусловного отрицателя самых источников наших психологических све-

---

[1]) [2]) *Kant*. Anthropologie in pragm. Hinsicht. S. 13.
[3]) *Kant*. ib., 15.

дений. Напротив, несмотря на существующую у Канта тенденцию принижать в теории психологию как науку,—в основном вопросе психологической методики он оказывается вполне современным по своим взглядам и нам, поскольку проводит определенное различие между произвольным наблюдением и непроизвольным подмечанием и поскольку отмечает необходимость трактовать приложимость того и другого раздельно по отношению к естественным с одной стороны и нами самими произвольно вызванным состояниям сознания с другой,—различение лишь в недавние годы выдвинутое Г. Мюллером [1].

Фактичность трудности опознавания наличного об'екта в психологии.

Однако, и Кант и Конт определенно указывают на один пункт, который мы здесь и хотим отметить. Это на невыгодную особенность внутреннего восприятия, обнаруживающуюся в извращении, а порой и в полном распадении наличных об'ектов такого интроспективного восприятия.

Стоит мне захотеть приложить внимание к тому, как психологически осуществляется мое мышление или чувствование, как мысли распадаются, чувства утихают, и я оказываюсь перед отсутствующим уже об'ектом. Подобная трудность сознательно апперцепировать наличные переживания может быть названа имманентной трудностью интроспекции, как присущая самой природе ее, как деятельности внимания.

И она есть факт, независимый от какой бы то ни было теории, дающей ему толкование. Будем ли мы понимать эту трудность как следствие несовместимости в сознании одновременно двух деятельностей (деятельности сознания требуемой для осуществления самого переживания и деятельности внимания, направленной на само это переживание), или как либо иначе, факт, подтверждаемый опытом каждого, остается фактом. И как с таковым с ним надо считаться.

Отрицание имманентной трудности интроспекции.

Между тем мы встречаемся и с попытками отрицать эту имманентную трудность интроспекции на основании теоретических соображений о существе внимания.

Такие попытки делаются в психологической литературе

---

[1] *G. Müller.* Zur Analyse der Gedächtnisstätigkeit. 1911. B. I.

наиболее определенно Г. Мюнстербергом и Э. Тичнером.

По Мюнстербергу [1]) существует лишь одна деятельность—это просто сознавание (bekannt werden) [2]). Все изменения в наших переживаниях суть поэтому лишь различия в содержаниях, в том, что одно содержание исчезает, другое появляется, бывшее менее ясным и отчетливым переживание становится более ясным и отчетливым и т. д. А отсюда, и намерение, порождающее внимание, (коему главным образом и приписывалась выше необходимо разрушительная роль по отношению к наличным переживаниям), оказывается не более как присоединяющимся к прежней наличности содержаний новым представлением [3]).

Внимание отнюдь не есть какая-либо „деятельность сознания, но ощущения напряжения вместе с теми или иными изменениями во всем данном комплексе содержаний— ощущений и представлений [4]). А раз внимание, а вместе с ним и то, что называют „наблюдение“, „подмечание“, „различение“ и „зафиксирование“ оказываются не более как ощущениями и представлениями, то, как кажется Мюнстербергу, говорить о какой-либо имманентной и принципиальной трудности самонаблюдения наличных переживаний совершенно неосновательно.

Наблюдать наличные переживания значит не более, как присоединять к ним новые представления и ощущения, характеризующие собою „деятельность“ внимания. Если чувство и распадается при одновременном его наблюдении, то это должно быть приписываемо, по Мюнстербергу, лишь индивидуальной неприспособленности отдельных лиц [5]), а отнюдь не необходимой природе самонаблюдения.

Е. Тичнер [6]), отожествляя внимание с [illegible] ясностью ощущений и представлений [7]), видит в нем не какую-либо деятельность или активность, но лишь те же ощуще-

[1]) *H. Münsterberg*. Ueber Aufgabe und Methoden der Psychologie. Schriften der Gesellschaft für psych. Forschung. I. Samml. 1893. S. 155.

[2]) ib. 156.

[3]) *H. Münsterberger*, op. cit. 158. [4]) ib., 159. [5]) ib., 165.

[6]) *E. Titchener*. Lectures on the Experimental Psychology of the Thought-Processes. 1909, p. 238.

[7]) *Тичнер*. Учебник психологии, т. 1-й, русск. пер., стр. 224—225.

ния и представления, которые являются и об'ектом его наблюдения. Поэтому под помехой, вносимой самонаблюдением в сознание, он понимает лишь появление в последнем нового содержания, нового комплекса представлений.

Этот комплекс оказывается, по Тичнеру, после некоторого упражнения одинаковым при всех психологических наблюдениях, почему, внося всегда определенное, постоянное изменение он будет порождать в исследуемом об'екте то, что технически называется постоянной ошибкой. Почему ничего фатального для науки такие, вносимые интроспекцией в об'ект, изменения и не означают. Ведь, наука боится лишь неучитываемых переменных ошибок, постоянные же ее не могут смущать [1]).

Неубедительность отрицания имманентной интроспекции трудности.

Неосновательность такого рассуждения, однако, совершенно ясна. Если даже и понимать под переживанием внимания лишь комплекс ощущений и представлений, то ведь присоединение его к различным целостным комплексам наличных переживаний будет вносить для каждой, индивидуальной в каждый момент, констелляции этих переживаний совершенно различные изменения и нарушения. И при том, нарушение вносимое в мое настоящее переживание новым возникающим в сознании комплексом наглядных элементов, будет качественным изменением этого моего настоящего переживания—вместо чувства гнева у меня может получиться чувство досады или смущения и т. п.. О каком же учитывании постоянной ошибки (очевидно, количественном, в целях учитывания ее), вносимой самонаблюдением в качественный мир переживаний может быть речь?!

Итак мы не можем вместе с Мюнстербергом и Тичнером не признавать за интроспекцией особой ей присущей трудности в отношении апперципирования наличных переживаний. Даже поставя себя на их теоретическую точку зрения и не признавая во внутреннем наблюдении интерференции деятельностей, мы приходим теоретически же *к признанию* такой имманентной процессу самонаблюдения трудности воспринимать наличные об'екты. Если не интерференция различно-направленных деятельностей, то узость со-

[1]) *E. Titchener.* Prolegomena to a Study of Introspection. Am. J. 23, p. 442.

знания, в коем ясность одного представления обратно пропорциональна ясности других, обусловят то, что одновременное самому моему мышлению наблюдение его расстроит, нарушит самое мышление. Ведь даже если мышление есть только смена представлений, то обычно эти представления, чтобы мысль осуществилась, требуют к себе внимания или, по Мюнстербергу и Тичнеру, должны быть ясны и отчетливы. Но вместе с тем должны быть ясны и отчетливы и другие представления (сопровождающие, переходные и промежуточные), характеризующие *наше переживание* данной мысли и являющиеся предметом описательно-аналитической психологии.

Очевидно, что в таком случае, вследствие узости сознания, ясность одних представлений (скажем, характеризующих самую мысль) будет идти за счет ясности других, характеризующих психологическое ее переживание (и самонаблюдение, следовательно, необходимо нарушит или совсем разрушит естественное переживание мышления, изменив ясность характеризующих его представлений). То же самое произойдет и от присоединения нового комплекса представлений и ощущений, представляющего наше „наблюдение“. Принципиальная необходимость нарушения нормального течения переживаний не устраняется.

Интроспективное восприятие оказывается возможным несмотря на несомненность имманентной трудности.

Таким образом мы все же приходим к констатированию имманентной интроспективному восприятию наличных переживаний трудности и к утверждению ее, как следствия совмещения об‘екта и суб‘екта в одном сознании. Вместе с этим, однако, мы не можем стать и на позицию радикального отрицания возможности интроспекции, представляемую Контом. Ибо позиция эта не может никого удовлетворить и просто как противоречащая фактам.

Фактически мы обладаем ведь интроспективным познанием. Помимо того, что все мы хорошо знаем качественные различия главнейших психологических категорий, мы оказываемся сплошь и рядом в состоянии указать, какъ осуществилось мое воспоминание, какие образы прошли в сознании, были ли они окрашены или ахроматичны, знаем, что одновременное звучание тонов до и ре всегда вызывает неприятное чувство, что это неприятное чувство

отлично от чувства зависти и т. д., одним словом, мы, хотя и не систематизированно, неполно и часто неточно, все же имеем знания о мире наших переживаний.

Распределение внимания как первое условие возможности интроспективного восприятия.

В каком же виде интроспективное апперцепирование переживаний оказывается возможным, раз оно возможно?

Пути разрешения этого вопроса, остающиеся основными и для нашего времени, намечены в общих чертах еще Дж. Ст. Миллем [1]), в его полемике с Контом.

Первый путь делающий возможным и для психологии апперципирование наличного об'екта—это возможность распределения нашего внимания. Наше сознание может быть внимательным одновременно более чем к одному об'екту. Возможность же для нас распределять наше внимание между несколькими об'ектами сразу дает почву для понимания возможности интроспективного восприятия переживаний в их настоящем. Мы знаем уже, что наше сознание обычно бывает направлено на предметы, вещи и смыслы, а не на сами переживания. Само осуществление переживаний требует такого направления сознания, в то же время психологическое наблюдение требует внимания как раз к самим переживаниям. Несовместимость таких двух направлений внимания и порождает часто полное нарушение естественного течения психической жизни. То, что оказывается не невозможным для нас поделить внимание как бы в виде отдельных лучей его между несколькими об'ектами, делает вполне осуществимым и одновременное опознавание как предметов—переживаний, так и их самих [2]). Однако, на наш взгляд решение вопроса еще требует более осторожного и расчлененного рассмотрения его.

Дело в том, что вышеприведенное, относительно распределения внимания, утверждение Дж. Ст. Милля обосновывается ссылкой на утверждение В. Гамильтоном того, что наше внимание одновременно может схватывать несколько

[1]) *J. St. Mill* Comte and positivism. Second edition. London 1876. pp. 63—65.

[2]) *А. Пфендер.* Введение в психологию. Русск. пер., стр. 113.

предметов. Положение это, и тогда не бывшее уже новым, в настоящее время подтверждено большим количеством экспериментальных исследований, ставивших себе цель определить об'ем нашего внимания [1]). С совершенной несомненностью выяснено, что этот об'ем отнюдь не исчерпывается одним впечатлением. Почему и говорят, что внимание наше может распределяться между многими об'ектами.

Но посмотрим, то же ли скрывается здесь за выражением „внимание распределяется", что должно иметься нами в виду при рассмотрении вопроса об одновременном самому переживанию интроспективном апперципировании его?

Здесь надо обратить внимание на то, что все вышеупомянутые работы об об'еме внимания стремились определить количество впечатлений, одновременно осознаваемых при их воздействии на какой-нибудь один воспринимающий орган — зрение, осязание и т. п. Здесь имеется в виду, следовательно, количество впечатлений, даваемых в одной чувственной области. Направление внимания в экспериментах, определяющих его об'ем, продолжает быть в течение эксперимента одним (на экран, на часть руки), а дело идет лишь о том, сколько такое одно данное направление внимания может захватить одновременно об'ектов. Тут одна интенция, одна установка внимания, и спрашивается, между сколькими впечатлениями это одно направление внимания сможет распределиться.

То же распределение внимания, которое требуется интроспективным восприятием и которое могло бы осуществлять апперципирование наличных переживаний — есть двойственность интенций. Именно нам нужно одновременно мыслить, интендировать и „предметы" (благодаря чему и осуществляются лишь многие переживания) и сами переживания — уже как предмет моего интроспективного познавания. Таким образом, требуется в один момент осуществлять две интенции, два различных направления внимания, два различных мыслительных акта. Вот ведь в чем смысл вопроса о распределении внимания для интроспективного апперципирования. Для нас важно было бы выяснить, осуществимы или неосуществимы одновременно

---

[1]) См. *Wundt*. Grundzüge der physiol. Psychologie, III[6]. S. 324 ff.

две различные направленности внимания, две интенции?

Вопрос этот, как видим, отличен от обычного вопроса об об‘еме внимания, почему и многочисленные экспериментальные работы в этой области, говорящие за полную возможность распределения внимания, нашу проблему не решают. Известные опыты с компликацией, ближе затрагивающие ее, поскольку трактуют об одновременности двух различных направлений внимания, двух направленностей на различные органы чувств, говорят скорее за неодновременность осуществления двух интенций, а за последовательность их. Именно: двум впечатлениям не удается войти в сознание одновременно, но всегда сначала осознается одно—затем другое.

Может быть, что распределение внимания между двумя направлениями, расщепление сознания на две одновременных интенции и бывает возможным, однако, подлинно утверждать этого у нас нет еще достаточных оснований. Повторяем, что опыты с одновременным захватом одним направлением внимания нескольких об‘ектов здесь, как сколько-нибудь решающие вопрос, учитываться не могут, и понять суть распределения внимания в нужном для нас смысле можно скорее сделав попытку одновременно приложить к чему нибудь две интенции, напр., понимать „перо“ и как ручку для писания и как перо птицы в один и тот же момент. Однако, помимо возникающей здесь трудности (или невозможности?) двух абсолютно одновременных различных интендирований, в психологическом апперципировании переживаний, дело осложняется еще, как знаем, и тем, что само существование одного об‘екта (переживаний) дается часто интенцией на другой (предметы). Так, если я чувствую удовольствие по поводу какого-нибудь предмета, то это значит, что я переживаю удовольствие в то время, когда мыслю и созерцаю этот предмет. Но, когда я мыслю или созерцаю этот предмет, я не созерцаю (не опознаю) самого моего чувства. Если я делаю предметом моего созерцания само чувство, то, очевидно, я отворачиваюсь от созерцания предмета, вызывающего его, а тогда уже исчезает это чувство [1]).

[1]) *Th. Lipps.* Bewusstsein u. Gegenstände S. 43—44.

Вот почему, как думает Т. Л и п п с [1]), „переживание не может быть нами мыслимо (опознаваемо) во время своего наличия, в тот момент, в который оно имеет место. Но наличие переживаний с одной стороны и их опознаваемость с другой, — существование их в о м н е и существование их д л я м е н я, — всегда временно раздельны“ почему и внутреннее восприятие есть всегда ретроспективное созерцание (rückschauende Betrachtung). Иными словами, поставленную нами выше проблему совместимости двух интенций в одно время Т. Л и п п с решает решительным отрицанием.

Нам такой взгляд представляется, в свою очередь, требующим ограничения. Склоняясь сами к признанию чрезвычайной трудности и даже невозможности д е й с т в и т е л ь н о о д н о в р е м е н н о г о осуществления двух интенций, двух направлений внимания, мы все же полагаем, что утверждать ретроспективность познания для в с е х переживаний в с е г д а — будет несправедливо.

Опыт каждого говорит за то, что для нас интроспективное познание ощущений и непроизвольно возникающих („лезущих в голову“) представлений оказывается всегда заметно легче и осуществимей, чем такое познание аффектов или мыслительных или волевых операций.

На такой различной трудности интроспективного апперципирования различных переживаний и должно остановиться, и выяснить причины, ее обусловливающие. Такое выяснение и заставляет нас внести некоторый корректив ко взглядам Л и п п с а.

В том, что ощущения и непроизвольные представления апперципируются нами обычно без особого труда в то время как процессы мысли, воли и чувства, напротив, порождают при своем опознавании все выше уже оговоренные трудности, на наш взгляд, играет решительную роль именно необходимость двух интенций в последней группе переживаний и отсутствие такой необходимости при переживаниях первого рода. Это, в свою очередь, происходит потому, что переживания чувства, воли и мышления в отличие от ощущений и непроизвольных представлений в большой мере создаются нашим вниманием. Этим мы хотим сказать, что для

---

1) *Th. Lipps.* ib., 41.

того, чтоб пережить аффект, я должен фиксировать вниманием какой-нибудь возмущающий, радующий или огорчающий меня предмет, чтоб пережить мышление, я должен интендировать определенный смысл. И в том, и в другом случае, для того, чтобы переживание имело место, моя апперцепция должна быть произвольно направлена на предмет. Здесь осознавание нами предмета впервые создает само переживание, в каковом смысле чувства, аффекты и волевые переживания, включая и мышление, могут быть названы с у б ‘ е к т и в н ы м и переживаниями, как порождаемые произвольным, от суб‘екта идущим направлением внимания на определенные предметы и смыслы.

Напротив, ощущения и непроизвольно всплывающие представления будут о б ‘ е к т и в н ы м и переживаниями, поскольку существование их обусловливается не нашим произвольным апперципированием определенных предметов, транcцендентных им, но об‘ективными, независимыми от меня, раздражителями. Это обстоятельство дает нам об‘яснение и легкости опознавания об‘ективных переживаний. Здесь, как легко видеть, не является надобности в раздвоении интенции, раз существование переживаний создается не нами, не нашим произвольным вниманием, фиксирующим предметы (как в мыслях, в воле и во многих чувствах), но более или менее независимыми от нашего внимания об‘ективными причинами.

И вот по отношению к таким о б ‘ е к т и в н ы м элементам сознания вполне осуществимо, в противность мнению Л и п п с а, интроспективное апперципирование самих их в их наличности. Что же касается познаний с у б ‘ е к т и в н ы х состояния сознания как мышления, воли и чувства, то здесь как раз и стоит перед нами вопрос об одновременной осуществимости двух интенций—на предметы и на самые переживания.

Экспериментальное изследование Е. В е с т ф а л я [1]) касается последнего вопроса, поскольку затрагивает проблему о д н о в р е м е н н о с т и в ы п о л н е н и я н е с к о л ь к и х з а д а ч. Автор ставит себе целью вообще изследовать различные формы переживания подчинения побочных задач главной

[1]) *E. Westphal.* Haupt-und Nebenaufgaben bei Reaktionsversuchen. Archiv für die gesamte Psychologie. B. 21, S. 219—434.

(стр. 231) для чего и предлагает своим испытуемым осознать в появившемся раздражителе (черте, цветной линии, геометрической фигуре) несколько его сторон зараз (как напр. направление, цвет, наибольшую сторону, число углов, какие они и т. п.) после чего испытуемые должны реагировать простым нажатием ключа, а о своих переживаниях дать подробные показания. При этом Вестфале мотмечаются различные „ступени сознавания", с какими выполнялась задача: от простой „данности" сознанию до оформленного знания как „констатирования" (228—230). Что касается специально совместимости выполнения двух задач, то данные Вестфаля дают определенный отрицательный ответ относительно задач, осуществляемых с „констатированием" их нами, с нашим оформленным сознаванием их. Констатирование обеих задач исключает одновременность их выполнения (361 - 362). Здесь последнее есть всегда два последовательных, [illegible] акта.

При меньшей же доле сознательности, уделяемой нами каждой задаче, подчас трудно уловить их временное отношение вообще (313, 380), где же это удается, то, по отношению к явному большинству случаев, приходится также принять последовательность выполнения задач (337—339, 285—290, 292). Одновременность же автор отмечает лишь при двух особых условиях осознавания раздражителя: (274—275) именно, когда при определении числа углов и большей стороны полигона, 1) большая сторона сразу сознавалась как базис (Leitlinie) всей фигуры и 2) когда фигура сразу распадалась для испытуемого на две части, на „большая сторона" и „все прочее". Во всех прочих же случаях обычно выполнение задач во времени следует одно за другим.

Такая необходимость последовательности осуществления задач обнаруживается тотчас же, как только мы от простой „данности" результата задачи (равной здесь неопознаваемому как решение задачи простому видению) захотим перейти к более высокой ступени сознательности и осознать данное „как удовлетворяющее задаче" и тем самым „отнести его к содержанию задачи" (299, 300).

Таковы данные Вестфаля, связанные с интересующим нас сейчас вопросом. Спрашивается, действительно ли принуждают они нас к признанию совместимости в один момент

двух различных интенций, как это требовалось бы при интроспекции абсолютно одновременной с интенцией на предмет? На наш взгляд, подобной принудительности они отнюдь не создают, ибо прежде всего мы не можем придавать им общего значения. Возможность одновременного выполнения двух задач в приведенных выше двух случаях слишком зависит от специальных условий именно данных экспериментов, и именно от материального содержания самих задач, способствовавших осознаванию раздражителя как единого целого (число углов давалось целостностью фигуры, даваемой уже при осознавании большей стороны как базиса). При том оба раздражителя (и углы и большая сторона) были единообразны в том смысле, что оба предлагались зрительно. Благодаря подобным условиям эксперимента сглаживалась, собственно говоря, и самая особость обеих задач, как различных действий, что подтверждают и испытуемые Вестфаля (стр. 280 внизу „es war keine eigentliche Scheidung, der Gesamteindruck der Figur war an sich so deutlich, ich hatte beides praesent“).

При интроспективном восприятии подобных условий не дается. И вполне одновременно мыслить об историческом процессе по Гегелю и осознавать зачаточные движения своих рук и возникающие ощущения в гортани, совсем не то, что в видимом полигоне одновременно отметить его большую сторону и число углов. В интроспективном восприятии дело идет не об осознавании частей единообразно даваемого целого, (что в рассматриваемой работе облегчается об'единением его в определенную фигуру), но о расщеплении нашего сознания между совсем различными сферами психического бытия, взаимно зависимыми и требующими каждое к себе вполне различных установок.

Поскольку это действительно так, постольку мы в экспериментах Вестфаля не можем видеть решения нашей проблемы.

Что же касается далее возможности одновременного осознавания и предметов и переживаний при меньшей степени сознаваемости последних, то опять таки должно сказать, что переносить сюда прямо результаты Вестфаля, полученные в особой, специальной обстановке изследования, нельзя. Конечно, и наши переживания могут быть различно

осознаны, но эти ступени осознанности их могут иметь место, очевидно, уже при существовании интроспективной установки нашего сознания, уже при направленности его на познание переживаний как таковых. Тогда лишь переживания на различных ступенях сознательности и будут удовлетворять такую установку.

О совместимости же самой этой установки с другой („обыденной“), направленной на предметы и смыслы, и идет речь. Поэтому ясно, что этот основной вопрос ссылкой на Вестфаля также разрешен быть не может. И поскольку рассмотренная работа нашего вопроса не решает, нам представляется более вероятным, что в суб'ективных переживаниях, как таких, само существование коих обусловливается нашей фиксацией транцендентного им предмета, интроспективное апперциппирование их (опознавание) осуществляется не в полном смысле слова одновременно [1]) с этой главной интенцией на предметы, но что здесь имеет место скорее быстрое чередование интенций в течении целостного переживания, то на предметы, то на сами переживания. Чередование это может быть столь быстрым, что само по себе нами, как последовательность, может часто и не опознаваться [2]), давая тогда впечатление как бы постоянной длящейся раздвоенности нашего сознания. Быстрота подобного „перемигивания“ интенции с предметов на переживания может обусловливать то, что переживания не успевают распасться.

Когда большая по длительности и интенсивности доля внимания, (идущего на определенный период времени) уделяется все же главному в суб'ективных переживаниях, образующему направлению внимания на предметы и смыслы, то переживания в момент обращения интенции на них, несмотря на отвлечение ее в тот момент от предметов, все же

[1]) В пользу такого утверждения говорят также и показания испытуемых *Messer*'а (Exp. psychol. Untersuchung über das Denken. Arch. f. d. g. Ps. B. VIII, S. 22), из коих ни один не высказал, что два ряда переживаний (само переживание и его опознавание) осуществляются одновременно.

[2]) Ведь для того, чтобы смена могла быть осознана нами как смена, длительность отдельных периодов ее должна превзойти величину определенного порога. См. *G. Müller*, op. cit. I, S. 93.

могут еще продолжать быть наличными, как бы по инерции, каковая и поддерживается новыми быстрыми „перескоками" внимания вновь на предметы.

В том смысле, что при таких условиях постоянно перескакивающее с предметов на переживания внимание застигает их наличными в их действительном течении—подобное апперципирование может быть названо апперципированием наличного об'екта.

При подобном понимании сохраняется и обратная пропорциональность между количествами внимания, приходящегося на каждое его направление: чем в большей мере и чем более устойчивое внимание требуется одной интенцией, тем меньше его и тем более отрывочным оно остается для другой. Поэтому и при нашем понимании можно говорить по прежнему о распределении внимания, разумея, что известное quantum его, приходящееся на определенный период времени, оказывается вынужденным разбиваться, делиться между предметами и самими переживаниями, уделяясь поочередно то тому, то другому. В таком смысле, (отвергающем абсолютную одновременность двух различных интенций) можем мы согласиться и с Л. М. Лопатиным [1]), приписывающим нам способность самочувствия в качестве постоянного свойства нашей психической жизни.

Итак, выяснив одну возможность осуществлять интроспективное восприятие, намеченную еще Миллем, как распределение внимания, обратимся теперь ко второму пути, на коем еще наше самовосприятие оказывается возможным. Он также намечен Миллем [2]) и также требует расчлененного рассмотрения.

Вторая возможность осуществлять интроспективное познание дается в ретроспекции—памятью.

Этот путь дается для нас памятью. Мы можем познавать наши переживания не в момент их наличия, но позже, когда само переживание уже протекло, и в сознании остался от него лишь образ воспоминания.

В отличие от рассмотренной нами выше возможности распределения внимания, обусловливающей для нас интроспек-

---

[1]) *Лопатин.* Метод самонаблюденія в психологии. „Вопр. фил. и пс.", 62, стр. 1062.

[2]) *J. S. Mill,* op. cit. p. 64.

тивное восприятие переживания в его наличном, действительном протекании, этот второй путь, имея дело не с наличными переживаниями, а с оставшимися в памяти впечатлениями от них, может быть назван путем ретроспекции.

Память посредственная и непосредственная.

Поскольку в этом случае мы имеем дело с воспоминаниями, нам не должно упускать из вида двоякого возможного характера последних. Именно воспоминания бывают первичными или непосредственными и вторичными или посредственными. Первичные или непосредственные воспоминания непосредственно тотчас же примыкают к только что имевшим место впечатлениям. Вторичные или посредственные отделены от последних некоторым более или менее значительным промежутком времени [1]). В связи с интроспективной методикой тому и другому роду воспоминаний принадлежит совсем различное значение.

В то время как образы непосредственной памяти представляют собою как бы по инерции длящееся самое впечатление [2]), продолжающее еще в известном смысле, как „последовательный образ“ [3]), быть наличным, и, для своего восприятия нами, не требуют с нашей стороны особого активного старания „вспомнить“—воспоминания вторичные или образы посредственной памяти как раз наоборот предполагают такое усилие, чтобы всплыть в сознании [4]). Но еще более важное для психологической методологии значение имеют различия в условиях образования обоих видов воспоминаний.

Условия образования образов посредственной памяти.

Начнем с условий образования образов посредственной памяти. Здесь для того, чтобы мы могли вспомнить о чем-нибудь ранее бывшем, чтобы у нас образовался о нем образ вторичной памяти, надо, чтобы это ранее бывшее впечатление было нами своевременно воспринято или наблюдено. Так

---

1) *Пфендер*, Введение в психологию, стр. 114.

2) *Th. Lipps*. Bewusstsein und Gegenstände. S. 45.

3) *Е. Мейман*. Экономия и техника памяти. Стр. 32—33.

4) *Aug. Messer*. Exp.-psych. Untersuch. über das Denken. Arch. f. d. ges. Psychologie. B. VIII, S. 14—17.

вспоминаем мы некогда виденное лицо, некогда слышанную мелодию.

Таким образом, успешность посредственного, вторичного вспоминания какого-либо об'екта есть прямая функция предшествовавшего апперципирования его.

Следует предположить и по отношению к нашей памяти своих переживаний действительность этого же закона.

Подобным образом, я, желая воспроизвести в памяти свои переживания, скажем, перед определенным экзаменом, с уверенностью, что это действительно мои, ранее бывшие, переживания, могу вспомнить лишь те представления, ощущения и чувства, каковые в момент их наличия мною были, хотя бы и очень мельком, восприняты и так или иначе отмечены.

Надо быть сверхчеловеком, говорит Вундт [1]), чтобы обладать способностью вспоминать то, что ранее не было наблюдено или воспринято.

Подтверждение такому пониманию идет и со стороны испытуемых экспериментальных исследований. Так, например, исп. Мессера [2]) замечает, что в тех случаях, когда в течении переживания с ними не связывалось никаких обозначений, иными словами, в случаях, когда переживания в их наличности не опознавались, мы ничего не знаем о них и в последующий период.

На исключительности положения психологии, в связи с затронутым вопросом о воспоминании, настаивает, однако, А. Пфендер [3]), утверждая, что здесь, как раз в отличие от материального мира, „психологические переживания мы можем вспоминать совершенно независимо от того, являлись ли они раньше, пока переживались нами, предметом нашего рассматривания". „Достаточно простого существования или нахождения психических переживаний,—пишет он,—и воспоминание о них становится уже возможным. Живость воспоминания о психическом совершенно не зависит поэтому от степени того внимания, какое уделялось психическому

---

[1]) *W. Wundt*. Kritische Nachlese zur Ausfragemethode. Archiv für die ges. Psych., B. XI, S. 450.

[2]) *Messer*. Op. cit. 16.

[3]) *А. Пфендер*, op. cit. русск. пер., стр. 114—115.

переживанию в то время, как оно переживалось нами". В качестве подтверждения такого положения, Пфендер приводит факты легкого вспоминания нами как раз наиболее сильных и захватывавших нас эмоций, при наличии коих мы „бываем вне себя" и „не помним себя".

Однако эта возможность известным образом возобновлять в сознании переживания, и притом с большой живостью, в момент их наличия достаточно полно неосознавшиеся, не имеет на наш взгляд значения фактора, впервые делающего психологию возможной. Мы имеем перед собою скорее случаи реконструирования и переживания вновь, чем репродуцирования действительно прошлого. Подобное же переживание-вновь не даст, как увидим, достаточной гарантии тождественности этого моего „воспоминания" с тем, что им вспоминается.

Далее, не следует упускать из вида, что сходство сейчас мною „вспоминаемого" (вновь переживаемого) гнева с тем, что охватило меня год назад, дается для меня лишь благодаря воспроизведению ощущений и представлений, связанных с предметом эмоции и тогда в ее течении опознанных. От воспроизведения этих опознанных переживаний прямым образом зависит не только уверенность в сходстве и само сходство такого воспоминания чувства с ним самим, но и самая возможность вспомнить его вообще. Для того, чтобы я смог вызвать в сознании давно пережитый и сам по себе неопознанный [1]) гнев, я необходимо должен возможно полнее воспроизвести всю тогдашнюю обстановку, т. е. предмет гнева и связанные с ним представления как раз занимавшие в момент переживания фокус моего внимания [2]) Но помимо

[1]) Хотя нам кажется, что отрицать всякую опознанность сильных аффектов в момент их наличия нельзя: мы все же, благодаря вышерассмотренному распределению внимания, в таких случаях всегда обычно сознаем себя какъ гневающегося, радующегося и т. п.

[2]) В таком утверждении посредственности воспроизведения чувств и эмоций мы опираемся на факты, приводимые у *Ribot* (La psychologie des sentiments. 1896, pp. 148, 153), а также и на общий его вывод, что воспроизведения plaisirs, douleurs, émotions sont indirectes, parce que l' état affectif n' est évoqué que par l' intermédiaire des états intellectuels auxquels il est associé (ib., 156). Аналогичное же утверждение приводит и *A. Lehmann* (Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens, 1892, S. 261—292), говоря, что Gefühlstöne können dadurch reproduziert

существующей таким образом и в отношении вторичной памяти на чувства и другие неопознанные переживания зависимости ее от восприятия наличных переживаний, зависимости, правда, лишь косвенной, ибо опознаваться наличными должны здесь не сами чувства, но порождающие их другие переживания (представления и предметы эмоций)—эти воспоминания самих по себе не опознанных переживаний являются мало достоверными и полными по сравнению с воспоминанием переживаний опознанных. Это отмечает Г. Мюллер[1]), говоря, что воспоминания о переживаниях, в наличии уже апперципированных, более точны и достоверны, чем воспоминания просто о самих переживаниях (не апперципированных ранее, во время их протекания). Здесь должно еще добавить, что в последнем случае, когда ранее не опознанные переживания вновь переживаются на основе репродуцированных опознанных элементов, мы легко можем впасть в активное так называемое „повторное представливание" (nachprobierende Vorstellen), как реконструирование прошлого переживания через вызывание в сознании порождающих его опорных пунктов, с намерением на этот раз возможно полней опознать его.

Мюллер[2]) справедливо замечает, что условия, существующие в подобном случае для „вспоминаемого" переживания, отличны от бывших при первоначальном его наличии, почему у нас и нет достаточного основания для отождествления теперешнего моего воспоминания с действительно ранее бывшим состоянием. Сосредоточенное внимание, предвзятые мнения, внушающее поведение спрашивающего и пр. — все это может придать теперешнему моему воспоминанию совсем отличную характеристику. Но как скоро переживания были хотя бы мелком констатированы, опознаны и отмечены в их течении, опасность подобного извращения прежде бывшего, в большой мере уменьшается руководящим и корректирующим влиянием воспоминания этих обозначений.

Таким образом, при вспоминании переживаний спустя

werden, dass die Vorstellungen, mit welchen sie verbunden gewesen sind, wiedererzeugt werden. *O. Külpe* в своей работе о воспроизводимости чувств также высказывается за посредственность такого воспроизведения.

[1]) *G. Müller*, op. cit., I, 66—67, 70, 118.

[2]) *G. Müller*, op. cit., I, 96—97.

более или менее длительное время после их наличия, при посредственной или вторичной памяти, для того, чтобы эти воспоминания имели бы значение для интроспективного познания, были достоверны и гарантировали бы возможно большую тождественность с действительно ранее бывшими, оказываются нужными те же условия, что и при вспоминании об'ектов материального мира, т. е. предшествующее апперцирование об'екта в его наличности. Поэтому посредственная или вторичная память переживаний как один из путей интроспективного познания сводится к первому, выше уже рассмотренному пути распределения внимания.

Непосредственная или первичная память.

Особая возможность дается непосредственной или первичной памятью, как памятью только что бывших переживаний.

В ней мы схватываем еще не успевшие исчезнуть переживания, находящиеся в периоде „непосредственного удержания" (Behaltens) и особым образом еще наличные, как бы по инерции [1]). Отличие этого познания переживаний от первого, даваемого распределением внимания, состоит в том, что здесь схватываются переживания уже кончившегося процесса на пути к их потуханию, в то время как там опознаются переживания процесса, еще длящегося, переживания, поддерживаемые постоянным переходом внимания на „предметы" и не могущие поэтому опознаваться столь длительно, как в образах непосредственной памяти.

Обратя внимание на переживания тотчас после окончания какого-либо нашего состояния, мы всегда сможем схватить некоторые „не остывшие еще" чувства, представления и ощущения. И, что существенно сейчас отметить, эти ощущения, представления и чувства могут всплыть с большей ясностью как остаточные или последовательные образы и не будучи в течение самого переживания апперцинированы. Бесспорным представляется и то, что к таким как бы „последовательным образам" переживаний мы мо-

---

[1]) *I. Geyser*. Einführung in die Psychologie der Denkvorgange. 1909. S. 39; *Messer*, op. cit., 14—17; *Lipps*, Bewusstsein u. Gegenstande. 45; *Мейман*, Экономия и техника памяти, 32.

жем прилагать наше внимание уже без боязни тем самым вызвать их распадение [1]). Но если образы первичной памяти есть оставшиеся еще переживания на пути к их угасанию, то рождается вопрос о длительности их наличия в сознании. Как долго сохраняются эти „остывающие" переживания после прекращения самого процесса?

Н. Ах полагает возможным принять длительность таких воспоминаний в несколько минут (W. и D., S. 12) [2]). Имеющиеся в литературе исследования Финци [3]), приводимые к затронутому вопросу Ахом, выясняют, что память в отношении на короткое время экспонированных букв оказывается наилучшей по полноте и уверенности в период 8—15 секунд после раздражения, после чего уменьшается сначала уверенность, а после 30 секунд и количество запечатленного.

Мейман [4]), говоря, вообще, что действие непосредственного запоминания продолжается лишь очень короткое время, полагает, согласно произведенным экспериментам над непосредственным удерживанием чувственного материала, что воспроизводимость заметно падает через 15 — 20 секунд после пред'явления впечатления. Когда же об'ем подлежащего запечатлению приближается к границе нашей способности непосредственного запоминания, длительность такого удержания падает еще ниже, доходя всего до нескольких секунд.

Но эти экспериментальные данные касаются, конечно, не совсем того, что имеется в виду нами. Ведь в них воспоминаемым служит апперципированное (буквы или другие чувственные впечатления), в то время, как наш вопрос касается сохранения в непосредственной памяти переживаний, не апперципированных ранее и лишь теперь, по окончании процесса, впервые являющихся предметом нашего внимания. За неизвестностью нам решающих этот вопрос исследований мы не берем на себя смелость и определенно указывать то или иное вероятное время длительности образов первичной памяти. Нам кажется, однако, что оно для различных

---

1) *A. Höfler*, Psychologie. 1897, S. 8.

2) *Вестфаль* (op. cit., 434) полагает, что оно не превышает трех минут.

3) Цитирую по *Ach'*у. W. u. D. 13; *Finzi*, Kraepelins Psych. Arb. B. III, S. 259. ff.

4) *Мейман*, Экономия и техника памяти, стр. 33.

переживаний, при различной яркости их и для различных лиц будет несомненно весьма различно, едва ли переходя, все-ж, пределы 1/2 минуты.

Как на проблему, требующую еще своего разрешения, мы должны указать здесь и на вопрос: всплывают ли в первичной памяти все переживания только что завершившегося психического процесса и с одинаковой ясностью или лишь некоторые из них, преимущественно конечные, причем и ясность их оказывается постепенно убывающей в направлении к переживаниям бывшим в начале процесса? Вопрос этот как видно связан с предыдущим и также определенно не разрешен. Между тем для методологии интроспекции решение его чрезвычайно важно. Ближайшим образом от него зависит и наша оценка достоверности метода Н. Аха[1]), всецело покоющегося на признании безусловной способности всех переживаний сохраняться некоторое время в сознании тотчас по окончании процесса. Подобной оптимистической веры Аха в способность непосредственной памяти длительно сохранять всю полноту картины переживания решительно не разделяет Мюллер[2]). Он справедливо замечает, что давайся нам наши бывшие переживания в последнем периоде с такой полнотой сами собою и так длительно и спокойно оставайся там для нашего произвольного и неторопливого их осознавания, как это рисует Ach, не было бы случаев той „страшной трудности" („scheusslich schwer") давания полного описания только что пережитого, каковую мы хорошо знаем и из собственного опыта и из высказываний испытуемых. Э. Б. Тичнер также сомневается в том[3]), чтобы в непосредственной памяти давались действительно все бывшие переживания. „Мы,—пишет он,—никогда не имели несомненного примера такого полного воспроизведения (total reinstatement), о коем говорит Ах". Повторяем, что вопрос об условиях той „инерции" переживаний, каковая и составляет существо первичной памяти, еще в достаточной полноте не исследован, и нам приходится ограничиться про-

---

[1]) *N. Ach.* Willenstätigkeit u. Denken 1905; Ueber den Willensact und das Temperament. 1910; Ueber den Willensact. 1911.

[2]) *G. Müller*, op. cit., I, 139—141.

[3]) *E. Titchener.* The Schema of Introsp. American Journal of Psych. v. 23, pp. 505—506.

стым признанием в ней одной особой, отличной от вышерассмотренных, возможности психологического апперципирования об'екта.

Понятие персеверации.

Заканчивая рассмотрение вопроса о памяти, как втором, наряду с распределением внимания, пути интроспективного познания, нам остается еще остановиться на понятии персеверации, часто употребляемом авторами при обосновании интроспективной методики.

Г. Мюллер и Пильцекер[1]), впервые введшие это понятие, имели в виду случаи, когда представление после своего наличия в сознании обнаруживает тенденцию вновь всплывать в нем, „свободно" [2]) и „само собою" (von selbst) [3]). В таком персеверирующем представлении мы имеем воспоминание же, но лишь крайне назойливое и видимым образом не вызываемое ассоциациями. Подобная персеверационная тенденция представлений обусловливается двумя причинами: во-1-х, она прямо пропорциональна интенсивности внимания, уделявшегося ранее этому представлению [4]), и во 2-х, она усиливается от частого повторения об'екта [5]). Так, то, что долгое время захватывало наш интерес, часто спустя значительное время, само собой и даже против нашего желания, вновь возникает в сознании. Подобное мы наблюдаем в раз привлекшей наше внимание мелодии, от коей мы долго потом не можем отделаться, равно как и в ряде других сходных явлений обыденной жизни [6]). Для того, чтобы значительно ослабить персеверационную тенденцию какого-либо впечатления, достаточно отвлечь от него наше внимание на какой-нибудь другой предмет [7]). Как видим из этого, условия лучшей персеверации суть условия лучшего воспоминания вообще, и прежде всего этим условием оказывается внимание к тому, что впоследствии должно персеверировать.

---

[1]) [2]) *G. Müller u. Pilzecker.* Zur Lehre vom Gedächtniss. 1900. S. 58.

[3]) ib., 76.

[4]) Главное условие персеверации видит в этом и *Э. Мейман.* Экономия и техника памяти, рус. пер. стр. 21.

[5]) *G. Müller u. Pilzecker.* Zur Lehre vom Gedächtniss. 1900, S. 58.

[6]) [7]) ib., 68.

Заключение. Заканчивая этим настоящую главу, прорезюмируем ее содержание.

Мы видели, что как безусловное отрицание возможности интроспекции, так и обратное,—отрицание особой имманентной ей трудности,—не может быть нами принято. Действительность противоречит и первому и второму. Если таким образом психологическому познанию присуща особая, обусловленная тождеством об'екта и суб'екта, трудность, каковая не делает этого познания однако невозможным, то является вопрос, в каком виде апперципирование переживаний оказывается осуществимым? Такая возможность, как мы видели далее, предоставляется 1) распределением внимания и 2) памятью переживаний уже протекшего процесса; в последней должно различать а) память посредственную и b) память непосредственную. Первая, чтобы быть достоверной, предполагает восприятие наличного переживания, благодаря распределению внимания; вторая дает особую, независимую от распределения внимания, возможность. Понятие персеверации в собственном смысле имеет в виду воспоминания, по условиям своего образования тождественные с воспоминаниями посредственной памяти.

Таковы те пути, на коих возможно интроспективное познавание.

Как же можно наилучше эти пути использовать?

V.

Условия наилучшего воспринимания испытуемыми своих переживаний.

Быстрая изменяемость переживаний—их текучесть и почти совершенная неповторяемость их, при естественном течении психической жизни, создают для познавания их психологом мало благоприятную обстановку. Тем настоятельнее здесь необходимость нашего произвольного вмешательства в обычные условия данности нам об'екта. Это вмешательство может иметь двоякое влияние. Во первых, — касаться, так сказать, об'ективной стороны даваемости материала: и именно мы можем делать случаи подлежащих наблюдению явлений более частыми, приобретя возможность так или иначе по произволу вызы-

вать нужное явление, и следовательно повторять его. Во вторых, с суб'ективной стороны, наше вмешательство может сказаться в соответствующем приуготовлении нашего внимания, способствующем наилучшему восприниманию предмета. Очевидно, однако, что последнее в полной мере может быть использовано лишь при нашем умении произвольно вызывать переживания.

Таким образом, тут мы сталкиваемся с основоположным для психологического познания значением экспериментального метода или эксперимента.

Эксперимент, как необходимое условие психологического наблюдения.

Действительно, наблюдение нами наших переживаний,—эта наиболее совершенная форма апперципирования об'екта,—как произвольное и планомерное направление на них внимания и прослеживание их им, впервые делается возможным благодаря эксперименту. Будучи в существе своем вниманием же, как и восприятие, наблюдение есть внимание длительное и всегда в большей или меньшей степени антиципирующее то, что имеет быть им воспринято. Последнее обстоятельство подготовляет для подлежащего наблюдению раздражения соответствующие апперцептивные массы (в смысле Гербарта) [1], благодаря чему последнее и оказывается воспринятым ясно и ассимилируемым с прочими данными связного научного опыта.

Подобное длительное и антиципирующее восприятие, дающее во всех эмпирических науках наиболее полные и достоверные данные, для психологии и оказывается доступным, прежде всего, благодаря тому, что применение экспериментального метода позволяет нам по произволу вызывать переживания. Не имей мы подобной возможности, нам приходилось бы довольствоваться лишь теми восприятиями, которые имеют место в естественном течении нашей психической жизни. Между тем эти восприятия суть в огромном большинстве случаев восприятия с неподготовленным вниманием, что и понятно, раз наступление явления определяется не нами и не может быть заранее точно предугадано дедуктивно. Поэтому, в не-экспериментальной обста-

[1] *Benno Erdmann*. Zur Theorie der Beobachtung. Archiv für systematische Philosophie. I Band, 1895, S. 22—23.

новке наше намерение концентрировать внимание на случайно привлекшем его переживании может возникнуть лишь одновременно с ним. Это обстоятельство само по себе еще не исключало бы возможности наблюдения и вне эксперимента, имей мы своим об'ектом нечто независимое, отличное от нашего суб'екта, как например физические об'екты [1]). Но у психолога суб'ект и об'ект совпадают, и это их совпадение обусловливает то, что возникновение у нас в сознании намерения наблюдать, как определенной мысли, что „на этом должно сконцентрировать внимание и закрепить в памяти" необходимо совсем расстраивает или существенно нарушает естественное состояние самого об'екта [2]). Помимо этого, в тех случаях, когда дальнейшее течение переживаний и не распадалось бы от возникновения в начале его мысли, выражающей намерение наблюдать, текучесть переживаний, их быстрая изменяемость обусловливают то, что сконцентрировавшееся было внимание уже не застигает вызвавшего его переживания.

Поэтому, не прибегая к эксперименту, мы оказываемся в состоянии лишь воспринимать переживания неустановленным, неподготовленным вниманием, короткое обычно время их данности нам,—наблюдать же их мы не можем, совершенно подобно тому, как мы можем лишь воспринять, но не наблюдать неожиданно сверкнувшую молнию. Наблюдать в таком случае мы сможем лишь образ молнии, даваемый памятью [3]), но не об'ект в его действительной наличности, о возможности чего идет речь.

I. Фолькельт [4]), правда, не соглашается с изложенным взглядом и полагает наблюдение в психологии осуществимым и без экспериментального вмешательства в условия появления интересующих нас переживаний. Во-первых, намерение наблюдать отнюдь не необходимо должно возникать каждый раз, как сознательное переживание, как определенная мысль. По его мнению, при известном упражнении, оно обращается в несознаваемый навык опознавать пережива-

---

[1]) *W. Wundt.* Logik. Band III³. 1908. S. 167—168.

[2]) *W. Wundt.* Selbstbeobachtung und innere Warnehmung. S. 301.

[3]) ib., 294.

[4]) *I. Volkelt.* Psychologische Streitfragen. Z. f. Phil. u. philosoph. Kritik. B. 90. 1887. S. 7, 10—14.

ния—различать их и удерживать в памяти. Такое внимание, отожествляемое Фолькельтом с наблюдением, может по нему, сопровождать все переживания и в их обычном, естественном течении. Во-вторых, при естественном же течении психической жизни, всегда оказывается возможным схватить и проанализировать вниманием образ воспоминания, остающийся после переживания.

Однако нам кажется, что истина на стороне В. Вундта, полемизировавшего по рассматриваемому вопросу с Фолькельтом, и пришедшего к тому выводу, что „самонаблюдение осуществимо только как экспериментальное наблюдение“ [1]) и что эксперимент это—erst ermöglichte Methode der Selbstbeobachtung [2]) [3]).

Несомненно, что с упражнением может вырабатываться несознаваемая установка уделять внимание своим переживаниям, но можно сомневаться насколько такое внимание может быть эквивалентно произвольно сконцентрированному апперципирующему вниманию наблюдения, каково оно есть во всех прочих пользующихся им опытных науках. И это тем более, что, направляясь на все наши переживания вообще, оно оказывалось бы вынужденным быть сконцентрированным в большой степени все длительное время нашего бодрствования. Если же подобная бессознательная установка касается лишь некоторых, а не всех, переживаний, то, очевидно, наступление их мы должны известным образом предвидеть и ему созданием определенных условий способствовать, выделяя их из прочих переживаний, чем и обнаруживаем уже некоторое, экспериментальное в широком смысле, вмешательство в естественные условия даваемости нам об‘екта.

Помимо этого, остается нерешенным еще вопрос, к чему прилагается в таких случаях несознаваемое нами внимание при установке на длительное самонаблюдение, к наличным ли переживаниям или же к образам их воспоминания, вследствие обусловленного такой установкой нашего распо-

---

[1]) *Wundt*. S. u. in. W., S. 301.

[2]) ib., 307.

[3]) *Wundt*. Logik, III. S. 167.

ложения к быстрому репродуцированию только что бывшего переживания, как это и утверждает Вундт [1]).

Говорить далее вместе с Фолькельтом о застижении нашим вниманием переживаний уже после их наличия, уже как образов памяти, как об эквиваленте наблюдения об'екта в его наличности было бы, по справедливому мнению того же Вундта [2]), правомерным лишь в том случае, если бы то, что дается памятью о переживании было действительно эквивалентно самому переживанию. Последнее же достигается лишь тогда, когда, вместо просто репродукции протекшего переживания, осуществляется произвольное его возобновление, что в свою очередь возможно, однако, лишь через применение эксперимента. Поэтому утверждать возможность психологического наблюдения во внеэкспериментальной обстановке едва ли возможно, поскольку мы под наблюдением хотим понимать то же, что имеется в виду под ним и в естественных науках.

В случае же использования экспериментального метода, мы оказываемся в состоянии пользоваться подлинным научным наблюдением наших переживаний (поскольку вообще апперципирование их в наличности оказывается возможным). Умея по произволу вызвать интересующее нас переживание,—как скажем, восприятие длительности промежутков времени между ударами метронома или ощущение мокрого, получаемое от прикосновения к холодному и гладкому,—мы, заранее определяя момент его наступления, заранее же должным образом подготовляем свое внимание, так, чтобы максимум его приходился как раз на время подлежащего наблюдению переживания, каковое, в подобном случае, и апперципируется концентрированным и заранее подготовленным вниманием, могущим при длительности переживания прослеживать последовательно аналитически различные его моменты.

Даваемая экспериментом возможность подготовки внимания.

В экспериментальной практике приготовление внимания достигается благодаря предварительному сигналу, даваемому за определенный промежуток времени до возникновения исследуемого переживания,—промежуток, соответствующий времени нужному для сконцентрирования

[1]) *Wundt*. S. u. in. W., 300. [2]) ib. 302.

внимания (обычно $1^1/_2$—2 секунды). Этому сигналу обычно предшествует на несколько секунд другой сигнал в виде слов „готово“, „пожалуйста“ и т. п., восприняв каковой испытуемый уже не должен отвлекаться чем либо посторонним эксперименту, но приняв соответствующее удобное и спокойное положение, ждать появления второго (упомянутого нами выше) сигнала, а затем и нужного явления. Понятно, что время предварительного сигнала, за сколько до начала раздражения он должен быть дан, должно по возможности приспособляться к индивидуальным свойствам концентрации внимания испытуемого. Период $1^1/_2$—2 секунды есть лишь среднее значение, в зависимости от индивидуумов и самого предмета могущее меняться. И для одного и того же испытуемого оно отнюдь не является всегда единственным. Ряд часто неустранимых причин,—как отвлечение, пассивность и т. п. создает то, что испытуемому, которому обычно для нужного сконцентрирования внимания было необходимо 2 секунды, в ряде экспериментов того же ряда, такое время может оказаться уже недостаточным, или напротив,—слишком долгим. Поэтому об'ективно тождественные условия наступления переживания через всегда равное время после предварительного сигнала не дают всегда суб'ективно равных условий—всегда действительно максимального сосредоточения внимания. Ибо, как только что указано, при всегда равном интервале в 2 секунды, один раз внимание может не достичь максимума, в другом же эксперименте его уже пройти и ослабевать.

Отсюда и вытекает, что для достижения во всем ряде экспериментов подобного суб'ективного тождества в строгом смысле подготовленного внимания единственно правильным будет правило Вундта, требующее, чтобы время наступления раздражения испытуемый определял каждый раз сам в зависимости от готовности своего внимания к его наблюдению. Лишь в таком случае, испытуемый действительно всегда мог бы избежать несовпадения появлений исследуемого переживания с вершиной сосредоточенного внимания на него направленного.

Но, технические усложнения и трудности—с одной стороны, и самооценка, в иных случаях, могущая отвлекать внимание

на себя, и тем самым способствовать ослаблению его на исследуемое переживание,- равно как и усложнение самого переживания, благодаря известному волевому процессу, внедряющемуся между готовым вниманием и появлением раздражения [1])—с другой, возникающие в случае вызывания раздражения самим испытуемым, заставляют нас в экспериментальной практике, смотреть на буквальное выполнение правила Вундта, часто как лишь на идеальную норму. Поэтому, обычно, должная концентрация внимания испытуемого достигается посредством упоминавшегося нами предварительного сигнала, даваемого экспериментатором.

Согласно сказанного выше, помимо надобности по возможности приспособлять длительность предварительного периода (время от предварительного сигнала до раздражения) к индивидуальным особенностям внимания различных испытуемых, очевидна необходимость и того, чтобы последние сами отмечали неудачные, с суб'ективной стороны подготовленности внимания, случаи.

Что касается далее осведомленности испытуемых о переживаниях, которые должны наступить, и к наблюдению коих они должны во время предварительного периода приготовиться, как условия, впервые делающего возможным нужную концентрацию внимания,—то таковое знание не должно необходимо, да и не может быть вполне определенным и адэкватным. Всякое вызываемое экспериментом переживание каждый раз будет в известной мере новым и в этом смысле „неожиданным“. Однако наличное в таких случаях ожидание, хотя бы чего то и не точно определенного, создает уже известную апперципирующую массу, благоприятствующую последующему восприятию [2]). И в обыденной жизни мы хорошо знаем, что ожидание, даже лишь приблизительно известного, позволяет нам познать его много лучше, чем если бы к наступлению его мы вовсе не приготовлялись, что должно быть понятно уже из того, что подготовка внимания оказывает двоякое действие: положительное, состоящее в вызывании соответствующих представлений и действие негативное, выражающееся в отвлечении от всего к данному

[1]) Нарушающее действие чего и было бы совершенно несомненно в экспериментах с волевыми реакциями. Ср. *N. Ach.* W. u. T. S. 11—12.

[2]) *Benno Erdmann.* Zur Theorie der Beobachtung. Loc. cit. S. 23.

делу не относящегося, в вытеснении из сознания всего постороннего прямой задаче [1]).

Ограниченность применения подлинного наблюдения в психологии.

Имея возможность таким образом вызывать переживания по нашему произволу и повторять их и, благодаря этому, подготовлять заранее соответствующим образом наше внимание, с тем, чтобы наступившее переживание прослеживать уже концентрированным вниманием—мы оказываемся по отношению к исследованию известных категорий наших психологических об'ектов, в положении том же, что и естествоиспытатель, пользующийся наблюдением. Звуковые ощущения консонанса или диссонанса или интенсивное слияние тонов в аккорде мы в состоянии н а б л ю д а т ь самым подлинным образом: длительно воспринимать их сосредоточенным апперципирующим и прослеживающим вниманием. К сожалению, однако, эксперимент представляет нам подобную возможность по отношению далеко не ко всем интересующим нас об'ектам. И именно, наиболее характерные и интересные явления психического мира—чувства, влечения, переживания мышления, словом те, которые мы назвали суб'ективными элементами сознания, не могут быть н а б л ю д а е м ы в вышеприведенном, подлинном смысле этого слова, даже и при пользовании нами всеми возможностями, даваемыми экспериментальной методикой. Ибо понятно, что фиксировать длительным и неподготовленным вниманием переживание и прослеживать его с интроспективной точки зрения мы в состоянии лишь когда само переживание от такого направления внимания не распадается, а это может быть, как мы видели уже выше, лишь в тех случаях, когда оно порождается об'ективно, т. е. наличием раздражения, независимо от фиксации нами „предметов“ ему соответствующих.

Далее, прямая и однозначно определенная связь переживания с раздражением оказывается необходимой для того, чтобы можно было соответственно подготовленности внимания порождать и продолжать переживание. Но подобная связь существует лишь в области ощущений и некоторых

[1]) Поэтому мы не можем согласиться с тем, что подготовка внимания при недостаточной известности испытуемому самого предстоящего ему об'екта может быть излишней, как это полагает например относительно экспериментов Bühler'a—*Reichwein* (op. cit. S. 149).

представлений, которые всегда более или менее однозначно связаны с определенными об'ектами внешнего мира раздражениями. Оперируя в этом случае с последними, мы и оказываемся в состоянии в нужный момент вызывать и, нужное для внимательного рассмотрения время, удерживать подлежащие интроспективному анализу переживания.

Что же касается наших суб'ективных элементов сознания, как воли, мышления и чувств, то здесь, как сказано, и экспериментальное использование всех возможностей психологического познания не оказывается в силах создать подлинное наблюдение, именно в силу неподчинения названных переживаний вышеотмеченным двум условиям. Суб'ективные переживания во 1-х, создаются нашей фиксацией вниманием отличных от них „предметов", — во 2-х, суб'ективные переживания не оказываются качественно однозначно связанными с определенными раздражениями, равно как и не совпадают с ними во времени. Таким образом, по отношению к ним и приведенные выше правила, в строгом смысле, оказываются неприменимыми.

Однако, невозможность прямого наблюдения большой части нашего психического мира, даже и при нашем экспериментальном вмешательстве в условия даваемости его нам, отнюдь не обозначает еще бессилия экспериментального метода по отношению к интроспективному познанию его вообще.

Роль эксперимента при апперципировании суб'ективных состояний сознания.

Наше экспериментальное вмешательство при интроспективном исследовании суб'ективных элементов сознания должно идти в двух направлениях. Оно должно, во 1-х, стремиться к достижению возможно большей полноты и планомерности в тех быстрых апперципированиях („перескоках внимания", Ertrappungen), которые осуществляются в течении суб'ективных переживаний и при обыденной, не экспериментальной обстановке; во 2-х, итти к созданию наилучших условий для персеверации и образования образов непосредственной и посредственной памяти и для наилучшего использования того и другого.

Повторение переживания.

Обе эти цели,—правда скромные, по сравнению с достижимым при исследовании об'ективных элементов сознания,—достигаются

в общем теми же средствами, что мы видели и там: именно — повторением исследуемого переживания с одной стороны и соответствующей установкой испытуемого (наблюдателя) с другой. Что касается повторения переживания, то оно прежде всего важно нам здесь уже тем, что дает возможность дополнять, проверять и детальнее опознать предшествующие впечатления, полученные от интроспективного восприятия того же об'екта. Но и помимо этого, повторение само по себе оказывает благоприятное влияние на персеверацию и последующее образование и удерживание образов непосредственной памяти, как о том свидетельствует В. Вундт [1]), полагающий, что сама повторность переживания уже увеличивает степень его сознаваемости и легкость последующего всплывания в памяти, и Г. Мюллер [2]), видящий в быстром повторении одно из условий наилучшего персевирования представлений.

Установка испытуемого на апперципирование переживаний.

Однако, в полной мере использованы эти положительные данные, представляемые повторением переживания, могут быть лишь при создании нами у наблюдателя (испытуемого) определенной установки. Последняя относится к поведению испытуемого в отношении того, как ему наблюдать. Как и в вышерассмотренном случае, наблюдения об'ективных элементов сознания, эта установка касается главным образом деятельности внимания испытуемого. Но невыгодные для наблюдающего особенности об'екта при интроспективном исследовании суб'ективных элементов сознания и здесь значительно осложняют вопрос и делают его не столь просто и однообразно разрешимым, как это было возможно в предыдущей обстановке изучения ощущений.

Установка, о которой мы имеем в виду сейчас говорить, сводится к существованию у испытуемого намерения наблюдать свои переживания. Ряд свидетельств психологов говорит за то, что таковое намерение оказывает благоприятное влияние на наше интроспективное познавание.

Г. Мюллер [3]) в своем, уже не раз цитировавшемся нами,

---

[1]) *Wundt*. Logik. III[3], S. 172—173.

[2]) *G. Müller u. Pilzecker*. Zur Lehre vom Gedächtniss. S. 58.

[3]) Analyse u. s. w., S. 67.

исследовании утверждает, что описание нами наших переживаний, осуществляется ли оно на почве восприятия наличного, или основываясь на воспоминании, „в общем оказывается много полнее и достовернее, когда восприятие предмета осуществляется под влиянием намерения наблюдать и описывать, чем, когда восприятие имеет место без такого намерения". Подтверждение этого же положения идет нам и со стороны экспериментальных работ. Так Бинэ [1]) отметил, что у исследуемых им девочек зрительные представления описывались ими полнее и определеннее в случаях, когда у испытуемых было известно, что от них будут требоваться интроспективные показания. По Н. Аху [2]), намерение наблюдать влечет наилучшую персеверацию пережитого процесса. По выводам Мессера [3]), это намерение, как знание того, что нужно будет давать показание, не обнаружило одинакового действия у всех его испытуемых, но в общем оно способствовало большей легкости воспоминания переживания и было поэтому во многих случаях несомненно благоприятно для самонаблюдения.

С другой стороны, однако, мы имеем указание, как кажется сперва, как раз на обратное, отрицательное, мешающее влияние наличности в сознании испытуемого намерения самонаблюдать. Мы видели ведь выше, что часто одного появления мысли: „это тобою должно быть зафиксировано позже, описано", во время переживания может быть достаточно, чтобы само переживание или существенно нарушилось или вовсе распалось. И здесь, при ближайшем рассмотрении вопроса о роли намерения наблюдать, представляется необходимым раздельно иметь в виду моменты, во 1-х возникновения намерения самонаблюдать, как мысль волевого характера и 2) момент самого осуществления этого намерения, как деятельность апперципирования, хотя обычно, в действительности, с первым,—намерением, тесно связывается и второй—сама деятельность.

Что касается возникновения намерения самонаблюдать в сознании испытуемого, то оно

[1]) *Binet*. L'étude expérimentale de l' intelligence, p. 92.

[2]) *N. Ach*. W. u. D. S. 11.

[3]) *A. Messer*. Exp.-psych. Unters. über das Denken. Arch. f. d. g. Ps. B. VIII, S. 17, 19, 26.

отнюдь не должно рождаться во время самого подлежащего наблюдению переживания, если мы не хотим внести в последнее существенные нарушения или даже совсем утерять его. Г. Мюллер[1]) подробно останавливается на этих нарушениях естественного протекания переживания в случае появления намерения наблюдать во время самого переживания. Им отмечаются четыре таких, безусловно отрицательных, действия, оказываемых возникновением намерения самонаблюдать. Во-первых, такое намерение, как известная мысль аффективно-волевого характера, появляясь в сознании, оказывает подавляющее (verdrängende) влияние, благодаря тому, что, в то время как такое намерение оказывается наличным и сознаваемым, переживания, при естественном течении заполнявшие бы как раз этот же момент времени, ныне заполненного возникшим намерением наблюдать себя, оказываются вытесненными из сознания, или по крайней мере из сферы внимания. Еще более значительным является второе—нарушающее или мешающее (störende) действие. Именно, возникновение намерения, вставляясь после какого-нибудь частичного процесса в целостном течении переживания, лишает этот процесс того его определяющего влияния на дальнейшее, каковое влияние он часто мог бы иметь при естественных условиях протекания. Благодаря этому легко нарушается естественность всей картины дальнейшего хода переживания.

В третьих, далее, возникновение в ходе самого переживания намерения самонаблюдать, опять таки как известная волевая мысль, имеет внушающее действие. Будучи сознаваемым, намерение это всегда заключает в себе известное предвосхищение, антиципирование ближайших следующих моментов переживания. И это предположение или предвосхищение определенного своего поведения в ближайшем будущем легко может вызвать и действительное его осуществление, что таким образом и может внушить нам переживание совсем искусственное и вовсе не соответствующее естественному обычному протеканию нашей психической жизни.

Но помимо трех, только что отмеченных, намерение наблю-

---

[1]) *G. Müller.* Zur Analyse u. s. w., I, S. 73—76.

дать имеет и еще одно, нарушающее естественность переживания, влияние. Этим четвертым действием его будет искусственное ненормальное распределение внимания между отдельными процессами всего переживания. Намерение наблюдать, сознаваемое нами, есть всегда намерение наблюдать что-либо, поэтому переживанию, соответствующему такому преднамеренному об‘екту, внимание и будет уделяться в наибольшей мере, часто вовсе не соответствующей той, какая приходится на него в естественных условиях. Между тем усиленная фиксация может повлечь за собою деятельность, связанных с предметом фиксации, репродуктивных тенденций, чем также картина переживания отклоняется от обычной, нормальной еще более.

Таковы отмечаемые Мюллером нарушения, необходимо рождаемые тем, что намерение наблюдать, как известная мысль волевого характера, сознается нами во время главного периода эксперимента (т. е. в самое время протекания подлежащего нашему интроспективному познаванию переживания). А отсюда для избежания таких нарушений прямо и следует то, уже указанное выше требование, чтобы намерение наблюдать формировалось в сознании не в течении переживания, но до его начала. Действительно, соблюдение подобного требования в значительной мере ослабляет все вышеотмеченные вредные влияния, а первые два — вытесняющее и нарушающее — и вовсе почти устраняет. Что же касается двух последних влияний—внушающего и порождающего ненормальное распределение внимания, то они обусловливаются не только одной волевой мыслью, выражающей намерение, но уже самой деятельностью апперципирования (вторым моментом намерения наблюдать по нашему различению), почему и вопрос об их устранении связан с вопросом об этом втором моменте нашей установки самонаблюдать.

Вопрос о времени осуществления испытуемыми намерения самонаблюдать.

По отношению к осуществлению самой интроспективной опознавательной деятельности, вызываемой этой мыслью—намерением, в вопросе о том, в каком периоде эксперимента она должна иметь место, в целях наиболее полного использования всех путей интроспективного восприятия,— мы стоим перед несколькими возможными ответами.

С одной стороны, настойчиво указывается, что попытки осуществлять опознавание в главном периоде, во время течения самого переживания, могут иметь лишь неблагоприятные последствия, в виде нарушения самого переживания, почему и должно давать испытуемым инструкцию в том смысле, чтобы они приступали к опознаванию лишь по окончании процесса, в последующем периоде, и осуществляли бы его таким образом лишь по отношению к образам памяти. В таком случае избегается не только возможность распадения переживания, вследствие отвлечения апперципирующего внимания от фиксации „предметов", но в значительной мере устраняются и выше упоминавшиеся действия—внушающие и нарушающие нормальное распределение внимания, ибо, имея уже закрепленную памятью картину завершенных процессов, я не смогу извратить ее так легко, как это возможно бывает в самом течении переживания.

Имея это в виду, Н. Ах, напр., настойчиво подчеркивает, что действие намерения наблюдать, как сама деятельность опознавания, должно иметь место исключительно в последующий период [1]), в каковом смысле и должна формулироваться инструкция испытуемым [2]). Н. Ах полагает [3]), что и в таком случае она дает многое, способствуя более полной и ясной персеверации всего пережитого. Нам, однако, подобное утверждение представляется сомнительным в своем обосновании. Понятно, что деятельность апперципирования, имеющая место исключительно в последующем периоде, может способствовать быстрому и отчетливому схватыванию того, что дано непосредственной памятью и того, что уже персеверировало, по причинам от так направленного апперципирования независимым. Остается, однако, непонятным, благодаря чему, при соблюдении инструкции отнюдь не апперципировать в главном периоде, переживания все же будут потом всплывать в памяти лучше, чем при отсутствии подобной инструкции. Ведь, об'ем вспоминаемого посредственной памятью, равно как и персевирующего, как мы

[1]) *N. Ach.* W. u. D. S. 10—11; W. u. T. S. 8.

[2]) *Ach.* W. u. D. S. 37.

[3]) *N. Ach.* W. u. D., 19.

видели уже в предшествующей главе, прямым образом зависит от удач нашего опознавания переживаний в их наличности, в главном периоде. Раз так, то оптимистическое утверждение А х а касательно влияния намерения наблюдать, направленного исключительно на посл. пер., оказывается бездоказательным, что справедливо и подчеркивает Г. Мю л л е р [1]) в своей критике метода А х а.

Поэтому мы соглашаемся с тем, что инструкция самонаблюдать л и ш ь в посл. периоде способна внести наименьше нарушений в естественное протекание переживания. Однако мы вместе с тем полагаем, что, поскольку эта инструкция действительно строго выполняется испытуемыми,— она использует лишь непосредственную память переживания, и польза ею приносимая будет значительно меньшей по сравнению с возможной вообще при других формулировках инструкции, не исключающих возможности осуществления намерения наблюдать и во время наличия переживания, т. е. в главном периоде.

В предыдущей главе мы видели, что такое апперципирование наличного осуществимо и именно в виде коротких „перескоков“ внимания на переживания и более или менее полного обозначения или отмечания их в целях последующего воспроизведения. Подобные „застижения врасплох“ (Ertrappungen) по терминологии М ю л л е р а, чрезвычайно ценны тем, что дают нам возможность полнее и достовернее вспомнить наши переживания в последующий период, когда все же по преимуществу нами оформливается интроспективно познанное.

Способствовать последнему мы можем, очевидно, лишь содействуя и нашей инструкцией тем психологическим апперцепированиям н а л и ч н ы х переживаний, каковые имеют место и в обычных, не экспериментальных условиях. Но здесь легко может возникнуть прежнее сомнение: насколько и в каком виде такое апперципирование оказывается возможным? И здесь,—признавая, что с о з н а т е л ь н о е апперципирование наличных переживаний, как связанное с мыслью, выражающей намерение, как вообще требующее большой доли сознания, необходимо всегда внесет в течение

Возможность бессознательного осуществления самонаблюдения.

[1]) *Müller*, op. cit., 141.

процесса расстройство—первый ответ мы находим в возможности бессознательного или несознаваемого нами осуществления интроспективного опознавания.

Возможность такой бессознательной установки уделять внимание своим переживаниям, как следствие навыка или упражнения, подтверждал, как мы уже видели выше, Фолькельт [1]), с коим соглашается и Вундт [2]), сомневавшийся лишь в абсолютной одновременности такого внимания самим переживаниям. В настоящее время Тичнер [3]), опираясь на данные современной „психологии—задачи“ (Aufgabe-Psychologie), говорящие за возможность превращения первоначально бывшего вполне сознаваемым намерения в несознаваемую уже установку действовать определенным образом, определенно высказывается за то, что и деятельность намерения самонаблюдать в ходе навыка все более и более теряет свою сознаваемость до степени обращения, как выражается Тичнер, в „физиологическую установку“. У лиц с достаточной практикой в интроспектировании, осознавание своего намерения и себя, как выполняющего это намерение,—совершенно не имеет места во время осуществления самого наблюдения.

И Мюллер [4]) полагает, что при известном навыке подобное психологическое апперципирование, как схватывание и отмечание переживаний нашим вниманием, может перестать быть сознательным и обратиться как бы в несознаваемое „звучание“ (Anklingen) определенных представлений, какое их наличие тем не менее способствует тому, что соответствующим переживаниям уделяется больше сознания. Последнее же способствует лучшему их запечатлению и, соответственно, большей легкости их воспроизведения для позднейшего ретроспективного анализа. Поэтому-то переживания, которым ранее мы уделяли внимание в большей мере, позже, в силу того, что наше внимание подвержено привычке, легче сами собою будут его привлекать и вызывать особое осознание (Ertappung). Общий наш навык к интроспектированию в

---

1) *Volkelt*, op. cit., 7, 10—12.
2) *Wundt*, S. u. inn. W.
3) *Titchener*, Prolegomena etc., p. 443, ff.
4) *Müller*, op. cit. 67, 103, 127.

силу имевших ранее место намерений наблюдать, может обусловить и то, что переживания, обычно и не вызывавшие к себе нашего апперципирования, повлекут ныне несознаваемое нами самими психологическое опознавание их.

Мюллер полагает, что вследствие подобного навыка, у нас накопляется нечто вроде ряда готовых обозначений психических процессов. Эти обозначения, как ряды представлений более или менее смутных, предшествующим намерением наблюдать ставятся в „состояние готовности" и, без сознавания нами, могут прилагаться, как бы сами собою, к переживаниям [1]), чем и повышать „опознанность" последних. Между тем, с нашей стороны подобная психологическая апперцепция требует минимального внимания, благодаря чему оказывается, очевидно, способной и наименьше нарушить ход переживания.

Вот способность к подобного рода бессознательному осуществлению интроспективного познавания и должна, по нашему мнению, быть в экспериментальной постановке исследования использована. Ибо лишь в этом случае мы будем при ретроспективном рассмотрении переживаний в последующем периоде иметь максимум возможных воспоминаний.

Формулировка инструкции к самонаблюдению.

Что касается того, как практически поставить экспериментальное самонаблюдение соответствующим сказанному выше образом, то здесь, очевидно, прежде всего должно инструкцию формулировать так, чтобы время деятельности опознавания не ограничивалось бы для испытуемого лишь и исключительно последующим периодом [2]). Для этого лучше вовсе не предопределять этого времени, предоставив это са-

[1]) Интересно сопоставить с этим показания одного из испытуемых в работе *Messer*'а (op. cit. Arch. f. d. Ps. B. VIII, S. 26) о действии намерения наблюдать. Оно сказывалось, по его словам, в том, что одновременно с переживаниями устанавливались и высказывания (обозначения) касательно их.

[2]) Что фактически едва ли строго и бывает выполнимо, ибо „застижения врасплох" наличных переживаний для очень многих представляются поведением естественным, к тому же само нахождение в обстановке эксперимента невольно вызывает стремление опознавать переживания и в гл. пер. На последнее обстоятельство указывает справедливо *Wundt* (Kritische Nachlese zur Ausfragemethode. Arch. f. d. Ps. B. XI, S. 450), полемизируя с Бюлером.

мому испытуемому, а просто предварить его, что после окончания процесса о бывших в течении его переживаниях испытуемый должен будет сообщить экспериментатору. Подобным образом выраженная инструкция к самонаблюдению не исключает для испытуемого права осуществлять его и в главном периоде. Но чтобы это право могло быть действительно положительным образом использовано — требуется очевидно: 1) чтобы испытуемый был в достаточной мере опытен в смысле тренированности его в интроспектировании. Ибо лишь у такого испытуемого деятельность опознавания будет осуществляться с наименьшей затратой сознания и может даже, как видели, стать совсем несознаваемой; во 2-х, испытуемый должен знать о легкой возможности внести в развитие переживаний осуществлением сознательного самонаблюдения в гл. пер. существенные нарушения—до их распада включительно.

Использование „застижений нами врасплох“ переживаний.

Как на второй путь, далее, позволяющий нам не ограничиваться при применении интроспекции в экспериментальном исследовании лишь данными одной непосредственной памяти, но осуществить и нашу способность к опознаванию переживаний в их наличности, следует указать на использование наших „застижений врасплох“.

И здесь прежде всего должно иметь в виду, что нарушения вносимые подобными сознаваемыми „застижениями“ и притом, сколь бы значительны они не были, отнюдь не обесценивают для нас этого вида интроспективного познавания безусловно и вообще, даже и в самих тех случаях, когда „застижение“ оказало рассмотренное выше „мешающее“ влияние. Во-первых, нужно помнить, что познание о переживании, даваемое таким „застижением“ его в наличности, принадлежит, по свидетельству Мюллера [1], к достовернейшим из вообще возможных в интроспективном восприятии. Что и понятно, ибо здесь мы опознаем само переживание еще, так сказать, живое, а не могущий быть легко неполным и тусклым образ памяти. Что же касается вносимых таким „застижением“ нарушений, то тут чрезвычайно

[1]) *Müller*, op. cit. 113.

важно ясно отдавать себе отчет в том, что нарушения эти касаются лишь дальнейшего течения переживания. Лишь этот дальнейший ход процесса, вследствие отвлечения внимания от порождающих переживание предметов и разрыва связи с предшествующими моментами, в силу вставления в течение его сознательного акта опознавания, оказывается расстроенным и нарушенным. Тот же момент переживания, который нам удалось „застигнуть врасплох“ и опознать вносимыми актом опознавания, нарушениями затронут быть не может [1]).

И по мнению Мюллера [2]), нет никакой беды в том, если исследуемое переживание, в силу, в ходе его осуществившейся психологической апперцепции, оказывается и не оконченным нормальным образом. В такой мере могут быть интересны и ценны данные этих случайных „застижений“! Но покуда наступление таких опознаваний определяется не экспериментатором, а естественными условиями внимания испытуемого и свойствами самих переживаний—мы не будем иметь возможности использовать их для возможно полного познания всего процесса; не предопределяемые нами „застижения“ будут осуществляться у испытуемого или по отношению лишь к переживаниям, особо привлекшим его внимание (при чем здесь не исключена возможность выработки известной шаблонности апперципировать все одно и то же), или касаться лишь последнего процесса целостного переживания, конца его, как это по большей части в естественных условиях и бывает.

Метод перерыва.

Поэтому, чтобы рассматриваемые психологические „застижения врасплох“ осуществлялись по отношению ко всем моментам переживания или, по крайней мере, по отношению к произвольно выбираемым моментам, имеющим для экспериментатора особый интерес, бывает полезно произвольно прерывать переживание ранее его естественного завершения, как раз на том моменте, опознать который при помощи такого „застижения“ мы хотим. В таком случае, при наличии соответствующей инструкции, интересующий нас момент и оказывается, как конечный, тотчас опознанным и обозначенным.

---

1) *Müller*, op. cit., S. 126.

2) *Müller*, op. cit., 113.

Идея подобного „метода перерыва“ принадлежит Г. Мюллеру [1]), пришедшему к ней на основании приведенных выше соображений о положительном и отрицательном влияниях тех психологических апперципирований или „застижений врасплох“ в виде восприятий и обозначений переживаний, которые осуществляются по отношению к наличным переживаниям. Более подробно разработал его, остановившись и на технической стороне метода, В. Бааде [2]). Принцип метода состоит в том, что течение переживания прерывается по произволу со стороны экспериментатора на любом желательном для последнего моменте. Перерыв осуществляется благодаря особому сигналу (звонку, стуку, свету и т. п.). Для точного определения периода времени с начала переживания до момента перерыва, что нужно для возможно систематических вариаций этих периодов, вызывание сигнала не механическим путем (а движением или стуком рукой экспериментатора, или его словом), оказывается мало удовлетворительным, почему Бааде и рассматривает различные технические возможности устройства сигнала, получаемого механически через определенное время после начала переживания. По восприятии такого сигнала, испытуемый должен, в случае совершенного (по терминологии Бааде) применения метода тотчас же и прежде всего опознать последнее переживание, только что бывшее до перерыва; в случаях же несовершенного применения метода, психологическое апперципирование осуществляется после восприятия сигнала по отношению не к последнему переживанию прежде всего, но по отношению к вообще ранее бывшим до перерыва. В совершенном случае применения метода, апперципирование переживания тотчас же влечет и формулированное обозначение или отмечание его [3]), давая тем самым осуществляться тому „описанию на основе наличной данности и апперципированности об'екта“, в которой Мюллер видит наиболее достоверное интроспективное познание.

---

[1]) *Müller*, Op. cit., 113.

[2]) *W. Baade*. Unterbrechungsversuche als Mittel zur Unterstützung der Selbstbeobachtung. Zeitschr. für Psych., 1913. B. 64.

[3]) *Baade*, 272.

То обстоятельство, что между самим подлежащим апперцированию переживанием и моментом его апперципирования проходит известный промежуток времени, занятый восприятием и пониманием условного сигнала, служащего для испытуемого показателем того, что должно тотчас же, не заботясь о дальнейшем течении процесса, опознать последнее, бывшее в сознании переживание, как полагает В. Бааде[1]), не может служить для нас поводом рассматривать такое опознавание, как опознавание на основе воспоминания об'екта, т. е. как уже ретроспективное. Встревающий сигнал о начале самонаблюдения не является столь особым и значительным, чтобы бывшее до него переживание мы не могли считать за еще подлинно наличное. Этот сигнал может сознаваться в минимальной степени, — примерно так же, как раздражение при моторной реакции. Поэтому Бааде и говорит, что высказывания о переживаниях, непосредственно следующие за прерывающим сигналом и касающиеся последних переживаний, должны оцениваться как случаи непосредственного самонаблюдения наличного — в противоположность осуществляющимся по отношению к уже протекшим „остывшим" переживаниям, непрямым, ретроспективным самонаблюдениям.

Вполне отожествлять, однако, такие вынуждаемые сигналом опознавания с непроизвольно совершающимися в естественных условиях „застижениями врасплох" наших переживаний, может быть все же и нельзя [с чем согласен и сам Бааде[2]), в виду несомненного отличия, вносимого сигналом, вставляющимся после переживания перед его апперципированием. Ведь степень сознаваемости этого сигнала во многих случаях легко может и не быть столь минимальной].

Тем не менее возможность иметь о любом моменте целостного переживания хотя бы с таким несовершенством осуществленные апперципирования представляется в высокой мере заманчивой, что будет особенно понятно, если мы примем во внимание, что некоторые „переходные" моменты в переживаниях так легко и упорно ускользают от нашего опознавания при обычных условиях[3]).

---

[1]) *W. Baade*. ib. 275. [2]) ib. 276.

[3]) *Müller*. Op. cit., 101—102.

Далее, необходимыми условиями применения метода перерыва являются, с одной стороны, установка испытуемого на перерыв, состоящая в том, что испытуемый должен понять сигнал, как указание на необходимость немедленного опознавания последнего бывшего в сознании переживания—с другой, неожиданность перерыва в каждом отдельном случае, без чего все течение переживания приобретало бы неестественное направление [1]). Эти условия могут быть выполнены, по Бааде, например, тем, что в ряде быстро один за другим следующих экспериментов, приблизительно в половине их, в случаях, заранее испытуемому неизвестных, переживание прерывается каким-либо сигналом, условленным до начала экспериментов. В понимании сигнала испытуемый должен быть тренирован особыми предварительными опытами. В подобном случае общая готовность испытуемого, в случае появления сигнала незамедлительно апперципировать последнее из бывших в сознании переживаний, в идеале должна сочетаться с отсутствием специального ожидания в каждом отдельном опыте. Когда это „подчас не удается“, — на эксперименты следует смотреть как на неудавшиеся.

К сожалению, Бааде не приводит указаний на применение его метода в каком-либо ведшемся исследовании, каковые указания могли бы давать нам опору в суждении о возможности такого одновременного сочетания общей установки на перерыв с неожиданностью такого перерыва в отдельном случае, на возможности какого сочетания в большой мере зиждется и вся ценность метода, как предоставляющего возможность осуществлять апперципирование наличными естественно протекающих переживаний. Поскольку ж нам приходится судить об этом в большой мере по личному интроспективному опыту, то достижение подобного сочетания общей установки на перерыв с неожиданностью последнего в отдельном случае нам представляется весьма трудным. Всегда обычно оказывается известное ожидание возвещающего перерыв сигнала, которое и действует на течение переживания уже нарушающим его обычное, нормальное течение образом. В случае же, когда такое ожидание отсутствует,

---

[1]) *Baade*, ib. 258—259.

восприятие сигнала, как и все неожиданное, порождает некоторое смятение, порою могущее быть и значительным, благодаря чему подлежащий опознаванию процесс оказывается отделенным от момента его опознавания уже и таким вторгающимся аффективным моментом.

Впрочем, для окончательного суждения о методе перерыва Бааде, подобные суб'ективные сомнения решающего значения, конечно, иметь не могут... Почему настоятельной и является надобность подвергнуть специальному экспериментальному исследованию вопрос о возможности общей установки на перерыв, сочетающейся с неожиданностью каждого отдельного перерыва и отсутствием при этом неожиданном перерыве состояния смятения.

Получись на этот вопрос несомненный положительный ответ,—мы имели бы в методе Бааде действительно метод, дающий большие и ценные возможности.

Парциальный метод. Переходя ныне к выяснению дальнейших условий, способствующих испытуемому возможно полней и достоверней познать свои переживания, мы упомянем о парциальном методе, предложенном Кюльпе и примененном Уоттом [1]). Метод этот состоит в том, что испытуемый согласно инструкции экспериментатора должен направлять свое внимание в последующий период не на всю картину только что протекшего переживания, но, как показывает само название метода, лишь на одну часть или отрезок всего протекшего процесса. Так Уотт, исследуя волевые реакции, делил все переживание на 1) приготовление к опытам, 2) появление слова раздражителя, 3) поиски слова—реагирующего и 4) появление этого последнего, и требовал, чтоб испытуемые в одну серию опытов опознавали бы ретроспективно только и прежде всего переживания, касающиеся первого из вышеозначенных моментов, в другую—переживания второго, в следующую серию—третьего и т. д. Подобное фракционирование можно применять и тогда, когда нас особенно интересует лишь какой-либо один момент переживания, а не все оно и нам важно, чтобы испытуемый наилучше познал переживания

---

[1]) *H. Watt*. Experimentelle Beiträge zu einer Theorie des Denkens. Arch. f. d. ges. Ps. B. IV, 1904, 316, цитирую по *Müller*'у. op. cit., 120.

именно этого момента. В обоих случаях—хотим ли мы просто из отдельных более детальных описаний частей переживания составить его общую картину, или наш интерес ограничивается одним специальным периодом его,—применение парциального метода бывает полезно тем, что намеченный ограниченный отрезок всего процесса выступает в последующий период в первую голову и, в силу этого, с большей ясностью. Последнее обусловливается отчасти и тем, что испытуемые, зная о необходимости давать показания прежде и тщательней всего об одном определенном моменте, невольно уделяют этому моменту большее внимание и в гл. пер. Такое повышенное внимание к намеченному моменту в главном периоде выражается в всплывании круга представлений „в состоянии готовности“, соответствующих психологическому апперципированию этого интересующего наблюдателя момента. Это же может легко вести к несознаваемым опознаваниям, дающим, в случаях не-распадения переживания, особенно прочные запечатления для последующих показаний [1]. Должно учитывать еще и то обстоятельство, что при намеренном обращении внимания в ретроспективном анализе в последующем периоде лишь на одну определенную фазу, вредное действие репродуктивных тенденций, исходящих от воспоминаний других моментов переживания и могущих оказывать тормозящее влияние [2], оказывается в значительной мере устраненным.

В виду сказанного, нам представляется несомненным, что требуемое методом сужение сферы подлежащего апперципированию может способствовать лишь большей детальности и достоверности интроспективного познания, и мы склонны видеть в парциальном методе одно из наиболее многообещающих средств интроспективного психологического познания.

Ряд сомнений выдвинул против парциального метода Н. Ах [3]. Они сводятся к следующим тезисам. Во 1-х,

---

[1]) *Müller*, op. cit., 119.

[2]) На возможность такой взаимной помехи многих репродуктивных тенденций при ретроспекции в посл. пер. справедливо указывает в своих методологических рассуждениях напр. *Grünbaum* (Ueber die Abstraction d. Gleichheit. Arch. f. d. g. Ps. B. XII. S. 353).

[3]) *N. Ach.* Willensakt und das Temperament S. 11; Ueber den Willensakt 1911, S. 20.

каждый опыт является настолько индивидуально отличным от других, что конструировать целую картину всего переживания из описаний отдельных его фаз в разных экспериментах представляется едва ли возможным; во всяком случае подобный метод вызывает значительные сомнения. Во 2-х, описание отдельной фазы процесса непонятно вне целого. Но сомнения эти отнюдь не кажутся нам решающими. Относительно первого пункта можно возразить указанием на то, что во всяком исследовании, в коем используют не один единичный эксперимент, конечная общая картина переживания составляется из данных, почерпнутых в различных опытах. Значит индивидуальная окраска каждого отдельного переживания и здесь в известной мере теряется. Что же касается второго возражения против метода, возражения, касающегося непонятности изолированно описанной фазы, вне полной картины целого переживания, то надо иметь в виду, что такая непонятность отдельных частичных процессов далеко не необходимо всегда встречается; в случаях же, где действительно приходится сталкиваться с такой непонятностью, следует иметь в виду, что парциальный метод может, ведь, и не исключать апперципирования испытуемым и всего переживания целиком; ибо существенным для него является лишь, чтобы опознание одной определенной фазы процесса было первой и главной задачей испытуемого.

Метод замедленной работы.

Далее, некоторые авторы[1]) как на условие, способствующее нашему интроспективному познаванию, указывают на замедление протекания переживаний. Такое замедление может достигаться усложнением самой задачи, ставимой испытуемому. В таком случае, при разрешении более трудной задачи, отдельные фазы переживания часто будут более медленно сменять одна другую. Мюллер говорит, что лабораторная практика убедила его с несомненностью, что, напр., в некоторых случаях заучивания материала, в коих обычно оказывается трудно получить от испытуемых интроспективные показания о бывших у них переживаниях, испы-

---

[1]) *Müller*, op. cit., 111—112; *I. Geyser*, Einführung in die Psychologie der Denkvorgange, S. 34.

туемые такие показания в состоянии дать, если мы сделаем материал предлагаемый для заучивания (при изучении памяти) более трудным. Стремление к такому усложнению задачи, которое обусловливало бы замедление течения переживаний и тем облегчало бы их опознавание, и принуждало его брать иногда в качестве материала для заучивания сложные китайские письменные знаки. Аналогичным образом и Дауней [1]), изучая переживания, связанные с процессом произвольного писания, для большей плодотворности интроспективных познаваний своих испытуемых вводил усложняющие задачу условия, как напр., заставлял писать с завязанными глазами, писать левой рукой, писать смотря в зеркало и т. п. Медленная смена отдельных частичных переживаний целого процесса позволяет нам с большой легкостью апперципировать их и тем самым прочнее запечатлевать их в памяти. В связи с этим, тот же Мюллер высказывает вероятное на его взгляд предположение, что лица с медленным психическим темпом оказываются в общем более способными к интроспектированию, чем люди с быстро текучей психической жизнью. Что касается нашего взгляда на применение рассматриваемого метода замедленной работы через усложнение ставимой задачи, то мы полагаем, что при его использовании не должно упускать из вида двух обстоятельств: во 1-х) данные, полученные по отношению к разрешению какой-либо затрудненной задачи, нельзя без специальных рассуждений считать за всецело приложимые и по отношению к разрешению нормальной, более легкой задачи, во 2-х) усложнение ставимой испытуемому задачи должно вызывать действительно лишь более медленный темп протекания переживаний, а не столь существенное осложнение его, каковое может порождать результат как раз обратный желаемому: более быструю сменяемость частичных процессов, вследствие значительного увеличения общего их количества.

„Уклоняющее“ влияние намерения самонаблюдать. Переживания естественные и вынужденные.

Во всех отмеченных методических приемах самонаблюдения, как мы видели, наряду с повторением и изменением переживания через изменение об‘ективных раздражителей, чрезвычайно важным фактором является спе-

[1]) Цитирую по Müller'у, ibidem.

циальная „установка“ испытуемого. Последняя состоит в намерении испытуемого самонаблюдать. Это намерение оказывает еще одно, нами до сих пор специально не подчеркнутое, влияние. Таким влиянием будет уклонение переживания от той картины протекания, каковую бы оно имело в нормальных, не экспериментальных условиях, где переживания развиваются при отсутствии всякого намерения их интроспектировать. При пользовании различными приемами самонаблюдения, влияние это может проявляться в весьма различной степени, что иногда исключает для нас возможность отождествления исследуемых переживаний. Так, напр., изучив свойства наших зрительных представлений путем вызывания их у себя в сознании и внимательного их апперципирования, мы не в праве заключить, что и в обычном течении нашей психической жизни наши зрительные представления являются наделенными теми же чертами и в той же мере.

Зрительные образы в качестве об‘екта сознательного апперципирования, вызванные нами произвольно, легко могут оказаться, например, так хроматичны, так точно локализованы и так ярки и отчетливы, как этого никогда не бывает в их непроизвольном естественном течении. Причинами подобного рода уклонений являются: во-первых, внимание с его существенной функцией делать об‘ект более отчетливым и ясным, благодаря чему могут выступать совсем новые, в иных случаях не замечавшиеся, черты об‘екта. Во-вторых, сознательность наблюдения, легко обусловливающая всякого рода самовнушения и нарушающие влияния, вставляющейся в протекание переживания мысли. Влияние это может выражаться в замедлении всего переживания, в вытеснении частичных процессов, в нарушении общей связности их и других изменениях. Очевидно, далее, что наибольшего влияния оба эти фактора достигают прежде всего в случаях, когда переживания вызываются самим испытуемым в целях их наблюдения. Несомненно значительное влияние их и тогда, когда переживания вообще протекают, как об‘ект сознательно на них направленного внимания. Переживания, протекающие в подобных условиях, дающих возможность наибольше проявиться рассматриваемому „уклоняющему“ действию общей установки на само-

наблюдение, Мюллер[1]) определяет как состояния сознания „вынужденные“ (gezwungene). Тичнер [2]) думает, что удобнее называть их „контролируемыми“ или „подконтрольными“ (controlled). На наш взгляд, первоначальное определение, данное Мюллером, более выражает существо дела, состоящее именно в том, что картина переживания изменяется в силу нашего старания опознать эти переживания, старания вынуждающего или самое даже появление переживания или лишь перемены в его характеристиках. В противоположность „вынужденным“ состоянием сознания, переживания, не порожденные намерением самонаблюдать и протекающие не под влиянием такого намерения, Мюллер называет „естественными“. Тичнер же предлагает обозначать их переживаниями „свободными“ (free). И здесь нельзя не согласиться с большой пригодностью последнего термина, принимая во внимание некоторую неловкость Мюллеровского термина „естественные“ состояния сознания в том смысле, что „естественным“ должны противополагаться „неестественные“, а за таковые нельзя, строго говоря, считать переживания „вынужденные“.

Но уже из вышеизложенного теоретического рассмотрения того, что собственно является причиной „вынужденности“ переживаний, можно понять, как трудно провести здесь сколько-нибудь решительную границу. И если еще сознательность наблюдения в каждый момент переживания в большинстве случаев может отсутствовать, то внимание, хотя бы в виде безсознательного апперципирования переживаний, представляет собою неустранимую природу почти всех экспериментально - интроспективных изследований. Случаи безсознательного осуществления самонаблюдения не являются исключениями потому, что, как мы видели уже выше, такой вид интроспекции основывается также на несознаваемо действующем внимании, прилагающем к переживаниям соответствующие им обозначения и отмечания, что предваряется наличием групп „в состоянии готовности“ находящихся представлений. А такое апперципирование несомненно оказывает все же, может быть, правда и минимальное, нару-

[1]) *Mueller*, op. cit., 73, 88—99.

[2]) *Titchener*. The Schema of Introspection, Am. Journ. v. 23, p. 493, 496.

шающее действие, хотя бы в виде замедления хода всего переживания. Инструкция осуществлять самонаблюдение лишь в последующем периоде, как есть основания думать, также не исключает возможности подобного безсознательного опознавания и в гл. периоде. А раз так, то очевидно, что и в самых „наименее вынужденных“ переживаниях, в обстановке экспериментального исследования, вероятность известной „вынужденности“ отнюдь не является устраненной. Почему, опять таки в условиях экспериментально-интроспективного изучения, и представляется трудным найти переживания, бывшие действительно вполне „естественными“ или „свободными“, то-есть на которые наше самонаблюдение не оказало бы никакого влияния.

Однако, хотя такая „неестественность“ и оказывается присущей в той или иной степени [от весьма значительной до совершенно минимальной],—всем подвергающимся экспериментальному исследованию переживаниям, тем не менее для нас не исключена возможность познавать переживания и не подвергшиеся „уклоняющему“ влиянию. Дело в том, что влияние самонаблюдения, сказываясь в каждом целостном переживании, нами интроспективно раскрываемом, затрагивает не все его частичные процессы, а, очевидно, касается лишь тех из них, которые специально интересуют и сознательно нами апперципируются. Так, например, изследуя по методу свободной ассоциации свойства наших зрительных представлений, мы, правда, не можем утверждать, что ясность и длительность, коей они в таком случае достигнут, не будет зависеть от нашего самонаблюдения; что же касается того, какое из ассоциированных со словом раздражителем представлений всплывет у нас прежде всего, то по отношению к этому весьма вероятно, что наше намерение наблюдать и не оказало влияния [1]).

Наряду с подобной возможностью открывать в целостном процессе отдельные конституирующие его моменты, остающиеся незатронутыми влиянием нашего намерения наблюдать, познать естественно текущее пережива-

[1]) См. *Müller*, op. cit., 98—99.

ние мы можем еще и теми непроизвольными „перескоками“ внимания или „застижениями врасплох“, о которых была уже речь выше. Вспомним, что эти „застижения врасплох“ оказывают несомненное нарушающее влияние лишь на следующий после их осуществления период протекания переживания. То же, что ими „застигается“, есть момент естественного течения переживания. Удача в применении метода Бааде несла бы в этом смысле заманчивые перспективы застижения любого момента переживания в естественном его протекании.

Касаясь вопроса об „уклоняющем“ влиянии намерения самонаблюдать и говоря в связи с этим о различении вынужденных и естественных состояний сознания, необходимо отметить ложность возможного взгляда на вынужденные состояния сознания, как на не представляющие, собственно, интереса для психологии.

Во всех тех случаях, когда нам желательно бывает определить способность испытуемого к чему либо, как например, иметь хроматические представления, различать два минимально розднящиеся раздражения, ощущать слабое раздражение и т. п., мы необходимо должны прибегать, и действительно прибегаем, к изучению вынужденных состояний сознания. В данном случае они по самой сути дела являются прямым об'ектом психологического интереса. Ведь и выяснить требуется, к чему способен испытуемый, чего в своих психических переживаниях он может произвольно, „вынужденно“ достигнуть.

Область исследований такого рода в психологии весьма значительна. Достаточно сказать, что вынужденные состояния сознания составляют предмет наиболее разработанных психологических дисциплин — психофизики и психологии органов чувств.

Отсюда совершенно ясно, что вышеизложенное различение переживаний на вынужденные и естественные отнюдь не заключает в себе какой-либо квалификации их значимости для психологии. Но ясное понимание этого различения представляется чрезвычайно важным для избежания непозволительных часто перенесений сведений, полученных относительно вынужденных состояний сознания и на естественное их течение.

Заключение. Заканчивая этим настоящую главу, проформулируем главные положения ее.

Эксперимент, как средство повторения переживания, давая возможность заранее подготовить внимание, впервые делает возможным в психологии подлинное наблюдение наличного. Но такое наблюдение, в силу природы самих переживаний, осуществимо лишь по отношению к об'ективным состояниям сознания. Что же касается суб'ективных состояний сознания, то экспериментальный метод может здесь способствовать лишь: а) большей планомерности и полноте отдельных быстрых апперципирований наличных переживаний, б) большей полноте даваемого непосредственной памятью.

Главными путями к достижению этих целей следует признать:

1. повторение переживаний, способствующее лучшему всплыванию их в непосредственной памяти,

2. безсознательность (несознаваемость) деятельности опознавания переживаний, возможная, как следствие тренировки испытуемых в самонаблюдении,

3. метод перерыва, как средство опознавания переживаний наличными в их естественном течении,

4. парциальный метод, способствующий большей детальности и ясности интроспективного анализа,

5. замедление течения переживаний.

Далее мы видели, что поскольку переживание вызывается нашим намерением наблюдать его или протекает как об'ект направленного на него внимания,—оно становится переживанием „вынужденным“, приобретая свойства, часто не присущие ему в естественных условиях протекания. Поэтому обобщать результаты, полученные относительно таких вынужденных переживаний, допустимо лишь учитывая „уклоняющее“ влияние самонаблюдения. „Вынужденные“ переживания и как таковые могут представлять для психолога большой интерес.

VI.

Получение интроспективных показаний от испытуемых. Методика современных интроспективных исследований высших умственных процессов.

Значение использования интроспективных познаний испытуемых.

Совершенно очевидно, что, поскольку испытуемые только сами познают свои переживания, это их знание ничего еще не дает для нас,—как исследователей,—и, следовательно, для науки,—оно всецело остается достоянием их одних. Чтобы не быть таковым, оно, очевидно, должно быть так или иначе выражено, т. е. испытуемые должны дать высказывания о пережитом ими и подмеченным.

Возможность иметь интроспективные показания от многих лиц, в сочетании с экспериментальным повторением и варьированием подлежащего наблюдению переживания, впервые делает метод интроспекции методом уже не нацело суб'ективным. В нем нет ограниченности сферой лишь нашего единичного, личного, индивидуального психического мира, как это стараются показать часто представители об'ективной психологии [1]). Получив ряд интроспективных высказываний о переживаниях от разных лиц, переживших какой-либо однородный процесс, мы, должным образом оценив, проверив и обработав эти показания, оказываемся, очевидно, в состоянии составить себе картину всего переживания, могущую претендовать на значимость уже более чем только для одной моей, личной, индивидуальной психической сферы.

Содержание, а с ним и достоверность таких описаний обусловливаются, помимо свойств самого об'екта, как не трудно видеть, тремя главными моментами. Прежде всего, удачностью опознания своих переживаний самим испытуемым. Во-вторых, условиями высказывания об опознанном и в третьих, нашей обработкою собранных высказываний.

---

[1]) Как, напр., *Бехтерев* (Об'ективная психология. стр. 5). утверждающий, что „для суб'ективной психологии“ (т. е. пользующейся интроспекцией, как основным методом) „совершенно закрыта область исследования сознательных процессов у других, так как для изучения последней у нее нет даже подходящего метода“.

Первый из этих моментов, именно, условия наилучшего опознавания испытуемым его переживаний, нами уже рассмотрен.

Различные возможности использования интроспективных познаний испытуемых вообще.

Использование интроспективных познаний испытуемых в современных методах исследования высших психических процессов.

В этой главе мы хотели бы, поэтому, обратить внимание на второй момент—момент использования таких интроспективных познаний испытуемых. Прежде всего—в целях систематической оценки вообще различных возможностей осуществления такого использования. В частности же—мы намерены остановиться на современной интроспективной методике исследования высших психических процессов, где интроспективные знания испытуемых используются как раз в максимальной степени. Я имею здесь в виду методику работ Бинэ, Вюцбургской школы и Н. Аха.

Различие методов получения интроспективных высказываний от испытуемых, вообще говоря, может характеризоваться различием в таких четырех главных отношениях. Прежде всего, в о 1-х, высказывание может быть одновременно с наличием об'екта и его опознанием, или высказывание может быть описанием одновременным с опознаванием, но уже описанием не самого предмета в его наличии, но лишь образа воспоминания о нем; наконец, описание может основываться на воспоминании уже ранее осуществившихся опознаваний предмета [1]). Очевидно, что первый случай—описание на основе непосредственной наличности и опознанности предмета, является случаем, обеспечивающим показаниям испытуемого наибольшую достоверность. В экспериментальной обстановке, такие условия для высказываний, очевидно, могут быть даны при интроспективном наблюдении над об'ективными элементами сознания и в случаях осуществления испытуемым тех „застижений врасплох" переживаний, специально использовать каковые, в целях достижения такого описания и имеется в виду в „методе перерыва" Бааде. Вообще же, временное отношение момента описания испытуемым нам своих переживаний к моменту опознавания их им и наличия их зависит от того, какую позицию в методе получения таких показаний займем мы вообще. И здесь, в о

[1]) Такое разделение см. у *Müller*'а (op. cit., 64—66).

2-х,—метод получения интроспективных показаний от испытуемых может быть различен в зависимости от частоты получения их. Описание пережитого может требоваться или каждый раз или после конца серий экспериментов или всего после немногих отдельных опытов. В 3-х, полнота требуемого описания может быть различна—от описания всего бывшего в сознании, до высказываний относительно лишь отдельных фаз переживания и даже отдельных, единственно интересующих исследователя, пунктов пережитого. В 4-х, получение интроспективных показаний может розниться в зависимости от различий в спонтанности, с коей испытуемые эти показания дают. Они могут описывать свои переживания совершенно сами, без какого либо, с нашей стороны, активного опрашивания их, или, напротив, давать показания, отвечая на наши вопросы. Наконец, самое содержание вопросов и способ их предложения здесь также не остаются без влияния на высказывание.

Каждая из намеченных возможностей имеет свои положительные и отрицательные стороны, оценить которые мы и постараемся в ходе рассмотрения методов Бинэ, Вюрцбургской школы и Н. Аха.

Метод А. Бинэ и Вюрцбургской школы.

Работы Бинэ [1]) и Вюрцбургской школы [2]) представляют собою, несомненно, новый и принципиально интересный этап в развитии психологической науки. Созданная Вундтом экспериментальная психология была по преимуществу физиоло-

---

[1]) *A. Binet.* L' étude experimentale de l' intelligence. 1903.

[2]) *K. Marbe.* Experimentel-psychologische Untersuchung ueber das Urteil 1901.

H. Watt. Exp. Beiträge zu einer Theorie des Denkens. Arch. f. d. g. Ps. B. IV, 1905.

A. Messer. Exp.-psychologische Untersuchungen über das Denken. Arch. f. d. g. Ps. B. VIII, 1906.

K. Bühler. Thatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgange. Arch. f. d. g. Ps. B. IX, 1907.

Störring. Exp. Untersuchungen über einfache Schlussprocesse Arch. f. d. g. Ps. XI, 1908.

Störring. Exp. und psychopathol. Untersuchungen über das Bewusstsein der Gültigkeit. Arch. f. d. g. Ps. XIV, 1909.

K. Koffka. Zur Analyse der Vorstellungen und ihrer Gesetze. 1912.

гической. Показательным в этом отношении являлось и самое совмещение в лице ее создателя психолога с физиологом. Ее проблемами были по преимуществу проблемы психофизики и психо-физиологии, т. е. область простейших психических явлений, наиболее однозначно и прямо связанных с внешними агентами и определяемых этими последними. Подобному выбору предметов исследования способствовало и самое понимание эксперимента или экспериментального метода, заимствованное от физиологии вместе с ея аппаратами. Полагали, что эксперимент мы имеем лишь тогда, когда оказываемся в состоянии путем количественно планомерно изменяемого материального раздражителя изменять эффект, непосредственно с ним связанный и регистрируемый, по возможности, об'ективно. Понятно, что подобной норме, действительно, наибольше могли соответствовать исследования области ощущений, волевых движений и физиологического выражения чувств, поскольку результаты таких исследований могли приобретать численный и об'ективный характер.

Обращение в психологии, с начала настоящего века, особого внимания на изучение высших процессов психики— процессов мышления и воли, нашедшее себе выражение в трудах Вюрцбургской школы и Бинэ, характеризуется не только таким расширением области исследования, но и перемещением центра научного интереса от количественных и физиологических об'яснительных проблем в сторону познания, прежде всего, качественной стороны переживаний.— Включение в сферу научно-изучаемого высших психических процессов обусловило прежде всего расширение понятия самого эксперимента.

Расширение понятия эксперимента.

Прежнее определение эксперимента оказывается уже слишком узким и материалистическим. Очевидно, что процессы мышления не стоят в однозначной связи с каким-либо внешним раздражением, как это имеют место в области ощущений. Равным образом, переживания мысли и не выражаются сколь-либо однозначно и непосредственно об'ективно.

Поэтому рассматриваемым исследователям психологии мышления и приходится экспериментальное воздействие на сознание испытуемого понимать уже более широко.

Как пишет Бинэ [1]): „под раздражением нам следует понимать не только воздействие на наши органы чувств какого-либо материального агента, но и всякую перемену вообще, которую мы, экспериментаторы, по своей воле, вызываем в сознании испытуемого; так язык, речь в руках психолога есть раздражитель, более тонкий и не менее определенный, чем обычные сенсорные раздражители; язык в качестве возбудителя, дает психологическому экспериментированию значительный диапазон (le langage permet de donner à l'expérimentation psychologique une amplitude considerable)".

Схема Вюрцбургских экспериментов.

Согласно с этим, Бинэ и Вюрцбургские психологи и пользовались пред'явлением испытуемым слов (слуховым или зрительным путем), в качестве возбудителя желательных им процессов мышления. Испытуемым давались те или иные слова, отправляясь от коих они должны были совершать определенный умственный процесс, как-то: понять слово, найти к нему координированное, родовое или видовое понятие,—найти какое-либо прилагательное, представить наглядно названный предмет и т. п. (Бинэ, Уотт, Штерринг, Мессер). В других случаях, им пред'являлись слова затем, чтобы они связали их в том или ином отношении, или, наконец, им ставились прямые вопросы различного, и часто трудного философского, содержания или давалось какое-либо суждение-афоризм, на что испытуемые должны были давать обдуманные ответы и оценки. (Марбе, Мессер, Бюлер). В последних случаях особенно, схема метода реакции обращается в прямое „выспрашивание" испытуемого.

Так, например, в исследовании Бюлера весь эксперимент и заключается в том, что экспериментатор, находящийся в одной комнате с испытуемым, ставит последнему вопросы вроде: „когда Эйкен говорит о вселенноисторической (weltgechichtlichen) апперцепции—понимаете-ли Вы, что он под ней разумеет?" или „можете ли Вы отсюда в семь часов доехать до Берлина?" или „можем ли мы своим мышлением постичь сущность мышления", на что тот и должен, подумав, отвечать ему „да" или „нет". Возможность давать различные инструкции, вынуждающие испытуемого, отправля-

---

1) *Binet*. L'étude expérimentale etc., p. 3—4.

ясь от данных слов, производить различные мыслительные деятельности, то найти родовое понятие, то предицировать и т. п., равно как и возможность по известному плану пред‘являть испытуемому задачи, различные по своему содержанию, форме и входящим в них образам, дает, по мнению исследователей пользующихся подобным методом, ту возможность планомерной вариации условий, которая является существенной характеристикой всякого, претендующего на научность, экспериментирования.

Подобная схема опыта с распределением функций между двумя лицами,—ставящим вопросы экспериментатором и отвечающим на них испытуемым,—имеет, по мнению применявшего ее Бюлера [1]), те выгодные стороны, что позволяет нам, во 1-х, по произволу, когда угодно, вызывать у испытуемого подлежащие изучению мыслительные процессы; во 2-х, вызывать их в сознании испытуемого независимыми от каких-либо предвосхищений и произвольного в них вмешательства со стороны последнего, что является неизбежным, когда какая-либо мыслительная задача ставится суб‘екту им же самим, и он ее таким образом уже заранее намечает. Далее, для того, чтоб порождать в сознании испытуемого действительно мыслительные процессы, а не ставшую механической и обычной ассоциативную связь, а также и для того, чтобы в протекание этих процессов не вмешивалось нарушающее его естественность самонаблюдение, Бюлер сознательно ставил своим испытуемым серьезные, трудные мыслительные задачи. Благодаря этому обстоятельству испытуемые должны были внутренно всецело отдаваться требуемой работе мысли, почему и переживаемый ими процесс, как не нарушаемый посторонними отвлечениями и самонаблюдением, мы вправе отождествлять с мышлением в обычных условиях [2]).

Значение в них интроспекции.

В отличие от других возможных подходов к изучению процессов мышления, например, психо-физиологического или психометрического весь интерес исследователей вюрцбургского направления был в раскрытии качественно-описательной стороны це-

[1]) *K. Bühler*. Ueber Gedanken. Arch. f. d. g. Ps. B. IX, 1907. S. 299.
[2]) *K. Bühler*, ibid., S. 302.

реживаний мысли, ее непосредственно даваемых hic et nunc. Не трудно видеть, что раз центральный интерес для нас перемещается на описание процессов мышления, как они даются нам в переживании, интроспекция становится основным и исключительным методом такого познания.

Ведь, вся та, очерченная нами выше схема экспериментирования, имевшая целью заставить испытуемых пережить желательный для экспериментатора мыслительный процесс, имеет значение и смысл лишь постольку, поскольку испытуемые дадут нам интроспективное описание пережитого, ибо какого-либо прямого, об‘ективно даваемого индикатора их состояний мы не имеем, если не считать приблизительных измерений секундомером, ничего не говорящих о качественном характере процесса.

Таким образом вюрцбургское направление психологического исследования, наряду с расширением понятия эксперимента, знаменует собою и значительный рост значения интроспективного метода. Ибо все условия вызывания и видоизменения переживаний мышления и осуществляются здесь лишь в целях получить от испытуемого интроспективное описание пережитого им.

Раз результаты всецело даются высказываниями испытуемых, очевидно, что вопрос о приемах получения таких высказываний (—вопрос, согласно общему систематическому плану нашего изложения и составляющий выясняемую проблему настоящей главы—) приобретает в методике Вюрцбургской школы центральное значение.

Систематичность получения показаний; требование их после каждого опыта.

Если ранее в большинстве психологических исследований могли довольствоваться разрозненными и случайными высказываниями испытуемых о том, что их особенно поразило в их переживаниях, дополняя подобные сведения собственными воспоминаниями и прибегая в иных случаях к „мысленному экспериментированию“, рефлектированию и сопоставлению, то теперь столь непланомерное получение интроспективных показаний, очевидно, удовлетворять не могло. Не могло удовлетворять по той причине, что, согласно самой постановке проблемы, установление достоверной интроспективной картины переживаемого процесса является в исследованиях психологии мышления

первой и основной целью. Отрывочные же, случайные высказывания испытуемых, когда им вздумается и о чем им вздумается, очевидно, не только не могут гарантировать ни полноты, ни достоверности показания, но и, будучи всецело в зависимости от произвола испытуемых, лишают смысла и самое варьирование экспериментатором условий протекания процесса. Лишь, когда интроспективные высказывания испытуемых перестанут зависеть от непредвидимого произвола их, а будут подчинены воле экспериментатора, вызывающего исследуемые процессы, эксперименты мышления приобретут смысл, ибо лишь в таком случае старания последнего, касающиеся вызывания и планомерного изменения переживаний, необходимо будут не безрезультатны.

Поэтому вюрцбургские психологи, равно же и Бинэ, пользуются в своих исследованиях не разрозненными и случайными высказываниями испытуемых об опознанном, но стремятся придать таким высказываниям известную систематичность, для чего требуют, чтобы испытуемые давали показания после каждого эксперимента тотчас по окончании исследуемого процесса. Подобное экспериментирование с требованием интроспективных показаний о каждом отдельном опыте является основной характеристой метода Вюрцбургской школы [1]). При всех возможных недостатках, присущих подобному методу получения показаний, на коих мы остановимся ниже, — очевидно, что в экспериментах, где данные каждого опыта представляют индивидуальный интерес и сами лишь в том и даются, что высказано испытуемым, такой способ получения высказываний после каждого опыта оказывается вызываемым самым существом дела.

Применение активного опроса.

С подобной основной характеристикой — требованием показаний после каждого отдельного эксперимента — у различных авторов рассматриваемого направления сочетаются различные методические приемы в отношении полноты описания и спон-

---

[1]) Что касается приоритета в подобном широком систематическом использовании интроспекции испытуемых, то, как замечает Г. Мюллер, приоритет здесь должен принадлежать *Уипплу* и *В. Анри*, которые уже в 1898—1900 годах, в своих работах о сравнении высоты тонов и о локализации тактильных впечатлений, пользовались аналогичным методом.

танности его. Относительно последнего — вопросов экспериментатора, в целях извлечь из опыта максимум интроспективных данных, должно сказать, что в первой работе Вюрцбургской школы—работе Марбе нет указаний на применение активного опроса со стороны экспериментатора; говорится лишь о том, что показания брались „возможно точные“ непосредственно после каждого опыта, при чем испытуемые не должны были ограничиваться описанием лишь одного главного периода [1]). Что же касается прочих работ Вюрцбургской лаборатории, а также исследования Бинэ, то хотя выспрашивание и не являлось в них необходимым условием каждого эксперимента, тем не менее активный опрос играл роль довольно значительную.

Так Бинэ, изучая, между прочим, роль образов в мыслительных процессах, прибегает, в целях лучшего уяснения и дополнения даваемой испытуемым картины переживаний, к постановке вопросов в весьма широкой степени. Весь процесс дачи показаний приобретает у него в очень многих случаях характер диалога между экспериментатором и испытуемым и притом диалога в достаточной мере длительного. Насколько это так, можно видеть из немногих примеров. Однажды, когда Бинэ предложил своей испытуемой Арманд слово „завтра“ с тем, чтобы она восприняла его и затем описала бы бывшее у нее в сознании, та отвечала: „сначала я без образов искала, какой это будет день и что мы будем делать. Я также думала, что это канун среды“. Для выяснения специально интересующего его вопроса, Бинэ задал испытуемой вопрос: „какие были образы“? Ответ: „у меня был очень неясный образ столовой. Но прежде всего это были мысли“. Опять вопрос: „скажи, что же это такое мысль“? Ответ: „это переводится словами и чувствами, это неопределенно (после размышления), это слишком трудно“. Экспериментатор: „Ну, смелее, об'ясни еще“!... и еще вопрос: „пользуешься ли ты словами для того, чтобы мыслить“?... [2]). И в других местах, на протяжении всей работы, показания испытуемых у Бинэ прерывались вопросами вроде „как был образ окрашен?“, „какое было различие между образами?“,

[1]) *K. Marbe.* Exper.-psych. Untersuchung über das Urteil. 1901, S. 16.
[2]) *Binet.* op. cit., p. 82.

„были ли они образами частными или общими?“, „чем вообще отличаются первые от вторых?“ и т. п. В случаях, когда испытуемые, по мнению экспериментатора, высказывали слишком мало, последний прибегал к понуждению вроде „voyons, du courage, explique encore!“ или просто: „dis encore“ [1]).

В целях достижения большей детальности интроспективного познания, Уотт также полагал возможным прибегать к соответствующему опрашиванию испытуемых [2]).

В тех же целях пользовался вопросами в своей большой работе и Мессер [3]). Вопросы эти вроде „что за этим следовало?“, „пережили ли вы еще что-либо?“, „было ли у вас что-нибудь зрительное?“ — представляются уже несколько более осторожными по сравнению с ставившимися у Бинэ. В них нет требований от испытуемых целого общего вывода об их переживаниях, равно как они не перемешиваются с прямыми понуждениями к дальнейшему рассказу о пережитом.

Активное выспрашивание у испытуемых также имело место и в наиболее радикальном по своим выводам экспериментальном исследовании К. Бюлера. Хотя Бюлер и говорит, что, чем более опытен испытуемый и чем лучше он сознает цель исследования, тем меньше нужды представляется в вмешательстве экспериментатора в даваемое ему описание, тем не менее вопросы оказываются необходимы в случаях, когда требуется получить какое-либо нужное раз'ясняющее высказывание или когда очевидно, что испытуемый относительно чего-либо просто забыл показать [4]).

В самой поздней по выходе в свет работе Вюрцбургской школы—работе Коффки, о применении активного опроса, хотя прямым образом и не говорится, однако, некоторые замечания в тексте не оставляют в этом сомнения [5]).

Таким образом, обобщая приведенные данные, мы можем сказать, что пользование активным опросом, наряду с

---

1) *Binet*, op. cit., p.p. 142, 143, 150 и др.

2) *Watt*. Exp. Beiträge zu einer Theorie des Denkens. Arch. f. d. g. Ps. B. IV, 1905, S. 289, цитирую по Тичнеру: „Lectures etc.“ p. 85.

3) *Messer*, op. cit., 12, 14 и др.

4) *K. Bühler*, Ueber Gedanken. Arch. f. d. g. Ps. B. IX, 1907, S. 308.

5) *Koffka*, Zur Analyse der Vorstellungen usw. 1912, S. 17—25, cp. S. 246.

получением показаний после каждого эксперимента, также является характеристикой Вюрцбургского метода [1]).

Полнота требуемого описания.

Что касается далее полноты требуемого от испытуемого описания, то таковое формулированное требование встречаем мы у Марбе, где „испытуемый—наблюдатель был вынужден переживать различные, становящиеся суждением, психические процессы, чтоб затем обстоятельно показать, какие сопровождающие переживания к ним присоединяются, чтоб сообщить им характер суждения“; при чем в своем показании не должен был ограничиваться описанием одного лишь главного периода, но сообщить и относительно всего бывшего в сознании у него и до пред‘явления раздражителя, в предварительный период [2]). Мессер в изложении своего метода говорит, что испытуемые тотчас после реагирования должны были дать описание всего, что они пережили от появления слова раздражителя до момента реагирования [3]).

Подобным же образом, описания всего переживания, однако (как и у Мессера) только лишь переживания главного периода, требует от своих испытуемых и Коффка [4]).

Что же касается Бинэ, то его испытуемые стремились показать прежде всего бывшие в их сознании образы или отметить их отсутствие, как вопрос, наиболее интересующий экспериментатора. О последнем обстоятельстве они не могли не знать уже потому, что после пред‘явления слова или фразы всегда почти следовал вопрос: „какие были образы?“ [5]) да и все прочие вопросы экспериментатора касались обычно только этого пункта. Подобным образом установившаяся селективность показаний испытуемых и об‘ясняет, едва ли не абсолютное, отсутствие в их высказываниях упоминаний об эмоциональных и волевых переживаниях. Поэтому, очевидно, что задачей испытуемых Бинэ было не полное

---

[1]) Поскольку по крайней мере мы имеем в виду центральные работы рассматриваемого направления.

[2]) *Marbe*, Exp.-psychol. Untersuch. über das Urteil. 1901, S. 15, 16.

[3]) *Messer*, op. cit., 12.

[4]) *K. Koffka*, Zur Analyse der Vorstellungen usw. S. 27.

[5]) *Binet*, op. cit., 81, 89 и др.

описание всего пережитого, но отмечание специально исследуемой роли представлений в процессах мысли.

Относительно Уотта, мы видели уже в предыдущей главе, что он пользовался парциальным методом и требовал от своих испытуемых прежде всего описания какой-либо одной фазы переживания. Штёрринг в своей работе о „сознавании правильности вывода", равно и в предшествующих исследованиях применяет парциальный метод, почему и его испытуемые в своих описаниях заботились, очевидно, не столько о действительной полной передаче всего бывшего во время протекания процесса в сознании, сколько об описании переживаний, специально связанных с этим моментом „сознавания правильности"[1]).

Бюлер полагает, что действительно исчерпывающая полнота описания является лишь недосягаемым идеалом. И не только в психологии, но и в естественных науках, где приходится наблюдать текучие процессы, как напр., в биологии. После одного наблюдения в микроскоп наблюдатель не сможет ответить на все вопросы, касающиеся протекшего явления, ибо внимание его в состоянии было схватить во время наличия процесса далеко не все его моменты. В еще большей степени, утверждение недостижимости полного описания только что наблюденного будет верно по отношению к интроспективному анализу. А раз фактически описать все пережитое испытуемый не в состоянии, то нерационально и требовать от него, чтобы он в каждом протоколе стремился сообщить все, что только может сказать о своем переживании, чтобы сделать только свое показание возможно полней. Такое требование,—по мнению Бюлера, помимо того, что загромоздит протокол лишним баластом само собою очевидного, необходимо побудит испытуемых, несмотря на самую добрую их волю, к схематизированию пережитого и к произвольному, заполняющему пробелы картины, реконструированию. Почему и лучше, если испытуемым будет предноситься не столько этот недосягаемый идеал исчерпывающей полноты передачи протекшего процесса, сколько другой идеал, именно—хорошо описать то, что они сейчас наилучше

[1]) *Störring*, Exp. u. psychopath. Unters. über d. Bewusstsein der Gültigkeit. Arch. f. d. gesamte Ps. 1909, B. XIV, S. 1—2.

и с наибольшей уверенностью сознают [1]). Для получения необходимых иногда при подобной инструкции пояснений и дополнений, как мы видели уже, Бюлер полагал возможным прибегать к вопросам.

Такова характеристика метода исследований Бинэ и вюрцбургских психологов с точки зрения полноты требуемого ими от своих испытуемых описания,—характеристика, отличающая, как мы ниже увидим, рассматриваемый Вюрцбургский метод от метода, предложенного Н. Ахом.

Критика метода вюрцбургских экспериментов В. Вундтом.

Вюрцбургский метод „экспериментирования без инструментов", с широким и планомерным пользованием интроспективными высказываниями многих испытуемых, подвергся резко отрицательной критике со стороны Вундта [2]).

В результате этой критики, Вундт пришел к принципиальному отрицанию возможности экспериментального интроспективного изучения процессов мысли. Тем самым им отвергалась и целесообразность систематического использования интроспективных знаний испытуемых в этой области. То, чем Вундт рекомендует заменить тщетные, на его взгляд, попытки эспериментального изучения психологии мышления—это вернуться к старому методу „чистого" т. е. единоличного и случайного самовосприятия, сочетая его данные с данными психологии народов.

Критические соображения Вундта затрагивают, на ряду с вопросами специальной методики экспериментального изучения мышления, много вопросов, имеющих важное общее значение для методологии использования интроспекции испытуемых вообще.

Прежде всего он отмечает уклонение методики рассматриваемых экспериментов от правила, приобретающего, по его мнению, общее признание. Именно: во всех психологических экспериментах стремятся поставить испытуемого в обстановку, наиболее приближающуюся к естественной, внелабораторной, для чего сам экспериментатор и по возможности аппараты помещаются в другую комнату, отдель-

[1]) *K. Bühler*, Ueber Gedanken. Arch. f. d. g. Ps. B IX, 1907, S. 307—308.
[2]) *W. Wundt*, Ueber Ausfrageexperimente und über die Methoden zur Psychologie des Denkens. 1907. Kleine Schriften, B. II, 1911.

ную от той, в которой находится испытуемый. Несоблюдение этого требования необходимо должно влечь нарушение нормальности переживания у испытуемого. И нарушение это будет тем большим, чем в большей мере требуется от испытуемого самонаблюдение. Обыденный опыт каждого может подтвердить, что разрешать мыслительные задачи лучше наедине, не являясь об'ектом направленного на тебя наблюдения посторонних. И если присутствие постороннего нарушает заметно течение процесса даже простой реакции различения, то совершенно очевидно, что подобное влияние должно значительно возрасти, когда испытуемый должен разрешать задачи неизмеримо более сложные. Когда же, помимо разрешения трудных мыслительных задач, от испытуемого требуется еще и самонаблюдать свои переживания в присутствии тут же находящегося, и с секундомером в руках ожидающего его показаний экспериментатора, нарушения естественности течения его переживания достигают максимума. Столь неблагоприятных для интроспектирования условий, как полагает Вундт, не бывало в старой методике самонаблюдения. Почему, как это может быть и ни странно, в новейших экспериментальных интроспективных исследованиях высших психических процессов мы имеем Selbstbeobachtungen unter erschwerenden Bedingungen!

Далее, Вундт останавливается на существенном пункте методики пользования интроспекцией. Именно: допустимо-ли ставить испытуемому вопросы касательно его переживаний и высказываний? Вопросы, предлагаемые экспериментатором испытуемому относительно переживаний последнего, как средство сделать даваемую показаниями самого испытуемого картину переживания более полной и понятной, по мнению Вундта, тоже должно отвергнуть. Опрос этот не может все равно сделать текучие и смутные образы памяти переживаний менее текучими. Между тем, задавая испытуемому вопрос, мы тем самым ему внушаем нечто. Подобное внушающее действие будет хотя бы в том, что мы направляем сознание суб'екта в определенную сторону, почему все прочее, что могло бы в нем всплыть, благодаря нашему вопросу, из сознания уже совсем уходит. Всякий вопрос уже сам, как таковой, есть влияние (Beeinflussung) на сознание того, у кого спрашивают. Здесь же при интроспективных показаниях,

когда испытуемый имеет дело в большинстве случаев с неотчетливыми и текучими образами памяти о переживаниях, внушить какие-либо изменения в подобных содержаниях является делом едва-ли не неизбежным. Стоит спросить относительно какого-либо переживания, как представление его уже появляется в сознании и легко может быть принято за действительно в главном периоде бывшее переживание. С таким внушением другому лицу—испытуемому—при применении вопросов в опыте сочетается еще и самовнушение у экспериментатора, ставящего вопросы. Ведь, прежде чем их поставить, он должен уже так или иначе представить себе определенную схему возможного переживания. Такая схема, будучи результатом просто предвзятости или какихлибо теоретических рассуждений, обусловливает формулировку его вопросов, а эта последняя в свою очередь легко оказывает на сознание испытуемого внушающее действие, заставляя полагать за действительно пережитое то, чего не было [1]). Применение же опроса и протоколирование после каждого эксперимента, как это имело место в вюрцбургских исследованиях, не только затрудняет нужную установку—навык испытуемых в изучаемом переживании, но согласно вышесказанного, вызывает всякого рода внушения, могущие влиять на протекание и всех последующих опытов [2]).

В предыдущем изложении мы видели уже, сколь существенное значение для успешности интроспекции имеет соответствующая установка внимания наблюдателя и возможность опознавания об'екта наличным. Оба эти фактора как раз и имеет далее в виду Вундт в выдвигаемых им правилах психологического эксперимента. Первое гласит, что „наблюдатель должен, по возможности, быть в состоянии сам определять наступление подлежащего наблюдению явления". Во втором говорится, что „наблюдатель должен, поскольку возможно, схватывать явления напряженным вниманием и прослеживать таким вниманием их в их протекании" [3]). И вот, прилагая правила эти, как критерии, к Вюрцбургским работам, Вундт приходит и с этой точки зрения к самому отри-

1) *Wundt*. Ueber Ausfrageexperimente usw. S. 280—285.

2) *Wundt*. Grundzüge der physiolog. Psych. III[6], S. 403—404.

3) *Wundt*. Ueber Ausfrageexperimente usw. S. 255.

цательному выводу, касательно их метода. Самонаблюдение испытуемых оказывается, по его мнению, в них поставленным в самые неблагоприятные условия.

Между тем, как раз уяснение интроспективной картины переживания, ведь, и было у самих исследователей единственной и главной целью!

Стоим мы здесь перед фактом банкротства интроспективного метода по отношению к раскрытию высших процессов психики вообще? или имеем просто пример неудачного его применения? а может быть критика оказывается слишком многого требующей?

Первое правило Вундта о том, чтоб испытуемый—наблюдатель сам был в состоянии определять начало процесса подлежащего его наблюдению, в рассматриваемых экспериментах мышления, очевидно, не соблюдено и, с точки зрения Вундта, не может быть соблюдено по самому существу дела. Наблюдатель может, конечно, быть подготовлен ко времени наступления раздражения соответствующим предварительным сигналом. Но Вундт в своем правиле имеет в виду не это: соблюдением его он хочет достигнуть внутренней подготовленности внимания, выражающейся в антиципировании того, что должно быть вниманием наблюдено. И вот подобная то подготовленность внимания наблюдателя в методике Вюрцбургских исследований оказывается, по существу дела, исключенной, поскольку предлагаемый экспериментатором вопрос является для испытуемого заранее неизвестным, непредвиденным, а потому, в полном смысле слова, „неожиданным происшествием". Как всякое неожиданное явление, вызываемый у испытуемого процесс мышления прежде всего должен порождать состояние изумления (Ueberraschung). Подобное же состояние, мешающее и при внешнем наблюдении, тем более губительным оказывается для наблюдения интроспективного. Чрезвычайно сложные переживания, которые испытуемый должен бы опознавать для последующего описания, застают его внимание совершенно врасплох.

Помимо чрезвычайно вредного влияния на самонаблюдение этого, исключающего подготовку внимания, обстоятельства, опознавание переживаний в их наличности и прослеживание их течения напряженным вниманием оказывается невозможным в рассматриваемом методе изучения мысли-

тельных процессов и в силу несовместимости требуемых им двух совершенно различных направлений внимания. С одной стороны, испытуемый должен быть всецело сосредоточен на трудном логическом содержании задачи, с другой, в то же время, он должен опознавать свои переживания ее. Подобное раздвоение направлений внимания требует на себя сама ставимая экспериментом логическая, мыслительная задача. Поэтому, в условиях Вюрцбургских экспериментов соблюдение второго правила оказывается „Das Aeusserste des Unmöglichen“ [1]). Трудность ставимой испытуемому мыслительной задачи, в глазах Бюлера являющаяся фактором благоприятным и потому сознательно им применяемая, с излагаемой точки зрения Вундта, оказывается едва-ли не наибольшим недостатком всей методики рассматриваемого направления, поскольку, вследствие несовместимости двух интенций, делает невозможным наблюдение переживаний в главном периоде. В последующем же периоде, по его воззрениям, нами не может вспоминаться более того, что было наблюдено или воспринято наличным. Отсюда успешность интроспективного познания испытуемых вообще всецело зависит от удачности их интроспектирования в предв. и главном периоде. И в своем ответе на возражение Бюлера [2]), указывавшего, что испытуемые должны были самонаблюдать и фактически самонаблюдали лишь в последующем периоде по отношению к образам памяти, почему о требовании от них „невозможного раздвоения внимания“ речи быть не может, Вундт иронически замечает, что хотел бы узнать, как вообще можно что-либо вспоминать, чего ранее не наблюдал? И фактически испытуемые не могли не стремиться самонаблюдать во время самого переживания. Они должны быть уже сверх-человеками, как полагает Вундт, чтобы совершенно забыть ту цель, какая и держит их в данную минуту здесь в лаборатории сидящими в качестве испытуемых—именно: интроспективно познать свои переживания и описать их. Такой возможности он не допускает, почему и утверждает решительно, что „одновременное внима-

[1]) *Wundt*. Ueber Ausfrageexperimente usw. S. 274—277.

[2]) *K. Bühler*. Antwort auf die von W. Wundt erhobenen Einwände. Arch. f. d. ges. Psych. B. XII, 1908. S. 99—101.

ние на логическое содержание вопросов, с одной стороны, и на отдельные слова и прочие сопровождающие представления, с другой, безусловно от испытуемых требовалось“, по крайней мере, фактически [1]). А раз так, то очевидно, что постановка трудных логических задач представляла для осуществления такого опознавания наличных переживаний лишь самые неблагоприятные условия.

Неполнота и недостоверность получаемых в таких условиях самонаблюдений могла-бы до известной степени компенсироваться повторением подлежащих наблюдению переживаний. Но, увы, и эта возможность оказывается в рассматриваемых экспериментах исключенной. Если под повторением понимать не повторение чисто внешней стороны постановки вопроса, а повторение одного и того же переживания, как об‘екта для нашего опознавания, то такое подлинное повторение является для Вюрцбургской методики невозможным. Здесь, опять таки по самому существу дела, каждый ставимый испытуемому вопрос должен быть совершенно новым. В противном случае мы будем вызывать переживание уже не мышления, но памяти. Таким образом, невыполненным остается и третье правило Вундта, гласящее, что „нужно, чтобы каждое наблюдение в целях подтверждения его данных можно было многократно повторять при одинаковых условиях“.

Последнее, четвертое правило, требующее возможности планомерного качественного и количественного изменения условий протекания изучаемого процесса, подобно трем предыдущим, в экспериментах мышления оказывается невыполненным и невыполнимым. Раз всякий ставимый экспериментатором испытуемому вопрос является для последнего по содержанию своему прежде всего порождающим изумление неожиданным происшествием, то, очевидно, все наши изменения формы и содержания вопросов, сколь-бы они сами по себе планомерны ни были, не будут планомерными изменениями переживаний испытуемого. Всегда возникающее здесь у последнего изумление делает сами переживания его независимыми от воли экспериментатора, а

---

[1]) W. *Wundt.* Kritische Nachlese zur Ausfragemethode. Arch. f. d. g. Ps. B. XI. S. 450—451.

следовательно и не могущими планомерно, по его плану, изменяться [1]). Прямым выводом из подобной критики и является признание Вюрцбургских экспериментов мышления лишь за quasi-эксперименты—„Scheinexperimente“, а применявшегося в них интроспективного метода за Selbstbeobachtungen unter erschwerenden Bedingungen.

Оценка Вундтовских возражений.

Рассмотрим, в какой мере выше отмеченные условия интроспекции действительно являются безусловно отягчающими и далее остановимся на оценке „экспериментальности“ методики новых исследований психологии высших мыслительных процессов.

О присутствии в той же комнате экспериментатора.

Как на фактор, чрезвычайно мешающий должным образом использовать в эксперименте интроспекцию испытуемых, указывалось прежде всего, как мы видели, на присутствие экспериментатора в одной комнате с испытуемым. Это присутствие тут же экспериментатора, вообще говоря, действительно может влиять нарушающим образом на естественность самочувствия испытуемого, а тем самым, следовательно, и существенно мешать успешности его интроспектирования. Поэтому едва-ли возможно согласиться с категорическим утверждением Бюлера, в его ответе Вундту, что присутствие (хотя бы и молчаливое) экспериментатора никем не может чувствоваться, как стеснение, и что Вундтовский тезис на этот счет всецело не соответствует действительности — thatsachenfremd [2]). Я, например, участвуя в качестве испытуемого в экспериментах, как раз аналогичных Бюлеровским, с несомненностью могу утверждать, что испытывал известную неловкость от сидящего рядом за тем же столом экспериментатора. И лишь экран, поставленный после между мною и экспериментатором и не позволявший нам видеть друг друга, уничтожил эту неловкость.

Поэтому отрицать возможность нарушения естественности переживания от присутствия экспериментатора нельзя. Но, конечно, наличие такого нарушения и степень его в каждом отдельном случае зависит от различных причин:

[1]) *Wundt.* Ueber Ausfrageexperimente usw. S. 277—279.

[2]) *K. Bühler.* Antwort auf die von Wundt erhobenen Einwände. Arch. f. d. g. Ps. B. XII. S. 98—99.

от личного отношения между испытуемым и экспериментатором и от трудности самой задачи и от настроения испытуемого. Наряду с таким, несомненно возможным, отрицательным влиянием присутствия экспериментатора—какие же положительные стороны оно имеет, чтобы оправдывать свое осуществление в том или ином экспериментальном исследовании? Чем вообще такое совмещение испытуемого и экспериментатора в одной комнате может вызываться? Прежде всего, оно является безусловно необходимым, когда имеется в виду понаблюдать за внешним поведением испытуемого во время опыта. Такое молчаливое наблюдение со стороны, рекомендуемое, напр. Грюнбаумом[1]), в некоторых случаях, действительно, может быть полезно. Данные такого наблюдения иногда могут служить дополнением к интроспективным показаниям испытуемого и даже давать критерии достоверности последних. Однако, поскольку испытуемый знает и замечает, что он является об'ектом наблюдения—отмеченные выше нарушения естественности, проистекающие от присутствия экспериментатора, возрастут здесь до максимума[2]). Рассматриваемое совмещение может вызываться далее необходимостью активного опроса испытуемых во время самой дачи ими показаний. При подобном диалогическом методе получения показаний наличность экспериментатора при испытуемом оказывается, очевидно, неизбежной. Это мы и видим как раз в Вюрцбургских экспериментах. В прочих случаях совмещение может вызываться какими-либо материально-техническими условиями. Но во всех случаях возможность вносимого присутствием экспериментатора нарушения естественности переживания испытуемого должна иметься нами в виду и всемерно устраняться. Как на хорошее и простое средство создать для испытуемого иллюзию отсутствия экспериментатора в комнате можно указать на пользование каким-либо экраном или занавеской, не позволяющими испытуемому видеть экспериментатора. Насколько мы можем судить по собственному опыту, нару-

---

1) *Grünbaum*. Ueber Abstraction der Gleichheit. Ar. f. d. g. Ps. B. XII. S. 354.

2) См. *Deuchler*. Beiträge zur Erforschung der Reactionsformen. Psychol. Studien, B. IV. S. 386.

шающее влияние присутствия экспериментатора может в таком случае легко вовсе устраняться.

Об активном опросе. Обратимся теперь к оценке другого важного условия получения показаний от испытуемых, на котором Вундт в своей критике экспериментов мышления также останавливается. Это—вопросы, задаваемые экспериментатором испытуемому относительно переживаний последнего. Следует ли безусловно и категорически отказаться от их применения, или же, напротив, они могут быть и необходимы и полезны, важно только умело ими пользоваться? В чем тогда состоит это уменье?

Обычно активным выспрашиванием испытуемого стремятся, во-первых, сделать рисуемую им картину протекшего переживания более полной; получить высказывания, касающиеся специально интересующего нас момента или вообще момента в процессе, относительно коего весьма вероятно предположить, что испытуемый просто забыл дать показание. Здесь должно иметь еще в виду, что испытуемые в силу тех или иных своих соображений могут признать какие-либо переживания за не относящиеся к делу, почему сами ничего и не покажут о них [1]). Далее, во-вторых, к вопросам бывает нужно прибегать, чтобы сделать понятным для нас смысл того или иного употребленного испытуемым термина или целого выражения. Очевидно, что самый прямой путь для раскрытия смысла высказанного и будет спрашивание об этом самого испытуемого. Нужность такого спрашивания еще больше возрастает в случаях, когда испытуемый не стеснен определенными терминами описания, а может описывать пережитое в каких угодно выражениях, пользуясь и образами и сравнениями [2]). Наконец, в третьих, спрашивание может служить средством известной поверки самопроизвольных высказываний. Так, напр., если испытуемый утверждает, что совершенно ясно представил себе какое-либо слово, можно

---

[1]) На это действительное обстоятельство, как на одну из причин неизбежности постановки испытуемым вопросов указывает, напр., *Otto Schultze*, Einige Hauptgesichtspunkte der Beschreibung usw. Arch. f. d. g. Ps. B. VIII. 1906. S. 251.

[2]) Так дело обстояло, напр., у Бюлера.

и полезно задать ему вопрос—в каком шрифте, напечатанном или написанном, он его видел?

„Постановка контролирующих вопросов подобного рода нередко является безусловно необходимой“, пишет на этот счет столь осторожный исследователь, как Мюллер [1]).

Однако, наряду с таким, как совершенно очевидно, полезным значением активного опроса возможным оказывается и другое его влияние, уже несомненно, весьма отрицательное. Это—внушение. Задавая испытуемым вопросы, мы так или иначе внушаем им нечто. Подобное внушающее влияние вопросов некоторым психологам, как, напр., Вундту, и представляется столь безусловным, что они категорически отвергают какое бы то ни было спрашивание испытуемых о пережитом ими, считая нужным ограничиваться исключительно тем, что испытуемые сами высказывают. Ибо всякий вопрос есть уже внушение.

Нам кажется, что для решения вопроса о внушающем влиянии активного опроса должно иметь в виду раздельно два возможных влияния внушения. Внушение может быть внушением переживания. В этом случае мы будем иметь внедрение в сознание испытуемого какого-либо представления, чувства и т. д. в качестве якобы бывшего у него в главном периоде, между тем как в действительности его тогда не было. Но внушение может быть и внушением направления внимания. И тогда оно окажется простым обращением внимания испытуемого на тот или иной момент или период переживания, без ближайшего материального определения самого этого момента или периода. Внушение последнего рода мы будем иметь, задавая испытуемому после эксперимента вопрос: „что было у вас в сознании перед появлением предварительного сигнала?“ что очевидно определит направление его внимания в последующих экспериментах. Как видно из этого примера, мы своим спрашиванием породили у испытуемого не какое-либо определенное, ранее не бывшее у него, переживание, характеризующее изучаемый процесс, но лишь особое новое ему „задание“ для интроспектирования. Существенно заметить, что не-

---

[1]) *G. Müller.* Zur Analyse der Gedächtnisstätigkeit usw. B. I, S. 90—91.

зависимо от нашего активного опроса то или иное „задание“ для интроспективного обращения внимания у испытуемого в ходе экспериментирования все равно вырабатывается, помимо нашей воли, как известное установившееся направление внимания [1]). Деятельность такого установившегося интроспективного направления внимания может, при известных условиях, оказывать на течение переживания, а, следовательно, и на содержание показаний и „уклоняющее“ влияние. Однако, подобное вредное действие будет обусловливаться уже не нашим опросом, а самым сознаванием испытуемым нужности последующего интроспективного описания, раз та или иная установка внимания вообще впервые обусловливается не вопросами, которые мы испытуемому ставим. Поэтому существующей „неестественности“ процесса мы во всяком случае можем вопросами не увеличить, поскольку будем пользоваться ими, как указателем нужного направления для внимания испытуемого [2]). Между тем, направляя путем вопроса внимание испытуемого на особо нас интересующие моменты переживания или те моменты его, которые,—по тем или иным причинам, самим испытуемым не были описаны—мы получаем полную возможность доводить самопроизвольно даваемую испытуемым картину переживания, более или менее, до желаемой нами степени полноты, равно как и получать раз'яснения даваемых высказываний. А в этом и есть как раз главная цель постановки испытуемым дополнительных вопросов.

Если, таким образом, теоретически рассуждая, мы видим, что вопросы отнюдь не необходимо должны оказывать вредное внушающее влияние, но, в иных случаях, напротив, являются лишь полезным орудием в руках экспериментатора, дающим последнему возможность достигать большей полноты и понятности в описаниях испытуемых,—то пользование ими на практике все же весьма часто может оказаться фактором вредным и внушающим. И здесь в большей мере

---

[1]) *Otto Schultze*. Einige Hauptgesichtspunkte usw. Arch. f. d. g. Ps. B. VIII. S. 252—253. *G. Müller*, op. cit. S. 124.

[2]) Такой ролью ограничивает правомерность применения активного опроса, напр., *Michotte*. La „methode d' introspection“. Revue Neo-Scolastique, № 4, 1906, p 524—525.

будет делом психологического чутья экспериментатора так поставить испытуемому вопрос, чтобы в сознание этого последнего не внедрилось какое-либо новое представление в качестве ранее бывшего или, обратно, не создалось бы отрицательного суждения относительно существования какого-либо переживания, действительно ранее имевшего место и т. п.

Поскольку здесь можно говорить об определенных предписаниях, которые должен соблюдать всякий экспериментатор, то должно заметить следующее. Во-1-х, как уже ранее отмечено, вопросы должны стремиться, по возможности, быть лишь указателями для направления внимания испытуемого. Как такие они должны выражать желание подробней узнать относительно отдельных временных моментов и быть подобными таким вопросам как: „что было в сознании до предварительного сигнала?“, „было ль в сознании что-либо одновременно с таким то описанным вами переживанием и что, если было?“ и т. п. В подобной формулировке, очевидно, не заключается никакого навязывания испытуемому какого-либо ожидаемого определенного ответа.

Когда нам оказывается нужным получить от испытуемого высказывание о каком-либо определенном переживании, обойденном им молчанием—мы имеем наиболее опасное, в смысле возможности внушения, положение, и нам следует формулировать вопрос вроде того, как: „было-ль у вас переживание X, отсутствовало-ль оно, или вы колебались бы дать на этот вопрос тот или иной определенный ответ?“ В такой общей форме высказанный вопрос наш будет наименее способен внушить ложный ответ.

Здесь уместно и необходимо нужно заметить, что, наряду с формой и содержанием задаваемого вопроса, огромное значение—в смысле его внушающего действия—имеет тот тон, та интонация, коим он задается, равно как и вся личность спрашивающего [1]). Поэтому важно, чтобы вопросы ставились ровным, безразличным тоном, без какого-либо подчеркивания отдельных, могущих определять ответ, возможностей.

[1]) Об этом см. *Ad. Stöhr*. Psychologie der Aussage. Berlin 1911, S. 56 ff.

Сюда же должно отнести и, особенно подчеркиваемое Мюллером [1]), требование, чтобы вопросы предлагались испытуемому так, чтоб этот последний не видел в них побуждения необходимо дать ответ, но мог бы и воздержаться. В противном случае, внушение и самовнушение у испытуемого является в высшей степени вероятным. Для избежания чего полезно формулировать начало вопроса словами: „может быть, вы можете вспомнить...“ или „если вы в состоянии ответить...“ и т. п. [2]).

Наконец, чтобы совершенно исключить всякую возможность извращения спонтанно испытуемым даваемой картины переживания какими-либо внушениями, могущими проистекать от активного опроса—последний в нужных случаях можно производить уже после того, как испытуемый сам даст нам описание процесса. Тогда, очевидно, то, что мы узнали бы от испытуемого, не прибегая к спрашиванию, применением такого опроса, во всяком случае, останется незатронутым. Итак, в итоге изложенного, нам кажется, что, с одной стороны, опыт говорит за нужность и порою даже необходимость вопросов—с другой же, мы видели, что вопросы, хотя и являются сами по себе довольно опасным инструментом анализа, тем не менее, возможный вред от них при умелом пользовании может быть избегнут вовсе или сведен до минимума. Почему мы и не можем признать правильным категорическое исключение вопросов из числа дозволительных средств психологического исследования. Закрепление психологической терминологии, опытность и тренировка испытуемых в интроспектировании будут делать, сами собою, необходимость применения активного опроса в будущем все меньшей.

О частоте требуемых высказываний. Что касается частоты требуемых высказываний, то отобрание интроспективных показаний от испытуемых после каждого эксперимента в работах Вюрцбургской школы представляется правильным, если принять в расчет самую постановку и цель ее исследований. Что опасность внушения и самовнушения у испыту-

1) *G. Müller*, op. cit. S. 122.

2) Вспомним, сколь далеко от соблюдения такого требования Мюллера стоит методика, напр., Бинэ, см. выше.

емых при отобрании показаний после каждого опыта возрастает, это, конечно, верно. Однако,—с этим можно бороться предварением испытуемых о таковой возможной опасности, дабы сделать их более осмотрительными, и требованием, чтоб они показывали лишь то, в чем твердо уверены. Согласно сказанному выше, внушающее действие активного опроса можно небезуспешно стремиться свести до минимума.

Заменять же показания после каждого раза показаниями после отдельных серий опытов совершенно нельзя в условиях изучения процессов мышления уже потому, что в таком случае не только теряются интересные индивидуальные случаи, но и возникает новая, еще большая опасность схематизации и логизации испытуемым картины его переживания.

О выполненности в экспериментах мышления 4-х правил научного экспериментирования.

Перейдем к дальнейшей оценке положений Вундта. Действительно ли Вюрцбургский метод интроспективного изучения психологии мышления совершенно не осуществляет тех требований, каковые должны ставиться научному экспериментальному наблюдению? В какой мере в этом методе не соблюдена и не может быть соблюдена приуготовленность внимания испытуемого, нужная для успешного интроспективного опознавания? В какой мере не осуществлено и не может быть осуществимо в них опознавание наличных переживаний? Наконец, оказываемся ли мы здесь в состоянии повторять и планомерно варьировать наблюдаемое содержание? Вундт отвечает, как видели, на все эти вопросы решительным отрицанием.

Напр., касательно полного отсутствия у испытуемых подготовленности внимания и обусловливаемого этим изумления их при появлении раздражителя. Так ли действительно обстояло и должно было необходимо обстоять дело? Нам этого совсем не кажется. Ведь, тот факт, что испытуемые в экспериментах мышления не знают точно содержания вопроса, который должен быть им пред‘явлен, не исключает еще того, что их внимание, в той или иной мере, будет все же подготовлено к появлению этого вопроса. Антиципирование совершенно точно того, что должно явиться об‘ектом последующего наблюдения, не имеет места ни в одном психологическом эксперименте. Мы всегда знаем лишь

приблизительно переживания, долженствующие у нас после предварительного сигнала наступить. Это верно в большей мере даже и для области ощущений, где суб'ективная, качественная характеристика во всех экспериментах не остается все-ж стереотипной; тем более верно это по отношению к экспериментальным интроспективным исследованиям памяти, сложных реакций и чувств,—в тахистоскопических опытах, наконец, где испытуемый, конечно, не может знать точно тех переживаний, которые вызовет пред'явление раздражителя. И, тем не менее, сам Вундт не отрицает полезности в таких экспериментах предварительного сигнала. Т. е. не отрицает, следовательно, возможности того, что внимание может антиципировать об'ект в общем, не индивидуально определенном его образе. Почему же не признавать тогда подобной возможности и в рассматриваемой методике экспериментов мышления? Большая сложность переживаний здесь [1]) не может создавать для этих экспериментов вполне исключительного положения.

Во всех психологических экспериментах экспериментально порождаемые переживания оказываются для испытуемого точно не предвидимыми, а потому, до известной степени, „неожиданными“ и, тем не менее, благодаря приблизительной известности этих переживаний, внимание наблюдателя не застается врасплох и не порождает обычно изумления и растерянности, как то рисует Вундт. И это потому, что возникающее в таких случаях у испытуемых ожидание, хотя бы и чего-нибудь не вполне определенного, все же создает известную апперципирующую массу [2]). Поэтому мы вполне присоединяемся к мнению на этот счет Бюлера [3]), справедливо отвечавшего Вундту, что, хотя его испытуемые и не могли знать специального содержания каждого предлагавшегося им вопроса, они знали „общее положение переживаний вопросов“ — allgemeinen Habitus der Fragen, и этого было достаточно, чтобы при каждом появле-

[1]) Утверждаемая к тому же, собственно, „на глаз“. Например, в сопоставлении с сложностью переживаний в процессе сложного реагирования, переживание мысли может легко оказаться и менее сложным.

[2]) См. приведенное в предшествующей главе мнение на этот счет *Бенно Эрдманна*.

[3]) *K. Bühler*. Antwort auf die von Wundt usw. S. 97—98.

нии раздражителя не рождалось изумления. Приблизительное содержание, структура и форма вопроса уже создавали известную установку внимания на род, каковая делала каждый индивидуальный вопрос уже не неожиданным [1]).

И что касается фактического состояния Бюлеровских испытуемых во время экспериментов мышления, то мы, опять таки, согласимся с Бюлером в том, что это вопрос чисто эмпирический и не может решаться теоретическими экспериментами за письменным столом („Schreibtischexperimente"), как то делает Вундт. Показания же самих испытуемых говорят за отсутствие у них, в ходе исследования, какой-либо спешности и смущения от присутствия экспериментатора, равно как и, захватывающего все переживание, изумления от неожиданного вопроса, как то хочет утверждать Вундт.

В своем контр-возражении Бюлеру [2]) Вундт стремится показать, что последний напрасно представляет его утверждения выводами из „экспериментов" лишь „письменного стола" и всю Лейпцигскую лабораторию рисует себе, видимо, как собрание письменных столов, за коими сидят исследователи и строят свои положения. Необходимость признания у испытуемых Бюлера состояния изумления от предложения неожиданных вопросов обосновывается для Вундта об'ективными данными ранее произведенных исследований. Именно: об'ективные симптомы чувств и аффектов, в виде кривых пульса и дыхания, говорят за то, что „буквально всякий вопрос испытуемому, который хоть сколько-нибудь требует его внимания, сопровождается симптомами изумления". Но на это можно возразить, что едва ли вообще возможно об'ективными кривыми, полученными к тому же совсем в иных экспериментах, опровергнуть прямое утверждение непосредственно пережившего все оцениваемые условия лица. Эти же высказывания в данном случае положительно утверждают, что переживание было вполне естественным [3]).

---

1) См. сказанное в гл. 5-й по поводу предварительного сигнала. Ср. также мнение *Benno Erdmann*'а (Zur Theorie der Beobachtung, loc. cit.).

2) *Wundt*. Kritische Nachlese usw. Arch. f. d. g. Ps. XI. 446—450.

3) *Bühler*. Antwort usw. S. 94—95. Также см. замечания Dürr'а, бывшего у Бюлера испытуемым (Ueber die exper. Unters. der Denkvorgänge. Zeitschrift f. Psych. B. 49. 1908. S. 334—335).

Итак, отклоняя деструктивное значение первого Вундтовского возражения, мы можем признать, что „метод выспрашивания“ не исключает необходимо известной, нужной подготовленности внимания у испытуемых, равно как и не порождает у последних необходимо нарушающих переживание эмоций изумления. Повторение и варьирование условий переживания в „методе выспрашивания“ также оказывается соблюденным, по крайней мере, поскольку это представляется возможным вообще по отношению к психическим процессам. Что касается повторения переживания мысли, то оно вовсе не должно быть полным тождеством двух переживаний. Этого быть и не может, да это и не необходимо нужно. „Тождество, которое требуется для повторения наблюдения,—справедливо пишет Бюлер [1]),—должно быть, очевидно, равенством лишь служащей предметом наблюдения стороны процесса“. Необходима лишь однородность в исследуемом отношении. Так, если мы исследуем ассоциацию по рифме и раз имеем связь „дом—лом“, то для нас повторением переживания будет являться ассоциация „море—горе“, хотя здесь имеется не тождество, а лишь сходство в отношении созвучности. Тоже самое следует сказать и относительно повторения переживаний мысли. Они могут быть повторяемы, поскольку мы легко можем порождать у испытуемого мысль, по содержанию своему всегда новую, но выражающую одно и то же отношение— напр., сходства, подчинения, следствия и т. п.

Эта же возможность по произволу предлагать испытуемым мысли, выражающие различные отношения, равно как и возможность инструкцией определять род умственной деятельности испытуемых над пред‘являемыми ему словами-раздражителями (напр., то установить сходство, то найти родовое понятие, то оценить суждение с точки зрения приемлемости его для себя и т. п.),—заставляют нас положительно ответить и на вопрос относительно осуществимости в рассматриваемых экспериментах четвертого Вундтовского правила - именно варьирования условий [2]). Тем более, что мы откло-

[1]) *Bühler.* Antwort usw. S. 107—108; см. то же у *Мишотта* (La „methode d' introspection“, Revue Neo-Scolastique, № 4. 1907. p. 528).

[2]) *Bühler.* Antwort usw. S. 103—107.

нили необходимость изумления, как фактора вносящего в переживания испытуемых полное нарушение и порождающего полную непредвидимость этих переживаний для экспериментатора.

Что касается, наконец, возможности для испытуемого Вюрцбургских экспериментов опознавать переживания в их наличности в предв. и главном периоде, то Вундт прав,— если не в признании такого опознавания за „предел невозможного“, то в признании его за дело, во всяком случае, для испытуемых крайне затрудненное характером самой ставимой им задачи. Вынуждаемые мыслить логический смысл умственной задачи, мы не можем в то же время опознавать наши переживания этого смысла. В этом, как мы старались показать в главе 4-й, и состоит имманентная существу интроспекции трудность, отрицать которую нельзя. Но обнаруживается ли она специально и исключительно в методике Вюрцбургской лаборатории—во 1-х), и делает ли она интроспективное, экспериментальное исследование мышления невозможным совершенно — во 2-х)? Если мы припомним то, что говорилось выше, в главах 4-й и 5-й, мы должны будем ответить на оба вопроса отрицательно. Трудность опознавать переживания наличными присуща всей области интроспективного исследования суб'ективных элементов сознания, как таких, само существование коих обусловливается нашим интендированием трансцендентных им предметов. Поэтому прямое наблюдение, которое требуется вторым правилом Вундта, не приложимое ко всей области суб'ективных элементов сознания,—не может оказаться выполненным и в Вюрцбургском „методе выспрашивания“.

Возможность и необходимость экспериментального изучения психологии мышления с систематическим использованием интроспекции испытуемых.

Но выход из такого положения, указываемый Вундтом — именно: оставить экспериментальное исследование мышления и обратиться к „чистому самонаблюдению“ и данным психологии народов [1]), отнюдь не кажется для нас приемлемым. Да он и не последователен! Данные психологии народов понимаются лишь через их интерпретацию данными личного интроспективного познания. Но мы не видим никаких осно-

[1]) *Wundt*. Ueber Ausfrageexperimente usw. S. 285—301.

ваний, почему случайные, разрозненные самонаблюдения отдельных лиц могли бы легче осуществляться и быть более достоверными, чем самонаблюдения испытуемых в экспериментальной обстановке [1]). Все трудности для интроспектирования, которые до известной степени верно отмечал Вундт в постановке экспериментов мышления, обязаны своим существованием, как мы старались показать, не столько самой „экспериментальности" этой обстановки, сколько тому, что подлежащие опознаванию переживания суть субʻективные элементы сознания. А раз дело обстоит так, то главная трудность — трудность опознавания переживаний в их наличности сохранится и во внелабораторной обстановке „чистого самонаблюдения". Но к ней прибавятся лишь легкая возможность самовнушения, безконтрольность результатов и несравнимость их у различных субʻектов.

Как справедливо замечает К. Марбе [2]), пользуясь для построения психологии мышления лишь „чистым самонаблюдением", т. е. случайными самовосприятиями в обыденной жизни и „мысленным экспериментированием", мы как на конечный аргумент сможем ссылаться лишь на простое свое личное утверждение того, что переживание всегда протекает именно так, как мы это рисуем. У каждого ученого создается таким путем та Behauptungsmethode, которая совершенно исключает возможность какого бы то ни было оспаривания и обсуждения предлагаемых построений. Лишь экспериментальное исследование с использованием показаний многих испытуемых может давать нам почву для такой оценки теорий—как например, скажем, теорий суждения Вундта или Зигварта.

Вюрцбургский „метод выспрашивания" не дает, конечно, возможности количественного, планомерного варьирования условий. Равным образом и вообще экспериментатор в нем не является в такой мере господином всего происходящего в сознании испытуемого, как это имеет место в психофизике, ибо здесь изучаемое переживание испытуемого оказывается

[1]) См. *Bühler.* Antwort usw. S. 111—112.

[2]) *K. Marbe.* Wundts Stellung zu meiner Theorie der stroboskopischen Erscheinungen und zur systematischen Selbstwahrnehmung. Zeitschr. für Psych. B. 46. 1908. S. 356—357.

в его воле в значительной меньшей мере, чем в тех же психофизических экспериментах, где психический процесс почти всецело определяется раздражением. Не прямая и не однозначная, вследствие этого, связь переживания с раздражением в экспериментах мышления не позволяет нам отождествлять эти эксперименты с экспериментами в вполне строгом смысле слова [1]).

Тем не менее, это есть все же эксперименты. Почему и условия для научно достоверного познания даны в них все же в гораздо большей степени, чем в „чистом“, т. е. случайном самонаблюдении.

Метод Н. Аха.

В методе Н. Аха [2]) мы сталкиваемся с дальнейшим шагом вперед на пути придания интроспективному методу исследования большей систематичности и планомерности в смысле освобождения его данных от влияния личных и случайных обстоятельств.

Эксперименталь-ность метода Аха.

Достижению большей об'ективности данных способствует прежде всего более строгое, чем это мы видели в работах Вюрцбургских психологов, осуществление последнего, четвертого Вундтовского правила. Именно, в своем исследовании волевого акта Ах, наряду с качественным варьированием условий переживания, вводит и количественное их варьирование путем создания ассоциаций различных степеней прочности для преодоления их нашей волей. Сам Ах [3]) настаивает на том, что в его работе соблюдены и прочие три правила научного экспериментирования, в том числе и второе, требующее, чтоб „наблюдатель схватывал явления в состоянии напряженного внимания и прослеживал бы с таковым вниманием их течение“. С последним утверждением Аха касательно 2-го правила Вундта мы никак согласиться не можем, поскольку считаем это правило вообще невыполнимым при интроспективном изучении суб'ективных элементов сознания.

---

[1]) См. *Г. И. Челпанов.* Об экспериментальном методе в психологии. „Новые идеи в философии“, Сб. № 9. стр. 36—37.

[2]) *N. Ach.* Willenstätigkeit und das Denken. 1905; Willensakt und das Temperament. 1910; Ueber den Willensakt 1911.

[3]) *Ach.* W. и T. S. 11—14.

чувства, волевые процессы, мышление тотчас бы распались как только бы мы попытались сконцентрировать наше внимание на характеризующих их самих переживаниях. Между тем, Вундт под „явлениями", которые должны быть „прослеживаемы с напряженным вниманием", понимает именно то, что является об'ектом подлежащим нашему изучению. А, как мы могли уже видеть, этим об'ектом в психологическом интроспективном описании являются переживания, но не те, не носящие индивидуального характера „смыслы" и „предметы", которые мы имеем всегда в виду в обычной, обыденной установке нашего сознания [1]).

Поэтому второе правило, требующее прямого наблюдения

---

[1]) Обратную нашей интерпретацию Вундтовскому правилу дает *Dürr* (Ueber die exp. Unters. d. Denkvorgänge. Zeitschr. f. Ps. B. 49, S. 333), который, справедливо различая два отличных направления внимания, как внимание на психические предметы—об'екты внутреннего восприятия и внимание на непсихические предметы, полагает, что Вундт в своем правиле имел в виду именно последнее направление внимания — на непсихические предметы или „смыслы". Раз так, то несомненно, что второе правило оказывается выполнимым и выполненным в современных исследованиях высших психических процессов.

Однако подобное понимание смысла Вундтовского требования на наш взгляд не верно. Помимо того, что не должно забывать, что Вундт, несомненно, постоянно имел ввиду аналогию с естественно-научным экспериментальным наблюдением—а там внимание требуется именно к тому, что затем должно быть описано,—и прямые указания самого Вундта не допускают предложенного Дюрром толкования.

В Kritische Nachlese zur Ausfragenmethode (Arch. f. d. g. Ps. B. XI, S. 450—451) Вундт настаивает на не выполненности в работе Бюлера его второго правила, поскольку здесь „сам поставленный вопрос требовал крайней концентрации внимания", и поскольку от испытуемых здесь требовалось таким образом „одновременное внимание и на логическое содержание (logischen Inhalt dieser Fragen) и на отдельные слова и прочие сопутствующие представления". Если бы, как то рисуется Дюрру, Вундт в своем втором правиле требовал внимания на не психические предметы, т. е. на „смыслы" или логические содержания, то едва ли бы он мог упрекать Бюлера в том, что эти логические содержания вопросов привлекают слишком в большой степени внимание испытуемых. Это было бы тогда лишь осуществлением его пожеланий. Но тогда-б становилось совершенно непонятно, о каком неосуществимом Verdoppelung der Persönlichkeit для Вундта может быть речь, о чем он, однако, в связи с невыполнимостью своего второго правила в Вюрцбургских экспериментах, определенно говорит (Ueber Ausfrageexperimente usw. Kleine Schrift. II. S. 276—277).

испытуемым переживаний, не выполнено, конечно. и у Н. Аха. Тем не менее большая изолированность исследуемого процесса, вместе с введением количественного изменения условий его протекания, заставляет нас констатировать в его исследованиях уже более строго экспериментальную обстановку, чем это мы видели в работах Вюрцбургских исследователей и Бинэ.

Систематичность получения показаний.

Там, где результаты даются прежде всего интроспективными высказываниями испытуемых, а не независимыми от их воли об'ективными данными, наряду с возможностью экспериментального вызывания и видоизменения изучаемого переживания, для об'ективности результатов чрезвычайное значение приобретает и то, как испытуемые будут давать свои показания. На этот то момент, специально занимающий нас в этой главе, и обратил особое внимание в своей методике Н. Ах.

„Мы стремимся, пишет он [1]), сделать и суб'ективный метод самонаблюдения, по крайней мере, настолько об'ективным, чтобы в нем по возможности не имел места произвольный и не контролируемый подход (Behandlung) к исследуемой области, как со стороны испытуемого, так и со стороны экспериментатора. Достичь этого можно лишь описанием и протоколированием всего переживания от появления сигнала до конца эксперимента“.

Действительно, поскольку испытуемый описывает лишь то, что сам считает важным или что считает таковым экспериментатор—данные исследования не могут быть для нас обязательны, ибо мы всегда можем признать их за произвольно сконструированную картину переживания, не учитывающую, может быть, многих иных важных характеристик его.

Чтоб давать научные, общеобязательные результаты, самонаблюдение испытуемых должно использоваться „упорядоченным, доступным контролю образом, т. е. быть систематическим“ [2]). Под „систематичностью“ самонаблюдения Ах и понимает такое его применение, которое давало бы возможность проверки результатов и по возможности бы не зависело от неучитываемых, случайных

---

[1]) *N. Ach.* W. и D. 14.

[2]) *N. Ach.* Ueber den Willensakt, S. 17.

обстоятельств [1]). На пути к подобному систематическому использованию интроспекции были, как мы видели уже, и Вюрцбургские исследователи, требуя от своих испытуемых показаний после каждого опыта и уясняя и дополняя эти показания путем вопросов. Но Н. Ах идет дальше их и, как существенное условие научной значимости интроспективных выводов относительно психологии высших психических процессов, выставляет требование полноты описания всего пережитого испытуемым от предварительного сигнала до окончания эксперимента, включая таким образом и предварительный период.

Отличие от методов Бинэ и Вюрцбургской школы.

У Бинэ и большинства Вюрцбургских психологов такое требование вовсе отсутствовало (Бине, Штёрринг, Бюлер, Мессер, Коффка), у других же (Марбе) оно, хотя и высказано, однако, насколько можно судить по приводимым ими протоколам, испытуемыми вовсе не имелось в виду при даче показаний [2]).

Поэтому Н. Ах, ставя в качестве существенной характеристики предлагаемого им метода „систематического экспериментального самонаблюдения“, требование возможно полного описания всего бывшего в сознании, без какого бы то ни было выбора между важным и не важным и притом требуя описания не только главного периода, но и предварительного, прав, когда настаивает на отличности своего метода от метода Бинэ и Вюрцбургской школы [4]). В „систематическом экспериментальном самонаблюдении“ Аха мы имеем, таким образом, метод в наибольшей мере использующий интроспекцию испытуемых.

---

[1]) *Ach.* W. и D. 13—14.

[2]) О предварит. периоде, как правило, *Мессер* показаний не требовал, см. стр. 12 его работы и приводимые протоколы.

[3]) *Marbe.* Exp. psych. Untersuchungen über das Urteil см. показания на стр. 17—19, 21, 30—31, 37, где испытуемые ничего не говорят о переживаниях предварительного периода, также см. стр. 29 и др. откуда явствует, что испытуемые *Марбе* и вообще не стремились к показанию всего, что только было в сознании.

[4]) *Ach.* W. и T., S. 18... Von jenen Versuchen... unterscheiden sich die meinigen von Anfang an prinzipiel dadurch, dass sie darauf ausgingen, eine möglichst vollständige Beschreibung zu erlangen, die alle, auch die unscheinbarsten Erlebnisse enthielt....

Полнота описания требуемая Ахом. Первая цель, которую преследует своим методом А х, это, как сказано, достижение описания более или менее об'ективного, в смысле независимости от благоусмотрения и произвола испытуемого. И эта цель, по его мнению, может быть достигнута лишь в том случае, когда испытуемый без всякого отбора существенного на его взгляд от несущественного, ставит себе задачею, возможно исчерпывающим образом, описать все персеверирующие переживания. В таком случае, с повторением экспериментов, раз уже описанные переживания все менее требуют к себе внимания, каковое переходит уже на другие, ранее не описанные, части персеверирующего комплекса, и описание таким образом само собою становится все более и более исчерпывающим. В этом и состоит тот „планомерный анализ" переживания в последующем периоде, о котором говорит А х [1]).

Во-вторых, требование полного описания всего переживания способствует тому, что испытуемый не знает и не имеет оснований предполагать, какой вопрос составляет специальный интерес исследования. Такая же неизвестность испытуемому истинной задачи эксперимента является фактором, конечно, положительным, поскольку удерживает его от построения разного рода гипотетических ответов, легко могущих повести к самовнушению.

Роль активного опроса. Однако, для того, чтобы намеченный идеал исчерпывающего анализа был достигнут, необходимым оказывается прибегать к активному опросу испытуемых, к постановке им вопросов касательно пережитого. Сколь большую роль в использовании интроспекции испытуемых играли у Аха вопросы, можно судить хотя бы из того, что сам он говорит, что каждый раз в последующем периоде, при даче испытуемыми показаний между наблюдающим испытуемым и протоколирующим экспериментатором [2]) имеет место длительный, тесный обмен мыслей.

Но, очевидно, что предоставив экспериментатору предлагать испытуемому вопросы, мы даем ему легкую возможность проявить свое благоусмотрение и произвол и тем сообщить

---

[1]) *Ach.* W. и D., 13—19.

[2]) *Ach.* W. и D., 8.

конечной картине переживания отпечаток своего неучитываемого, суб'ективного влияния. Поэтому следует по возможности устранить и его произвол. Это, по Аху, и достигается опять таки тем, что экспериментатор должен своими вопросами стремиться не к выделению тех или иных отдельных сторон переживания, но к возможно исчерпывающей полноте всей картины. Вместе с тем вопросы являются необходимым средством для установления соответствий между словесными обозначениями и переживаниями, равно как и между различными, употребляемыми испытуемым терминами.

Значение экспериментатора, ведущего весь анализ путем постановки нужных вопросов, становится таким образом в рассматриваемом методе первостепенно важным. Он должен во время и умело опросить испытуемого так, чтобы, не внушая ему ничего, вскрыть подлинный смысл его выражений или заставить высказаться о том или ином, не описанном еще моменте переживания. Вопросы должны быть, конечно, формулированы самым осторожным и ничего не предвосхищающим образом. Они должны касаться преимущественно временной последовательности, как напр., „что было перед этим состоянием?“ „что было между этими двумя переживаниями?“ и т. д. или быть вообще неопределенны и общи, как: „какие признаки носит этот процесс?“ „одинаков ли он с предыдущим“ и т. п. При этом вопросы не должны вынуждать необходимо давать на них ответ [1]). Наконец, как неоднократно справедливо подчеркивает Ах, необходимость вопросов вызывается лишь недостаточной тренированностью испытуемых в интроспектировании и неустойчивостью психологической терминологии. Прогресс в этих двух отношениях будет делать активный опрос все менее и менее нужным. Успешность такого опроса в большей мере зависит от того, насколько экспериментатору удается, так сказать, об'ек-

[1]) *Ach.* W. u. D. 17; Ueber d. W., 22—23. Поэтому едва ли справедливо называть соответствующим методическим требованиям Аха постановку испытуемым таких чисто материальных и легко внушающих вопросов как „было напряжение во лбу?“, „не повторяли ли мысленно каких-либо слов?“ „не было ли напряжения в висках?“ как то делает, например, *К. Н. Корнилов* („К вопросу о природе типов простой реакции“ в Трудах Московского Психологического Института, 1914 г., стр. 17), приходя в своих дальнейших рассуждениях к решительному отвержению метода Аха, как имеющего лишь отрицательное значение.

тивно почувствовать душевную жизнь своего испытуемого. При этом делом его научной тренировки явится избежать при постановке вопросов внушения, могущего проистекать от всякого рода теоретических предпосылок и имеющихся научных познаний. Поэтому понятно, что метод „систематического экспериментального самонаблюдения“ должным образом может быть применен лишь, когда экспериментатором является лицо в достаточной мере опытное и тренированное в психологической методике [1]).

То же самое необходимо, конечно, сказать и относительно испытуемых. Лишь лица опытные в условиях психологического экспериментирования могут давать нам научно ценные высказывания, и вообще лишь они и должны иметься в виду в качестве испытуемых в методе Аха. Это необходимое условие успешности применения его метода сам Ах неоднократно подчеркивает [2]), и критикам его методики это обстоятельство не следует упускать из виду.

Вопрос о записи самонаблюдений на фонографе.

Выполнение основного методического требования Аха—давать возможно исчерпывающее описание всего, что только было в сознании—выдвигает на очередь вопрос о полном и точном протоколировании всех этих высказываний испытуемого, а равно и делаемых ему экспериментатором замечаний и ставимых ему вопросов. Знать точную формулировку последних и самую интонацию, с коей эти вопросы и замечания экспериментатором делались, при оценке интроспективных данных, чрезвычайно важно [3]). Поэтому Ах уже в первой своей книге высказывает надежду, что развитие техники даст возможность весь разговор между испытуемым и экспериментатором фиксировать на фонографе.

Пожелание это ныне оказывается в известной мере осуществимым. В Геттингенском психологическом институте проф. Г. Мюллера Бааде пробовал применять диктофон для регистрации самонаблюдений. В особой статье [4]) он и сообщает свои замечания по этому вопросу. Как из них выясняется,

---

[1]) *Ach.* U. d. W. 24.

[2]) W. и D. 23; U. d. W., 24.

[3]) *N. Ach.* U. d. W. см. примечание на стр. 26.

[4]) *W. Baade.* Ueber die Registrierung von Selbstbeobachtungen durch Diktierphonographen. Zeitschr. f. Ps. B. 66. 1913, S. 81—93.

идеал полной регистрации действительно всего, что говорится во время эксперимента, остается для нас еще недостижимым по трем причинам. Во 1-х, современные диктофоны могут записывать речь лишь когда рот говорящего находится близко и прямо к воспринимающему рупору, во 2-х, удовлетворительно записывается лишь громкая и отчетливая речь, в 3-х, смена валиков (каждые 7 или 10 минут) вызывает невольный перерыв в записывании. Между тем, как справедливо отмечает Бааде, весьма ценные для психолога высказывания могут быть даны как раз или негромким голосом или прийтись на время смены валиков, благодаря чему и не смогут быть зафиксированы. То, что действительно для нас может дать диктофон в его современном виде, так это записывать все, что говорится намеренно для записи. Для этого испытуемый, равно как и экспериментатор, должны сохранять все время более или менее одно и то же положение перед установленной для каждого из них слуховой трубой (Leiter'а), служащей приемником звука и проводником его к пишущей мембране [1]). Эта мембрана, лежащая на валике, будет записывать на нем все то, что говорится в слуховую трубу, очевидно, лишь тогда, когда валик вращается. Валик же приводится в движение мотором, который в свою очередь может быть приводим в связь с валиком путем нажима электрической кнопки или пневматической груши, что и вызывает, следовательно, движение валика. Таким образом, когда испытуемый или экспериментатор хотят сказать что-либо, что должно быть записано, им стоит лишь нажать кнопку или грушу, чтоб валик стал вращаться, а мембрана писать на нем. Также легко могут они и выключать его из связи с мотором, чтобы валик не расходовался понапрасну. Несомненным преимуществом полученной подобным образом на фонографе записи является большая, фотографическая точность ее. Хотя фиксируется на аппарате, как мы видели, не все, что вообще говорится в течение опыта, но лишь, что испытуемый и экспериментатор намеренно хотят зафиксировать, тем не менее точная запись и этого только является уже весьма заманчивой. Особенно, если мы примем во внимание еще то,

---

[1]) Бааде пользовался диктофоном Линдстрёма.

что на фонографе регистрируется темп, а в известной степени и интонация высказываний, что при рукописной записи оказывается, конечно, совершенно невозможным.

Что касается переписки зарегистрированного с валиков на бумагу под диктовку самого аппарата, то Бааде отмечает большую трудность проистекающую здесь, во 1-х, от того, что испытуемые все же говорят многое неясно и не отчетливо или отдаляют рот от воспринимающего рупора; во 2-х, от часто необычной и не всегда правильной и полной грамматической формы записанных высказываний. В виду чего ему представляется совершенно необходимым, чтобы эту переписку зафиксированного на валиках производил сам экспериментатор. Лишь он, уже слыша раз записанные показания во время их произнесения испытуемым, сможет правильно и полно понять и записать воспроизведение их фонографом.

Что должно здесь особенно интересовать нас—так это вопрос о том, какое влияние на психическое состояние испытуемых может оказывать применение диктофона для записи их показаний? И здесь возникает одна, не легко устранимая на наш взгляд, трудность. Именно: испытуемые, зная о расходовании валика, невольно сознают, что должно экономить его. Такое сознание может легко порождать излишне критическое отношение к своим высказываниям вообще и к их словесной форме особенно. Перед испытуемым может стать новая задача — оценивать оформливающиеся, готовые высказывания, как стоющие или нестоющие того, чтобы быть зарегистрированными на диктофоне. И так как записаны высказывания могут быть лишь при его намерении их записать, то таковыми легко могут оказываться лишь конечные, уже в известной степени логизированные, резюме испытуемого относительно пережитого им. Те, часто мало связные и разделенные паузами различной длины, непосредственные называния опознаваемого образа памяти переживания, какие имеют, несомненно, значительно больший интерес для исследователя, чем эти конечные, оформленные уже, показания,— испытуемым вовсе умалчиваются, как лишь подготовительные и не стоющие записи на фонографе. Этот же больший интерес их для психолога об'ясняется тем, что первые, неоформленные, несвязные и паузами разделенные показания являются

высказыааниями более непосредственными, более близкими к самим переживаниям. К тому же они дают нам возможность судить и о ходе самого процесса интроспектирования, равно и о различной трудности отдельных его моментов. С тенденцией испытуемых — высказывать для фонографа не первые, готовые высказывания, а, уже, в известной мере, обработанные и оцененные, по мнению Бааде, следует и можно бороться раз‘яснением испытуемым того, что первые формулировки показания экспериментатору более интересны, и что в несовершенную их форму всегда можно после внести нужные поправки.

Для нас остается все же сомнительным, чтобы такое нежелательное поведение испытуемых могло быть совсем устранено, поскольку они сами пускают диктофон в действие, лишь когда того захотят, и поскольку мысль о расходовании валика не может совершенно отсутствовать в их сознании. Если же пускать аппарат в действие независимо от воли испытуемого, на все время тотчас по окончании эксперимента, то сознание того, что буквально все, что он выскажет будет зафиксировано,—каждая оговорка, каждое неправильное выражение и т. п., как и в предшествующем случае, легко внесет нарушение нужной непосредственности в высказываниях.

Необходимая осмотрительность требует, однако, заметить здесь в заключение, что окончательное решение вопроса о плюсах и минусах использования диктофона для регистрации самонаблюдений может быть дано лишь эмпирическим выяснением как тех, так и других, с учитыванием возможного влияния здесь индивидуальных различий испытуемых.

О письменной даче показаний.

В связи с вопросом о способе получения интроспективных показаний, нам следует коротко отметить здесь, что письменная дача испытуемыми показаний, как требующая к себе самой внимания значительно большего, чем устное их высказывание, может быть допустима лишь в случаях минимального пользования интроспекцией, где нужно отметить лишь один какой-либо момент, вроде, напр., одинаковости данного опыта с предыдущими и т. п. В случаях же, где нужны более или менее подробные показания, заставлять

испытуемого писать их, на наш взгляд, весьма нерационально и именно потому, что нужная возможная непосредственность высказываний нарушается здесь необходимой заботой о складности письменного изложения, помимо того, что сознание испытуемого осложняется еще и осуществлением самого процесса писания.

Возражения против требования полного описания каждого опыта.

Метод А х а вызвал против себя в литературе ряд возражений. М ю л л е р, Г р ю н б а у м и Д е й х л е р с несколько различных точек зрения, решительно высказывались против требования каждый раз полного описания всего, что только было у испытуемого во время эксперимента в сознании. По мнению М ю л л е р а [1]), то полное описание (vollständige Beschreibung), которого хочет достичь своим методом Ах, недостижимо уже потому, что мнение последнего о персеверировании в последующем периоде всего переживания целиком представляет собою ничем необоснованный оптимизм. Функции персеверации селективны — наилучше всплывет то, что наилучше удалось подметить. Далее, самая способность наша самонаблюдать весьма ограничена, мы не можем зараз опознать многое, а персеверированные содержания чрезвычайно быстро забываются, исчезают из сознания. Поэтому, требуя от испытуемого полного описания всего пережитого, мы ставим ему невыполнимую задачу, каковая уже сама по себе будет толкать его к заполнению пробелов путем показаний или о всецело самовнушенных переживаниях, не бывших в главном периоде, или же о подмеченном весьма неполно, неуверенно и недостоверно. Широкое пользование вопросами, допускаемое Ахом—„eindringliche Vielfragerei“, как выражается Мюллер—способно лишь вызвать в сознании много новых представлений, которые испытуемым весьма легко могут рассматриваться как воспоминания переживания, бывшего в главном периоде. Добиваясь от испытуемых прежде всего исчерпывающей полноты описания, мы легко можем ради такой „систематичности“ применения интроспекции утерять необходимую „критичность“ в ее использовании, от чего главным образом и хочет предостеречь Мюллер.

---

[1]) *G. Müller.* Zur Analyse der Gedächtnisstätigkeit usw. I, S. 137—143.

Грюнбаум [1]) полагает, что требовать прежде всего полного описания пережитого нецелесообразно, во 1-х, потому, что в случае, когда течение процесса является более или менее однообразным—полное описание каждого опыта будет лишь бесполезной и тягостной тратой времени. Во 2-х, при старании испытуемого воспроизвести в памяти возможно больше, многие репродуктивные тенденции могут тормозить одна другую, результатом чего будет являться неуверенность воспоминания, которую испытуемый и не преминет компенсировать привнесением в показания теоретических соображений и выводов.

Дейхлер [2]), стремясь в своей работе прежде всего к об'ективному исследованию однозначно определенного процесса простой реакции, оценивая метод Аха, указывает на то, что требование описания после каждого эксперимента легко может внести в сознание испытуемого мысли и рассуждения, касающиеся переживаний и тем нарушить однозначность переживания, нарушить необходимый навык в нем,—во 1-х. Во 2-х же, осуществление такого требования, беря много времени на протоколирование, не позволит проводить длинные ряды опытов. Между тем,—важно провести длинные ряды экспериментов и притом с процессом, закрепившиеся уже в своем однообразии. Ибо лишь в этом случае мы будем вправе оценивать его как коллективный предмет, что и представляется целью об'ективного изучения форм реакции. Это, что касается частоты дачи испытуемым показаний. Что же касается полноты их, то Дейхлер исходит здесь из той предпосылки, что научный интерес и значение могут иметь лишь показания, так или иначе контролируемые об'ективными данными [3])—средним уклонением времен реакции, распределением числовых значений и т. д. Отсюда же и вытекает, что описывать прежде всего (если не исключительно) следует лишь те моменты переживания, которые оказывают прямое определяющее влияние на об'ективно регистрируемые данные. „Данные же самонаблюдения,

---

[1]) *Grünbaum*. Ueber die Abstraction der Gleichheit. Arch. f. d. Ps. B. XII. S. 353--354.

[2]) *Deuchler*. Beiträge zur Erforschung d. Reactionsformen. Psych. Stud. B. IV, S. 380—393.

[3]) *Deuchler*, ib. 384, 393, ср. 381.

которые никак не могут быть обнаружены об'ективно, имеют лишь второстепенное значение, хотя могут быть сами по себе и „интересны".

И, наконец, побуждать испытуемых к более полным показаниям значит очень часто толкать их на путь репродуцирования и комбинирования заученных взглядов и понятий. В виду всего этого и становится понятным, почему Дейхлер отнюдь не рекомендует стремиться в первую голову к возможно полному описанию, но, наоборот, считает целесообразным отмечать в переживании лишь отдельные моменты и то не после каждого эксперимента.

В каком виде и когда рационально требование полного описания?

С своей стороны, мы должны заметить, что требование полного описания может иметь двоякий оттенок. Во 1-х, оно может быть требованием об'ективно полного, исчерпывающего описания в с е г о фактически испытуемым п е р е ж и т о г о. Во 2-х же, оно может обозначать лишь требование, чтобы испытуемый при даче показаний не делал сам отбора существенного на его взгляд от несущественного, но показывал бы в с е, ч т о и м о п о з н а е т с я в настоящий момент, как бывшее в эксперименте. Различие это не есть, конечно, абсолютное; мы и называем его поэтому лишь различием в оттенках, какие может приобретать в отдельных случаях требование полноты описания. Но существенно обратить внимание на то, что установка дающего показания испытуемого в том и другом случае, несомненно, различна. В первом случае он всячески должен стремиться вспомнить возможно больше. И здесь, поскольку достижение исчерпывающего описания является для него известным понуждением так или иначе сделать свое описание охватывающим все моменты пережитого, испытуемый, как выше и указывалось, может легко впасть в произвольное заполнение пробелов описания, как образами внушенными вопросами экспериментатора, так и всякого рода самовнушением — часто зависящими от теоретических соображений и догадок. Однако, нельзя отрицать того, что путем соответствующих предостережений, при должной осторожности и опытности испытуемых, можно так поставить экспериментирование, что испытуемые здесь, хотя и будут знать, что экспериментатору в конце концов важно получить об'ективно полное описание,

все же будут всемерно избегать всяких самовнушений. Ибо нельзя же в самом деле отрицать возможности сочетания у подготовленного испытуемого (а такие только и имеются методом Аха в виду) стремления сделать свои показания возможно более исчерпывающими с критической осторожностью в их высказывании?

Поэтому Мюллер и Грюнбаум, хотя указывают на действительную и возможную опасность, однако, опасность эта не рисуется нам неустранимой, а потому и не может окончательно решить для нас вопроса о значении рассматриваемого метода получения интроспективных высказываний.

К тому же требование полноты описания может иметь, как указано, еще и другой смысл. Именно — быть требованием только не селективности в высказываниях. И поскольку этот момент выдвигается для наблюдателя-испытуемого на первый план, говорить о необходимо возникающем вследствие такого требования полноты описания, самовнушении и вовсе едва ли есть основания.

Замечание Грюнбаума относительно взаимного торможения многих репродуктивных тенденций, как возможного результата требования полноты описания, указывает, на наш взгляд, на действительно отрицательную сторону метода. Однако, опять-таки, тренированные испытуемые, в худшем случае, дадут вследствие такого торможения менее полные описания—достоверность же этих последних может и не пострадать.

Но против требования полноты описания после каждого опыта могут быть выставлены соображения и с иной, отличной от имеющей в виду достоверность даваемых высказываний, точки зрения. Выразителем ее, в большой мере, и является Дейхлер, суждения коего, как мы видели, сводятся к признанию вредности полного описания каждого эксперимента на том основании, что такое описание нарушает однозначность переживания, расстраивая навык в нем испытуемого, и, требуя много времени, не дает возможности проводить длинные ряды экспериментов. К тому же и промежутки между отдельными опытами, вследствие опроса, становятся неравными. Против этих указаний едва ли что можно возразить по существу. По данному поводу мы должны лишь сказать, что цель, которую преследует иссле-

дователь, **является решающим обстоятельством**, принять ему метод Аха, в вышеизложенном виде, с полным описанием каждого эксперимента, или же нет. Поскольку Дейхлер, а с ним и многие другие, ставят своей задачей прежде всего получить об'ективную характеристику какого-либо психического процесса, рассматриваемого как коллективный предмет, поскольку вообще их интересует в первую голову не качественно-описательные проблемы, а вопросы количественной и об'яснительной психологии — полное описание и к тому же каждого опыта будет для них методом не только не нужным, но и вредным, как это справедливо выше Дейхлером высказано. Ибо здесь важным является, чтобы процесс, количественная характеристика коего ищется, как скажем, процесс простой реакции, тахистоскопического восприятия, оценки величины линий и т. п., оставался в течение длительного ряда опытов строго единообразным и постоянным, для чего необходима установка, навык в нем. Полное же интроспективное описание каждого опыта, несомненно, такому постоянству переживания и навыку в нем будет препятствовать. И Ах сам отмечает [1]), что в подобных исследованиях его „систематическое самонаблюдение“ в виде полного описания становится уже неуместным, раз интерес экспериментатора лежит вне сферы интроспективной картины переживания.

Мы, однако, с своей стороны должны, — ссылаясь на сказанное нами уже выше в первой, вводной главе, — указать, что даже и в таких чисто количественных исследованиях нельзя вовсе игнорировать суб'ективную сторону, не рискуя впасть в совершенно ложные интерпретации об'ективных результатов. А постольку, следовательно, и в количественных исследованиях весьма полезно брать от испытуемых, правда эпизодически, полные описания их переживаний.

Далее, очевидно, требование полного описания становится излишним в случаях, когда исследователь интересуется какой-либо одной специальной проблемой, хотя бы и качественной психологии, как напр., типами памяти, зрительными диаграммами и т. п.

Принимая же во внимание цель, ставимую себе совре-

---

[1]) *Ach.* W. и T. 15—16; U. d. W., S. 19—21.

менными исследователями качественной стороны мышления и воли, область их изучения, где каждое отдельное переживание может быть индивидуально интересным, а также неразработанность еще этой области психологии, делающую часто невозможной специализирующую постановку вопросов, мы должны признать в них требование полного описания каждый раз рациональным [1]).

Должно лишь помнить, что в этом требовании полноты описания главное ударение должно ставиться на не-селективности показаний, а не на необходимости об'ективно исчерпывающего описания. Последняя, особенно при недостаточно опытных и осторожных испытуемых, весьма легко может повести к ложным высказываниям.

Что касается Аха, то хотя Вестфаль [2]), напр., и утверждает, что Ахом имелась в виду именно только не-селективность описания, нам все же думается, что Ах против высказанного нами пожелания погрешал и стремился в большей мере к об'ективной полноте описания, добиваясь своими вопросами, чтобы „das ganze Erlebniss vom Eintritt des Signals bis zum Abschluss des Experimentes vollständig geschildert und protokolirt wurde“ [3]). Его, ничем неоправдываемая, вера в персеверацию действительно всего, что только было пережито, могла лишь давать в его глазах почву для требования от испытуемых все более и более полных показаний [4]).

О порядке высказываний.

В заключение здесь уместно сказать несколько слов о порядке высказываний, коего следует испытуемому держаться. В виду того, что главный наш интерес состоит в получении прежде всего возможно более достоверных показаний, нам

---

[1]) Ср. *Ach.* Ueber den Willensakt, S. 18—23.

[2]) *E. Westphal.* op. cit. Arch. f. d. g. Psych. B. XXI. S. 432—433.

[3]) *Ach.* W. u. D., S. 14.

[4]) *Titchener.* (The method of Examination. American. Journ. of Psychology vol. 24, p. 438) защищает метод Аха от возражений Мюллера, видя главное достоинство его в более строгой, чем то было раньше, экспериментальности условий. Кроме того, вопросы, и по мнению самого Аха, имеют лишь переходное временное значение; полнота описания — значит не-селективность его; тождеству высказываемых образов, периода дачи показаний с переживаниями самаго эксперимента может способствовать соответствующая инструкция испытуемым показывать лишь то, что с очевидностью дано им как воспоминание.

представляется нецелесообразным предписывать испытуемому во что бы то ни стало держаться в своих высказываниях какого-либо определенного порядка, например, временного порядка самого эксперимента. Ведь, в последнем случае, как справедливо отмечает Г. Мюллер[1]), испытуемый, стараясь вспомнить переживания начала эксперимента, легко может забыть те переживания позднейших моментов его, которые могли всплыть у него в сознании первыми и притом, возможно, с большой ясностью, но, в силу инструкции держаться временного порядка,—высказаны им не были. Впрочем, как показывает опыт, испытуемые, стремясь сделать свои показания возможно полными, сами стараются в общем придерживаться в них временного порядка самого опыта, что, вероятно, способствует большей легкости воспроизведения бывших в нем переживаний. Неопытным еще в интроспектировании испытуемым и полезно бывает поэтому рекомендовать придерживаться в описании временного порядка опыта. Однако, такой совет отнюдь не должен носить вынуждающе обязательного характера; испытуемые должны помнить, что сообщение экспериментатору того, что является для них наиболее достоверным — составляет их первую и главную задачу, коей они отнюдь не должны поступаться ради большей полноты описания.

Заключение. Заканчивая этим настоящую главу, прорезюмируем главные положения ее.

Так, прежде всего, мы, остановившись на полемике вокруг работ Вюрцбургской школы, констатировали возможность экспериментального изучения высших психических процессов. Подобное расширение сферы интроспективного изучения с особой настойчивостью выдвигает необходимость оценки различных возможных методических приемов получения интроспективных показаний от испытуемых. Ибо момент использования интроспективных познаний испытуемых, наряду с моментом опознавания ими своих переживаний и моментом нашей обработки полученных показаний, является определяющим для конечных результатов. В ходе рассмотрения, по преимуществу с точки зрения методики получения показаний, методов Бинэ, Вюрцбургской школы и Н. Аха,

[1]) *G. Müller*, Zur Analyse der Gedächtnisstätigkeit usw. I, S. 120—121.

мы пришли к тому, что приемы получения показаний от испытуемых должны быть различны в зависимости от области и цели исследования, равно как в зависимости от степени опытности испытуемых и разработанности изучаемой области. Так, частота требуемых показаний должна быть максимальной, т. е. показания должны даваться после каждого опыта в случаях, когда интроспективная, качественная картина переживаний представляет главный интерес исследования, когда каждый опыт является качественно индивидуальным и когда нет об'ективных показателей качественной стороны процесса, и когда самое существо дела не исключает (как, напр., при изучении памяти) давания показаний каждый раз. Полнота описания должна пониматься преимущественно как не-селективность высказываний. Когда же желательна большая или меньшая об'ективная полнота описания, то необходимо всячески предостерегать испытуемых от легко могущих возникнуть здесь самовнушений. Полнота описания не должна никогда итти в ущерб достоверности его. Полное описание каждого эксперимента нужно в качественных исследованиях индивидуально отличных переживаний, если ставится задача дать общую их интроспективную характеристику. По мере все большей разработанности качественной психологии, проблемы исследования будут принимать все более специальный, дифференцированный характер, вместе с чем утратит свое значение и метод, требующий полного описания каждого опыта. Его сменит более достоверный парциальный метод. Активный опрос испытуемого пока безусловно нужен и допустим при соблюдении экспериментатором должной осторожности. Вопросы должны быть преимущественно указателями для направления внимания испытуемых.

Далее, мы видели, что применение диктофона для записи самонаблюдений грозит часто нарушить нужную непосредственность высказываний. Письменная дача показаний может быть допущена лишь, когда они суть самые краткие замечания о каком-либо одном моменте переживаний. Порядок высказываний не должен быть предопределяем инструкцией.

Прежде чем перейти к рассмотрению момента нашей обработки и оценки полученных высказываний с точки зрения

достоверности их, мы должны остановиться еще на вопросе о различном качестве показаний испытуемых, имея в виду отношение высказываний к вызвавшим их переживаниям. Этим мы и займемся в следующей главе.

VII.

Качество показаний испытуемых.

Что должны давать высказывания интроспективного описания.

Выше, в главе третьей, мы старались показать, что интроспекция впервые вводит нас в своеобразный и интимный мир составляющих наше сознание переживаний. Вслед за Э. Гуссерлем и Т. Липпсом мы пришли далее к тому, что непредвзятое рассмотрение фактов нашего сознания говорит за двойственность их. Сознание есть всегда направленность на, обычно трансцендентные ему, предметы. А если так, то „мир предметов есть свой особый мир, отличный от мира содержаний сознания (Bewusstseinsinhalte)“, как говорит Т. Липпс [1]. То же, что интересует интроспектирующего психолога прежде всего—это не этот об'ективный и статический мир „предметов“ и „смыслов“, но более интимно захватывающая нас и носящая личный характер сфера „переживаний“: индивидуальных, изменчивых и текучих процессов. Таковы ощущения, чувства, влечения и все то, что может быть констатировано в нашем сознании как своеобразно даваемый, индивидуальный, текучий процесс.

Точное интроспективное описание, достичь коего стремится самонаблюдение в качестве метода психологического исследования, и имеет в виду раскрытие в возможной детальной полноте картины переживаний, бывших при тех или иных условиях в сознании испытуемого. Для достижения этой цели мы создаем, с одной стороны, ряд возможно благоприятных условий опознания испытуемым его переживаний. С другой, мы избираем наиболее подходящий для поставленной цели метод получения интроспективных высказываний от испытуемых.

---

[1]) *Th. Lipps*. Leitfaden der Psychologie. S. 11 и др.

Качественная различность высказываний.

Однако, все это не гарантирует еще того, чтобы все собранные наши высказывания прямо бы давали нам знание о фактически бывших переживаниях. Напротив, высказывания испытуемых бывают весьма качественно различны, если иметь в виду отношение их к интересующим психолога переживаниям, раскрыть структуру и всю картину коих и составляет задачу последнего. Разнородность содержаний мира нашего сознания с одной стороны, и возможность различного отношения нашего ума к этим его содержаниям с другой, и обусловливают то, что показания испытуемых оказываются весьма различными по своему значению для реконструирования картины бывших переживаний. Ближе выяснить такие различия, уяснить значение каждого рода высказывания для психологии вообще, и наметить пути, коими мы могли бы избежать ошибок, могущих происходить от ложного истолкования полученных показаний и составить задачу дальнейшего изложения настоящей главы.

Нам должно таким образом оценить получаемые в экспериментах высказывания испытуемых с точки зрения их описательной ценности: поскольку они описывают переживания.

Но что значит описать что-либо? Отчетливое определение того, что следует понимать под описанием дает Э. Тичнер [1]). „Под „описанием" какого-либо об'екта, пишет он, мы понимаем такое полное и точное сообщение о нем, что тот, кому этот об'ект незнаком, тем не менее... сможет реконструировать его на основании даваемых словесных выражений. Каждая различная часть или свойство об'екта при описании недвусмысленно названы; между эмпирическими данностями и словами существует однозначное соответствие.... Психологическое описание состоит в недвусмысленном сочетании каждой фазы или данности нашего внутреннего испытывания с определенным словом, в таком сочетании, которое давало бы читателю с нормальной психической конституцией возможность репродуцировать описанное переживание у себя".

---

[1]) *Titchener*. Description vs. Statement of Meaning American Journ. of Psychology vol. 23, 1912, p. 165, 166, 168.

Итак, описать переживания значит сообщить о них словами, стоящими в строго однозначной связи с каждым моментом их, какое сообщение только и сможет быть для нас вынуждающим реконструировать совершенно определенную, данным описанием имевшуюся в виду, индивидуальную картину переживаний. Такого рода показания (т. е. описывающие) и о таком об'екте (т. е. о переживаниях) лишь и могут удовлетворять нас, поскольку нашей целью является интроспективный анализ переживаний, раскрытие их структуры и временной связи.

Высказывания не являющиеся интроспективным описанием переживаний. Показания о выводах рефлексии.

Первый случай неудовлетворительных с этой точки зрения высказываний мы имеем тогда, когда испытуемый не просто называет бывшие у него переживания, но сообщает нам выводы своей рефлексии, те или иные умозаключения касательно них. Подобное мы встречаем, например, в даваемых нам часто описаниях через сравнение. Испытуемые показывают нам, что „это переживание протекало так же как предыдущее", что „решить задачу в данном эксперименте было значительно легче", что „переживание было в большой мере естественное" или что „на этот раз состояние было менее естественное", что „данный интервал был много длиннее предшествующего" и т. п. Сходным с этими случаями высказыванием выводов собственного сравнивающего суждения является и описание через указание возможностей вроде: „мне казалось возможным еще сконцентрировать внимание и на следующем раздражении" или „было уже близко к тому, что я не буду в состоянии схватывать таким же образом дальше" или „скорость пред'явления впечатлений была еще далека для меня от максимальной возможной" и т. п. Наконец, в указании на соотношения переживаний, вроде „фиксирование последовало чисто рефлекторно", „названное положение сознания возникло вследствие зрительных образов воспоминания", „ответ просто ассоциировался с раздражением", „возникновение образа было вызвано пониманием" или „я знал, что должно было появиться два раздражения: следовательно у меня должно было быть и ожидание", или „установка внимания была трудна, что сказывалось в том то и том то"... Как справедливо замечает

О. Шульце[1]), чтобы убедиться, что во всех вышеприведенных примерах мы имеем не интроспективно-аналитическое описание, дающее возможность реконструировать индивидуальную картину переживаний, а рефлексию испытуемого над своими переживаниями,—достаточно к каждому приведенному выше высказыванию подойти с вопросом: „на основе какого переживания оно сделано?“ „какое переживание однозначно им определяется“? Тогда тотчас же будет видно, что показания эти не суть констатирования факта находимого в переживаниях, но суждение, вывод,—дающего показания, испытуемого. Действительно, когда я говорю, что „переживание было менее естественно, чем прошлое“, я ничего не говорю, какими чертами характеризовалось оно в своей непосредственной мне данности, но выражаю лишь его сравнительную оценку. Равным образом нет никакого указания на фактические переживания и в высказываниях, что „ответ возник чисто механически“ или что „я знал, что появится второе раздражение, почему у меня и должно было быть ожидание“ или что „возникновение образа было вызвано пониманием“ или „благодаря более быстрому темпу я лучше запомнил пред‘явленные впечатления“. В последних примерах нам сообщается соотношение, связь между переживаниями, сама по себе оказывающаяся лишь плодом нашей соотносящей рефлексии.

Прямого аналитического описания не имеем мы, само собою разумеется, и в образном описании, когда испытуемый сообщает нам о своих переживаниях путем образных метафор и аналогии. Желая дать нам понять, напр., о своем переживании направленности, испытуемый говорит, что это нечто вроде того, „как, если несешь наполненный до краев сосуд и все время озабочен тем, как бы его не расплескать“ или что-либо подобное.

Слишком общие обозначения переживаний терминами повседневного обихода.

Во вторых, мы оказываемся бессильными реконструировать по данным высказываниям переживания и в тех случаях, когда испытуемые употребляют для своих переживаний слишком общие, из практики повседневной жизни по-

[1]) *Otto Schultze.* Einige Hauptgesichtspunkte der Beschreibung in der Elementarpsychologie. Arch. f. d. g. Ps. B. VIII, 1906. S. 280—288.

черпнутые, **определения**. Таковыми будут показания, вроде „я был в восторге". „я пережил смущение", „я был озадачен", „я принял решение", „я не понял" и т. п. Очевидно, что термины „восторг", „смущение", „озадаченность", „решение" и т. п. представляются слишком общими, не выражающими индивидуальной картины переживания. „Восторг" может переживаться самым различным образом, слагаться из самых разнообразных переживаний. Поэтому сказать „я пережил восторг" значит ничего не сказать об индивидуальной картине переживания.

Во всех подобных случаях испытуемый, очевидно, не называет аналитически каждую фазу или момент переживания, но определяет одним общим термином („решение", „озадаченность" и т. п.) всю данную ему связность переживаний, чем включает ее в какой-либо общий разряд или категорию, созданную здесь не психологическими, научными интересами, но практическими потребностями повседневной жизни, требующей, чтобы сходные в отношении к поведению суб'екта комплексы переживаний были как-либо единообразно обозначены. Иными словами, давая своим переживаниям слишком общие определения,—подобно выше приведенным, испытуемый меняет интроспективно-аналитическую точку зрения на точку зрения вульгарную, точку зрения повседневного общежития; становится в известном смысле интерпретатором своих переживаний, благодаря чему описание его делается столь не детальным, что перестает уже быть и описанием, становясь лишь не имеющим аналитической цены обозначением.

Высказывания о смыслах или предметах переживаний

В третьих, аналитического описания индивидуальной картины переживания мы не имеем и тогда, когда **испытуемый сообщает нам лишь „смысл" или „предмет"**, на который его переживания были направлены. В этом случае испытуемый впадает очевидно в ошибку стимула (stimulus error), апперципируя и показывая не самые переживания процесса ощущения, представления, воли, мышления, но то, **что** ощущалось, что представлялось, к **чему** я стремился, **что** мною мыслилось и т. д. Подобного рода установка является для нас в жизни обычной, а потому часто трудно устранимой и в обстановке психологического экспериментирования.

Как в психофизике мы легко вместо того, чтобы оценивать ощущения цвета, звука и прикосновения, начинаем высказывать суждения о соотношении секторов белых и черных кружков на вертушках, о высоте падающего шарика и об об'ективном расстоянии двух ножек эстезиометра [1]), так и при интроспективном изучении высших психических процессов мы, вместо описания конституирующих эти процессы текучих переживаний, начинаем часто передавать о мыслимых нами через эти переживания „предметах", начинаем сообщать, о чем мы мыслим или чего хотели. Очевидно, что такие показания, как сообщающие не о том, что интересует психолога, не дают нам никаких прямых указаний на структуру и временную связь переживаний, имевших место во время эксперимента. Сказать, что „я подумал о том, что мысль о будущем не должна быть смешиваема с самим будущим" не значит дать описание своего переживания этой мысли, на основании коего я мог бы реконструировать как раз такое же определенно-индивидуальное переживание.

Такая возможность высказываний не имеющих интроспективно описательного значения придала особую остроту и спорность вопросу о признании или непризнании неконкретных переживаний — „мыслей". Стало в большой мере спорным, принуждают ли нас к подобному признанию те показания, которые мы находим в протоколах вюрцбургских исследований? Иначе говоря, был выдвинут вопрос об описательной ценности собранных вюрцбургскими психологами от своих испытуемых высказываний.

И здесь особое значение имеют соображения, выставленные Е. Дюрром [2]), который сам был испытуемым в экспериментах Бюлера. Соображения эти являются как раз иллюстрацией к рассматриваемому нами случаю высказываний, сообщающих не о переживании, а о предмете. „Будучи испытуемым в экспериментах Бюлера, я,—пишет Дюрр [3]),— вынес то впечатление, которое я ранее еще не умел вполне

[1]) См. об этом, напр., *Тичнер*, Учебник психологии, стр. 183—184; *Binet*, L'étude expérimentale de l' intelligence, p. 282—284.

[2]) *E. Dürr*. Ueber die experimentelle Untersuchung der Denkvorgänge. Zeitschr. f. Psych. B. 49, 1908.

[3]) *E. Dürr*. ib. S. 315.

ясно формулировать, что мои показания являлись лишь несколько модифицированным изложением тех мыслей, которые были вызваны у меня экспериментатором, и что подобное словесное изложение не может собственно считаться за психологическое описание мыслей. Что следует разуметь под таким противоположением словесного выражения и психологического описания, станет может быть более понятным, если мы примем во внимание, что будь словесное изложение и психологическое описание одно и то же, то всякий и не психолог, поскольку он обменивается с другими своими мыслями, постоянно давал бы тем самым психологические протоколы. Психолог по окончании эксперимента мышления не будет просто говорить, что он думал, но будет показывать об ощущениях и представлениях, которые при определенных условиях, во время его мышления, возникли и то, что им думалось он изложит так, что его сообщение будет являться характеристикой мысли. Между тем,— пишет Дюрр далее,— нам даются в показаниях обороты вроде: „мне пришла мысль, что...., я имел сознание, что.... или: мне показалось, что....“ и т. п. Здесь, очевидно, нечто обозначается как мысль, но свойства этой мысли никоим образом не описываются“, как заключает Дюрр. „Но психолог хочет познать акты мышления, пишет Дюрр же в другом месте [1]), не через указание на то, что (курсив наш) в них схватывается, но через характеристику их собственных свойств“. И этой характеристики мы, очевидно, не получаем от испытуемых Бюлера в их высказываниях подобных, например, таким: „у меня явилось сознание, что это и каким именно образом может быть перенесено на человеческие отношения“ (речь идет о смысле предложенного афоризма) или: „тогда мною сознавалась противоположность между мыслями и рамками телесности“ [2]) и т. п. На основе таких показаний мы никак не в состоянии реконструировать индивидуальную картину переживания этих сообщаемых нам мыслей. Между тем, научное описание должно быть средством реконструирования [3]).

---

[1]) *E. Dürr*, ib. 323.

[2]) *Bühler*. Ueber Gedanken. Arch. f. d. g. Ps. B. IX, S. 319. 344.

[3]) Тождество своих взглядов с вышеприведенными положениями Дюрра признает и *E. von Aster* (Die psychol. Beobachtung u. exper. Unters. von

С особой полнотой стремился установить и охарактеризовать специфичность описательно-интроспективного подхода

Denkvorgängen. Z. f Ps. B. 49) выступивший также с отрицанием описательного значения протоколов Бюлера. Однако, как нам представляется, он подходит к оценке высказываний этих испытуемых с несколько иной точки зрения, не позволяющей нам видеть в его соображениях прямого указания на ошибку стимула.

Показания испытуемых Вюрцбургских исследователей фон-Астер находит возможным рассматривать как обозначение (Kundgabe), видя в них особого рода интимное выражение лежащих в основе переживаний. В этом смысле, когда испытуемый показывает: „ну да это один из парадоксов Ницше!“ мы имеем перед собою лишь особую форму выражения им всего его переживаемого статуса, совершенно аналогичную тому случаю, когда переживания выражаются в жестах и позах. Как в наши жесты и мины мы „вчувствуем“ наши переживания, выражением коих первые и оказываются, совершенно также „вчувствуем“ мы их в словесные обозначения, сообщающие содержание наших мыслей. В то время, как в первом случае, выразительность телодвижения или крика бывает весьма часто непроизвольной—здесь при даче показаний экспериментатору, подобное обозначение или выражение (Kundgabe) является преднамеренным. По мнению фон-Астера (стр. 68—71) это не создает, однако, какого-либо принципиального различия. И так как подобное „обозначение“ является выразителем, так сказать, равнодействующей всего психического состояния суб'екта в данный момент, то оно не может рассматриваться нами как прямое анализирующее описание, почему о лежащих в основе и вызвавших его переживаниях мы можем лишь умозаключать (70, 73, 102).

Что проводит на наш взгляд существенное различие между пониманием Дюрра и Астера, это то, что в то время как первый, под своим „словесным изложением“ разумеет показание испытуемого не о том, что должно интересовать анализирующего психолога, однако, показание о все-же бывших в сознании во время эксперимента фактах,—по фон-Астеру, в Kundgabe суб'ект дает характеристику или общее выражение своим переживаниям после их наличия, при чем не имеет в виду сообщить и не сообщает о чем-либо бывшем у него в сознании во время эксперимента, но согласно необходимости дать высказывания стремится протекшим переживаниям в возможно „passenden“ Form „Ausdruck zu geben“ (см. стр. 70—71).

По Дюрру, испытуемый вовсе не имеет в виду переживаний, а сообщает о бывших у него во время эксперимента не-переживаниях—смыслах и мыслимых предметах. У Астера испытуемый после эксперимента рефлектирует над своими переживаниями. Вместе с констатированием такого различия, для нас обнаруживается и неудовлетворительность понимания фон-Астера, поскольку она касается мыслительных экспериментов. Сообщая содержание своих мыслей после эксперимента, мы именно сообщаем то, что думали во время него,—смыслы, на которые наше сознание было направлено в главном периоде.

к психическим явлениям Э. Тичнер. Показания испытуемых Бюлера, по его мнению, также представляют нам тот случай, когда наблюдатель-испытуемый не описывает аналитически свои переживания, а впадает в ошибку того же рода, как ошибка стимула в психофизике и вместо описания своих мыслей дает сообщение, о чем он мыслил: „The observer is not describing his thought, but reporting what his thought is about; not phrotographing consciousness, but formulating the reference of consciousness to things: in a word, that he has fallen, in the case of thought, in to the error which we should term the stimulus error in the case of sensation...“ [1]). Когда испытуемый показывает, что „после этого пришла мысль, что мысль о будущем не следует смешивать с самим будущим“, то это его показание не дает нам возможности реконструировать индивидуальное „как“, quale его переживаний, оно не вынуждает нас предполагать за собою какое-либо определенное конкретное или неконкретное переживание. И это потому, что в нем выражается лишь смысл, логическое содержание, мною пережитое. Но как таковой, „смысл“ не заключает в себе каких-либо индивидуальных черт. Последние впервые даются переживаниями, связанными с ним в целостном опыте суб‘екта. Раскрыть же последние может лишь наблюдатель, подходящий к своему сознанию с интроспективно-описательной точки зрения. Такая установка наблюдателя существенно отлична от той, которую, по мнению Тичнера, обнаружили в своих высказываниях испытуемые Бюлера. Показания последних, когда осознаются и сообщаются не сами переживания-процессы, но включенные в них „предметы“ и „смыслы“, Тичнер называет информацией (information) или установлением значения (statement of meaning) [2]).

---

[1]) *Titchener.* Lectures on the Exp. Psychology of the Thought processes. 1909. p. 147, также см. 267, 269.

[2]) Термин „информация“ имеет у Тичнера еще и другой смысл. Под информацией он понимает и слишком общее обозначение всего переживания каким-либо термином, почерпнутым из повседневной жизни и выражающим скорее практическое значение данного переживания в обиходе жизни, чем его психологическую характеристику. В этом смысле он говорит, что информацией будет, например, показание „я был озадачен“ (Jwas puzzled) и т. п. (Description vs. Statement of Meaning. ib., pp. 166—166).

В целях более полного эмпирического выяснения различия между описанием и информацией, как со стороны их об'екта, так и со стороны самого подхода наблюдателя к этому об'екту, Тичнер произвел эксперименты [1]), в коих предлагал испытуемым в качестве раздражения различные сентенции и слова и ставил задачи, то сначала описать возможно полнее все возникшие свои переживания-процессы, а затем и возникшие—под влиянием раздражителя — смыслы, то, наоборот, сначала сообщить смыслы, затем процессы, то сообщать и о переживаниях-процессах и о смыслах в перемежку. Испытуемые должны были после всего этого дать сравнительную характеристику описания и информации, основываясь на своем опыте. И здесь прежде всего ими был отмечен ряд различий имманентных самим о б'е к т а м описания и информации. В то время как подлежащие описанию переживания суть процессы текучие, переливчатые один в другой, и могущие быть нашим анализом разложенными мысленно на частичные процессы-компоненты,—смыслы (meanings) являются статичными, не развивающимися непрерывно, но сменяющими один другой, без промежуточных переходов. Относительно н а п р а в л е н и я н а ш е г о с о з н а н и я при переживаниях и смыслах, оба испытуемые Тичнера признают, что установление смысла требует того напра-

---

Мы подобного рода не-описательные высказывания характеризовали уже выше во 2-й нашей рубрике, как слишком общие определения. Сливать же такие высказывания в одну группу с высказываниями обнаруживающими ошибку стимула, как это делает Тичнер, прилагая один и тот же термин информации и к первым и ко вторым, нам не представляется возможным, по следующим соображениям. Во 2-ой нашей группе неописательно-аналитических интроспективных показаний мы имели в виду высказывания, в коих испытуемый характеризует свои п е р е ж и в а н и я в повседневных, вульгарных терминах, грубо обозначает их, но н е г о в о р и т о ч е м л и б о б ы в ш е м в его опыте во время переживания. Напротив, высказывания, подошедшие под нашу третью рубрику, сообщают н е о п е р е ж и в а н и я х, а о предметах и смыслах с ними связанных,—сообщают таким образом о том, ч т о б ы л о в их сознании во время эксперимента, но лишь не о том из этого бывшего, что интересует интроспективно-анализирующего психолога. Что здесь есть существенная разница, Тичнером не приводимая, представляется нам несомненным.

[1]) *Titchener*. Description vs. Statement of Meaning. American Journ. v. 23, p. 175—182.

вления сознания, какое мы имеем при логической рефлексии или при обычной, непредвзятой установке повседневной жизни, когда для нас совершенно естественно оперировать именно со смыслами и предметами, а не с эмоциями, процессами ощущения и образами. Поэтому, подобная установка для нас и оказывается более легкой. Что касается самого рода данности нам переживаний и связанных с ними смыслов, то один из испытуемых Тичнера пытается выразить это тонкое и трудно выразимое различие, говоря, что „смыслы, как и физические вещи, хотя и являются представленными в сознании, но они не составляют части нашего сознания. Поэтому, они не могут быть наблюдены в том смысле, как могут быть наблюдены процессы, но должны быть нами измышлены (must be thought out“) [1].

В этом пункте и кроется самое интимное существо информации, не позволяющей нам видеть в ее данных прямого анализирующего описания переживания [2].

Мы не думаем входить здесь в рассмотрение по существу вопроса о том, следует ли признать неконкретные переживания мышления и насколько данные современной психологии нас к тому вынуждают или не вынуждают. Разрешение проблемы неконкретного мышления могло бы, конечно, составить тему обширного специального труда.

Об оценке описательного значения высказывания.

Мы будем оставаться исключительно на методологической почве. И здесь, намеченные выше возможности не-описательных высказываний испытуемых ставят перед нами прежде всего вопрос: как можем мы отличить в получаемых показаниях прямое констатирование переживаний от словесных выражений, стоящих к переживаниям в менее прямом отношении

[1]) *Titchener*, ib.

[2]) Интерпретацией вышеприведенного показания относительно необходимости „измышления“ смысла может служить след. цитата из *Lipps*'а (Leitfaden der Psychologie, S. 14). ... „В содержаниях и образах, которые я имею в сознании,—пишет он,—соответствующие им предметы содержатся сначала implizite; они мне даны в них еще потенциально.... Но я могу эти предметы, содержащие в содержаниях сперва implizite, выявить (explizieren). Diese Explikation ist nichts anderes, als das tatsächliche Heraussehen des Gegenstandes aus dem Bilde, oder dies, dass ich den Gegenstand mir aktuell gegenüber stelle“....

или от высказываний, вовсе не имеющих в виду переживания?[1]). Ответ на это дан уже отчасти всем вышеизложенным в этой главе. Чтобы оценить описательное значение какого-либо показания, нам должно вскрыть 1) его логическое содержание и 2) установку давшего это показание суб'екта. В одних случаях бывает достаточно уже одного раскрытия содержания высказывания, чтобы убедиться в его не описательном характере, напр., при таком показании, как: „я знал, что должно появиться два раздражения, следовательно, у меня должно было быть и ожидание". В других же, для истолкования высказывания оказывается нужным знать установку испытуемого, ибо формулировка показания сама по себе допускает толкование и в смысле описательности этого показания и в смысле неописательности его. Таково, напр., высказывание: „образ был вызван пониманием". Есть ли это необходимо лишь интерпретирующая рефлексия суб'екта? Почему не можем мы предположить здесь непосредственно *переживаемой* связности понимания с образом? И тогда высказывание будет описанием этой связности. Очевидно, что без дополнительных пояснений самого наблюдателя или без наших сформировавшихся уже взглядов касательно интроспективной установки нашего испытуемого у нас нет никаких оснований склониться к тому или иному толкованию.

На основании аналогичных же соображений относительно показаний испытуемых в вюрцбургских экспериментах мышления должно сказать, что, хотя, по самому содержанию их формулировки, они не дают нам возможности судить об индивидуальной картине переживания, а лишь о не-индивидуальном, общем, „смысле" или „предмете" его, однако отсюда нельзя еще отрицать того, что в основе таких высказываний может лежать определенное, индивидуальное, носящее характер текучего процесса, особое *переживание* смысла. Не будучи разложимо на простейшие элементы ощущения, представления и чувства, оно, может быть, не может лишь быть *выражено* иначе как информацией. Поэтому, чтобы на основании полученных показаний судить о существовании или несуществовании особых *пере-*

[1]) В том ограниченном смысле, как мы его понимаем.

живаний мышления, надо вскрыть установку испытуемого [1]). Лишь в знании интимного существа подхода испытуемого к области фактов его сознания, которое отличает повседневную нашу установку на мыслимые предметы от психологизирующей установки на переживаемые процессы, реально констатирующие богатство нами переживаемого в каждый данный момент, мы можем иметь конечный критерий при оценке высказываний сомнительных в смысле их отношения к переживаниям.

И отсюда становится очевидной важность того, чтобы испытуемый, от которого мы хотим получить описание его переживаний, был бы соответствующим образом тренирован и чувствовал бы различие между интроспективно-аналитическим и всяким другим подходом к психической сфере. Ибо лишь в этом случае мы сможем получать от него достоверные раз'ясняющие толкования даваемых им и часто (может быть, лишь вследствие несовершенств словесного выражения) сомнительных в смысле описательного значения, показаний.

Все намеченные выше не интроспективно аналитические и не психологические виды высказывания с особенной ясностью на наш взгляд указывают также, что нельзя просто самонаблюдать, без всякой предвзятости, без всяких предпосылок и точек зрения, но у наблюдателя необходимо должна быть предвзятая установка, определяющая, что из всех фактов сознания и как должно быть им познаваемо. Лишь созданием такой определенной установки у испытуемых в психологических экспериментах мы получим надежное средство для избежания всех тех ошибок, которые возникают и могут возникнуть от смешения данных интроспективного описания с вульгарными пониманиями обыденной жизни и логическими рефлексиями [2]).

---

[1]) В этом смысле справедливо говорить о необходимости „вчувствования“ в протоколы. Ср. *Bühler*, Ueber Gedanken. 309.

[2]) См. *Titchener*. Prolegomena to a Study of Introspection. Am. J. v 23, p. 446; The Schema of Introspection, ib. p. 488—490, 498—500.

При выработке такой „установки на описание“ должно всемерно стремиться к тому, чтобы у испытуемых не возникло самовнушения в смысле признавания за переживания—процессы лишь конкретного, при чем все не являющееся ощущением и представлением интерпретируется

О значении для психолога не описательно-интроспективных высказываний.

Перед нами остается еще вопрос: имеют ли вышерассмотренные не описательно-интроспективные виды показаний какое-либо значение для психологии вообще, или же, без дальнейших рассуждений, они должны быть совершенно исключены из протоколируемых высказываний? На него следует ответить в том смысле, что охарактеризованные выше высказывания из числа могущих быть полезными для психолога безусловно исключаться отнюдь не должны только на том принципиальном основании, что они не дают интроспективно-аналитического описания переживаний.

Безусловно вредным является лишь неотличение их от показаний подлинно-описательных. Вообще же, и не будучи подлинным описанием, высказывания испытуемых по поводу бывшего в сознании могут быть нам часто весьма важны и интересны.

Высказывания об'единенные нами в первой группе—высказывания выводов рефлексии суб'екта над его переживаниями, выражающие сравнения, соотношения, образные аналогии,—при всей их неописательности, могут быть полезны нам [1]), например, при анализе ассоциативного механизма и чувств, когда указания испытуемого на связь, соотношение переживаний (хотя бы самоё по себе и не переживаемую) будут способствовать нашему пониманию их. И образное описание при удачности образа и тонком анализе его экспериментатором может вскрывать иногда верные и детальные черты переживаний. Высказывания сравнения часто необходимы нам просто для констатирования суб'ективного тождества условий.

при высказывании как не-психологический „смысл", равно как и обратного расположения—принимать все те смыслы, которые мы мыслим—за переживаемые не конкретные процессы.

На существование подобного расположения—считать за переживания лишь конкретное—у психологов школы Тичнера, указывает, напр., *Ogden* (The Psychological Bulletin, 1911, p.p. 195, 330—331).

Из сказанного нами выше уже должно быть понятным, что антитеза конкретного и неконкретного отнюдь не должна необходимо совпадать с противоположением переживаний—процессов и статических, не индивидуальных смыслов, через эти процессы интендируемых.

[1]) На это указывает *O. Schultze*, loc. cit., S. 285—288.

Высказывания, дающие слишком общие обозначения в терминах вульгарной психологии —(отнесенные нами во вторую группу),—вроде „я был изумлен“ и т. п. могут оказаться приемлемыми и даже полезными, когда употребляются в качестве условного краткого названия для сложного переживания, проанализированного детальным описанием уже ранее, и употребляются, чтобы не повторять этого анализа в каждом опыте. Однако только таким случаем и должна ограничиваться в психологической практике допустимость рассматриваемых высказываний [1]).

Наконец, показания о мыслимых предметах бывают нужны и полезны, поскольку они могут делать для нас связи переживаний более понятными, сообщая о том, так сказать, центре, вокруг коего эти последние в опыте являются об‘единенными и чего переживанием они оказываются. Так, имея от испытуемого интроспективное описание переживания, нам важно знать, что суб‘ект при этих переживаниях мыслил, мыслил ли он одно понятие или же логическое отношение, мыслил ли понятие индивидуальное или общее и т. п.

Не имея высказываний о содержании мыслимого предмета, мы не будем знать, представляет ли данная описательная картина переживаний картину переживания суждения или переживания абстрактного понятия, или переживания решения преодолеть ассоциацию и т. д., одним словом, мы не будем знать, чего это есть переживание. К этому надо еще добавить, что проблемы психологии далеко не исчерпываются ведь качественно-интроспективно-аналитическими. И поскольку мы, напр., интересуемся не анализом переживания мысли, а индивидуально различными типами мышления по его содержанию — сообщение смыслов, — того, что мыслится как раз и будет способствовать разрешению такой психологической проблемы [2]).

Заключение. Заканчивая этим настоящую главу, мы так можем прорезюмировать и дополнить ее содержание.

---

[1]) См. об этом *Titchener*, Descr. vs. St. of M., ib. p. 168.

[2]) Пример подобного, совершенно необходимого по самой постановке проблемы, использования показаний о содержании мыслимого видим у *Binet* (op. cit.), где целая глава и называется „Ce qu'on pense“—„О том, что мыслится“.

Не все высказывания испытуемых содержат психологическое, интроспективно-анализирующее описание переживаний,—что является задачей описательной, качественной, психологии, — но весьма многие из них представляют собою: 1) выражение выводов рефлексии испытуемого над его переживаниями, 2) общее обозначение переживаний в терминах вульгарной психологии, 3) сообщение о не-индивидуальном смысле или предмете переживания. Оценить описательное значение высказывания можно, 1) выяснив содержание его из самой его формулировки, 2) когда формулировка не вынуждает к признанию описательного или не описательного характера высказывания, последний может быть определен из уяснения установки испытуемого. Такому уяснению должны способствовать и об'яснения самого испытуемого, который должен сознавать и чувствовать отличие интроспективно-описательной установки сознания от всех прочих. Поскольку не описательные высказывания не принимаются за описательные, они могут быть для психолога полезны и необходимы.

Вопрос о психологическом интроспективном описании прямым образом зависит и от того, насколько выработана и зафиксирована психологическая терминология. Выработка же этой последней, очевидно, предполагает расчленяющую и классифицирующую работу того „феноменологического метода“, о котором было упомянуто выше. Именно здесь значение феноменологии для психологии должно быть признано особенно несомненным.

VIII.

Достоверность показаний испытуемых.

Различная достоверность высказываний.

Трудность нужной установки внимания, несовершенства памяти, текучесть переживаний, ограниченность нашей способности опознавания, трудность словесной формулировки и чрезвычайно легкая возможность самовнушения—все это обусловливает то, что запротоколированные нами интроспективные показания испытуемых могут оказаться весьма неравноценными по своей достоверности. Поэтому для нас является

необходимым, прежде чем строить на основе полученного материала окончательные выводы, квалифицировать этот материал с точки зрения доброкачественности, достоверности его.

В отношении осуществления такой оценки собранных нами от испытуемых самонаблюдений, мы в психологии оказываемся поставленными в значительно менее благоприятные условия, чем какие имеются в естественных эмпирических науках. В то время как в них каждое даваемое нам описание мы можем, в случае надобности, сличить с его об‘ектом и в таком сравнении с самим об‘ектом имеем конечный критерий достоверности сообщения — в психологии мы лишены возможности подобного прямого пути оценки. Здесь,—описываемый испытуемым об‘ект — его переживания—нам непосредственно не дан и не может быть дан. Поэтому те пути, коими располагает для оценки достоверности интроспективных показаний психологическая методика, являются путями косвенными.

Тем не менее, они все же дают нам известную почву для суждений о степени достоверности того или иного высказывания или ряда их.

Возможность контроля интроспективных показаний.

И не имея возможности прямо сравнить даваемое описание с тем, что в нем описывается, психолог-исследователь оказывается все же в состоянии контролировать интроспективные показания. Подобное контролирование собранных высказываний может быть двух родов. Во-первых, одни показания могут контролироваться другими показаниями. Такой контроль мы можем условно обозначить, как контроль имманентный. Во-вторых, основания для оценки достоверности высказываний могут даваться об‘ективными характеристиками поведения испытуемого. Этот случай мы назовем об‘ективным контролем.

Опытность и внушаемость испытуемого как общая характеристика достоверности его показаний.

Общим коеффициентом степени достоверности всех вообще показаний того или иного лица является его тренированность, опытность в интроспектировании, а также и его внушаемость. Нет надобности особенно распространяться здесь о том, насколько высказывания лица уже привыкшего опознавать и словесно обозна-

чать свои переживания будут и более полными и более достоверными по сравнению с интроспективными показаниями новичка, не умеющего еще ни аналитически разбираться в фактах своего сознания, ни определенно формулировать их для протокола. Внушаемость вообще и самовнушаемость в частности, равным образом, оказывают весьма существенное—мы готовы сказать, наиболее определяющее изо всех прочих—влияние на достоверность показаний. И это особенно следует сказать про эксперименты, где требуется возможно полное описание и где экспериментатор прибегает к активному опросу. Не опытные и легко внушаемые испытуемые, как справедливо отмечается [1]), начинают часто сразу же открывать у себя массу „интересного" и „нового", не имеющего, однако, никакой научной цены. Таким образом, знать, насколько данный испытуемый вообще опытен и осторожен в самонаблюдении, представляется совершенно необходимым, чтобы отнестись к его высказываниям в их целом с той именно верой, какой они действительно заслуживают [2]).

---

1) См. *Deuchler*, Op. cit. Psychol. Studien. B. IV, S. 390.

2) *Н. Ах*, напр., находит желательным даже специальное экспериментальное определение степени внушаемости каждого испытуемого (W. u. D., S. 20).

Попытку найти способы экспериментальной оценки способности отдельных лиц к интроспектированию мы находим в работе *Enzo Bonaventura* Ricerche sperimentali sulle illusione dell'introspezione. Florence 1915 (о ней см. статью Paulhan'a в „Revue philosophique" 1917, № 2). Автор полагает, что „всякая интроспекция есть ретроспекция", в согласии с чем и ошибки интроспекции ищет в ошибках репродуцирования. Но не всякие ошибки в воспроизведении могут характеризовать интроспективную способность данного лица. Таковыми признаются лишь ошибки, порожденные конфликтом между тенденцией репродуцирования — с одной стороны, и чувствами, привычками и бессознательными установками суб'екта—с другой. В результате таких то конфликтов и порождаются иллюзорные воспоминания, по своему генезису весьма близкие тем, с коими мы сталкиваемся при ложных показаниях интроспекции испытуемых. Первая серия опытов Bonaventura состояла в том, что испытуемым пред'являлись ряды слов—раздражителей для реагирования на них любым другим словом и затем, спустя некоторое время, вновь пред'являлись эти же слова—раздражители для того, чтобы испытуемые ответили на них теми же словами, какие возникли у них в первый раз. Во второй серии предлагались для воспроизведения картины, рассказы и рассуждения. В третьей выясвялось внушающее влияние вопросов на воспроизведение.

В результате автор приходит к различению индивидуумов по таким трем различным типам памяти: 1) „память реконструктивная", активно-

Имманентный контроль. Согласие с другими высказываниями.

Имманентный контроль показаний, как сказано, состоит в поверке их другими показаниями. Согласие данного описания с другими, полученными в аналогичных условиях от того же испытуемого, а тем более с показаниями о том же процессе и других испытуемых, будет служить для нас уже значительной гарантией его достоверности. Напротив, существенное несходство данного описания со всем тем, что нам известно из прочих самонаблюдений того же лица о тождественном, по об'ективным своим условиям, процессе, должно вызвать у нас некоторое подозрение, не является ли данное показание плодом какого-либо нарушающего фактора — самовнушения, неудачной формулировки при высказывании и т. п. Во всяком случае полное несогласие одного высказывания со всеми прочими того же испытуемого, должно требовать от нас специального анализа данного индивидуального показания путем опроса самого испытуемого или каким-либо иным путем, без какого анализа, несогласное со всем прочим высказывание и не должно быть учитываемо.

Должно, однако, заметить здесь, что и согласие между собою всех даваемых одним и тем же лицом показаний само по себе, однако, еще не может нами приниматься за конечный критерий достоверности. Не может служить таковым

фантазирующая, и дающая интроспективным показаниям наименьшую достоверность, 2) „Память верная", чуждая спонтанного реконструирования и наиболее достоверная и 3) промежуточный тип памяти. Первый тип памяти сочетается, по автору, с наибольшей внушаемостью.

Склонность суб'екта не отличать подлинных воспоминаний от собственных фантазирующих реконструкций может быть учтена, по Б., такими показателями (почерпнутыми из данных 1-ой серии опытов) как: а) отношение числа ответов верных и гарантированных испытуемым как верные, к общему числу об'ективно верных ответов и b) отношением числа гарантированных и об'ективно верных ответов к общему числу ответов гарантированных как верные. Оба эти отношения могут характеризовать, по автору, степень уверенности и точности воспоминаний у данного суб'екта. Не лишено интереса замечание автора, что лица, имеющие интроспективную установку, более склонны подходить к оценке правильности умозаключений с чисто формальной стороны; напротив — обычно большинство людей, всегда, при суждении о правильности или неправильности вывода, довольствуются лишь соответствием или несоответствием с фактами содержания вывода.

потому именно, что неизменное сходство высказываний может обусловливаться не только точностью передачи сходных переживаний каждого опыта, но и тем, что испытуемый после нескольких первых сходных опытов, уже построяет себе известную общую картину протекания процесса, принимаемую им за „нормальную", за „обычную" для него. Соответственно чему в последующих экспериментах испытуемый уже не стремится детально анализировать каждый из них, но удовлетворяясь созданной им из первых случаев картиной переживания, ограничивается просто более или менее механическим повторением, раз принятого за „нормальное", описания. Такое шаблонизированное, не критическое повторение одинаковых высказываний часто можно предположить, обращая внимание на стереотипность самих выражений испытуемого. Очевидно, поэтому, что согласие между отдельными описаниями одним и тем же суб'ектом какого-либо определенного процесса само по себе достоверности каждого из них отнюдь еще не гарантирует. Иное дело, когда соответствие обнаруживается между показаниями нескольких испытуемых. В этом случае мы действительно вправе при построении выводов принять такое высказывание как достоверное, поскольку у нас нет оснований предполагать у многих испытуемых какой-либо общей, сходной, теоретической предвзятости или взаимного внушения. Отсюда становится понятной и ж е л а т е л ь н о с т ь возможно б о л ь ш е г о ч и с л а и с п ы т у е м ы х в экспериментах, где дело идет о раскрытии интроспективной картины процесса.

Увеличению вероятности того, что данное описание есть подлинное констатирование действительных переживаний, а не сделавшаяся уже шаблоном формула высказывания, будет способствовать согласие данного описания с другими, сообщенными тем же суб'ектом, но в экспериментах, отделенных один от другого более или менее значительным временем. То обстоятельство, что сходные описания даны испытуемым не в ряде один за другим следующих опытов, и даже не в опытах одного дня или недели, а через более длительные промежутки времени, не позволяет нам уже заподозрить в них просто шаблонного повторения раз установленного испытуемым для себя описания. В экспериментах памяти, произведенных, напр., Г. Мюллером, отдельные серии опытов

были разделены периодами 3—5½ лет. В таких случаях совершенно очевидно, что испытуемый не мог помнить своего три года назад данного показания, простое повторение коего и может обусловливать доверие к нему. Поэтому прав Г. Мюллер [1]), говоря, что „временно раздельные опыты в отношении достоверности своих данных и в отношении вероятности того, что эти данные действительно говорят о бывшем внутреннем состоянии испытуемых, стоят на совсем ином уровне по сравнению с опытами следующими подряд день за днем“.

Необходимой предпосылкой имманентного контроля самонаблюдений, т. е. контроля одних показаний через сличение, сравнение их с другими, является тождественность, по своим об'ективным условиям и по задаче, ставимой испытуемому, тех процессов, описания переживаний коих между собою сличаются [2]). Т. е., чтобы оценивать достоверность данного показания относительно переживаний волевого акта через сравнение его с другими показаниями, надо, чтобы эти последние также являлись описаниями волевого же акта и, насколько это, конечно, возможно, волевого акта, протекающего в тех же об'ективных условиях и с той же задачей у испытуемого, что и в том эксперименте, описание переживаний которого мы хотим оценить. Очевидно, что возможность такого повторения одного и того же процесса впервые дается экспериментом. Здесь мы

---

[1]) *G. Müller*. Zur Analyse der Gedächtnisstätigkeit usw. I. S. 170; о контроле показаний вообще см. 168—176.

[2]) Это же постоянство об'ективных условий и задачи впервые дает нам право рассматривать изучаемый процесс как более или менее однозначно определенный и, несмотря на уклонения каждого опыта, видеть в нем все-таки один и тот же процесс: „выбора“, „сравнения“ „решения“ и т. д.

Последнее является чрезвычайно существенным при построении нами на основе данного интроспективного материала типичной картины какого-либо переживания. Комбинируя такую картину из показаний о переживаниях, находимых в различных экспериментах и у различных испытуемых, и утверждая, что полученная, путем такого сложения открытых в отдельных показаниях моментов, картина является рисующей нам действительное, типичное протекание переживания, мы можем оправдать такое утверждение лишь ссылкой на постулируемую большую или меньшую однозначность процесса.

Значение экспериментального метода для оценки достоверности показаний.

опять должны подчеркнуть выдающееся значение экспериментального метода и для оценки достоверности высказываемых испытуемыми самонаблюдений.

Даваемая экспериментальным методом возможность вызывать переживания при произвольно нами создаваемых условиях, является важным средством проверки показаний. Предположим, что испытуемый утверждает, что реагирует всегда лишь по отчетливому осознанию раздражения. Возможность изменить условия протекания процесса так, чтобы, скажем, после предварительного сигнала вовсе не следовало раздражения, или появлялось не то раздражение, на которое испытуемый должен реагировать, позволит нам оценить достоверность его показаний. Так, если испытуемый все же будет реагировать и не получив раздражения, то, очевидно, что его высказывание неправильно, и он реагирует не на восприятие раздражения, но на известное время, прошедшее после предварительного сигнала. Подобного рода изменения условий переживания, позволяющие нам обнаружить подлинную установку испытуемого и тем проверить его на этот счет показания, и представляют собою контрольные опыты [1]).

Далее, поскольку мы можем принимать известную закономерную связь между об'ективными условиями опыта и переживаниями его характеризующими, мы оказываемся в состоянии оценивать в известной степени достоверность отдельных показаний еще и тем, что ставим испытуемого в такие условия, в которых, по нашему соображению, отмеченное им переживание должно бы выступить еще более ярко, и просим его давать каждый раз возможно полные описания: соответствие или несоответствие его высказываний тому, чего мы ожидаем и будет являться основанием для оценки достоверности первого показания. Так, скажем, если, преодолевая ассоциацию вызванную 20-ю повторенцями, испытуемый в анализе своего переживания отмечает особый

[1]) Помимо обнаруживания действительной установки испытуемого и проверки его самонаблюдений, контрольные опыты, обращая внимание испытуемого на разницу двух переживаний, делают тем самым его интроспективный анализ более тонким и на будущее. См. об этом *Deuchler*, loc. cit. 392; *Westphal*, loc. cit. 236.

специфический момент как aktuelle Betätigung (см. у Аха), то, ожидая, что интенсивность этого переживания должна возрастать в прямом отношении к трудности задачи, мы даем испытуемому преодолеть ассоциацию, закрепленную 60-ю повторениями, и смотрим, откроет ли он в своем анализе вышеназванный момент. Если нет, то достоверность первоначального показания оказывается уже сомнительной.

Оценка достоверности показаний самим испытуемым.

Известным основанием для оценки достоверности высказывания может служить и квалификация его с этой точки зрения самим испытуемым: вполне ли уверен он в правильности своего показания или оно представляется ему самому недостоверным и оценивается лишь через „кажется“? И здесь отсутствие суб‘ективной уверенности может иметь для нас значение большее, чем присутствие таковой, ибо и самовнушенные образы, якобы бывших во время эксперимента переживаний, могут казаться суб‘екту очевидными.

Контролирующие вопросы.

Выше, говоря об активном опросе, мы сталкивались уже с контролирующей ролью вопросов, ставимых испытуемому. Умело поставленный вопрос относительно той или иной стороны переживания может часто давать нам возможность с несомненностью оценить достоверность тех или иных, ранее нам этим испытуемым данных, показаний. Предположим, испытуемый показывает, что определенно имел в предварительном периоде ясный зрительный образ слов инструкции. Достоверность этого высказывания сразу же может быть в наших глазах дискредитирована, если на вопрос, какого цвета были буквы и в каком виде — писанными или печатными они были представлены—испытуемый не сможет дать нам ответа; или испытуемый показав, что, сравнивая линии, он всегда накладывает их одна на другую, не в состоянии ответить на наш дальнейший вопрос—какую линию, правую или левую он в данном опыте в своем образе наложил на другую. Аналогично этим случаям, часто бывает возможным установить, что данные сперва испытуемым показания об отсутствии у него всяких ощущений и представлений, о его полной пассивности в главном периоде и т. д. оказываются или вовсе неточными или требующими ограничительного толкования.

Синтетический метод.

Наконец, полученные из интроспективных высказываний испытуемых выводы касательно различных способов решения испытуемыми тех или иных, ставимых условиями эксперимента, задач (заучивания, осознания нескольких раздражителей, вспоминания и других) могут быть контролируемы применением метода, предложенного Е. Вестфалем [1]). Он называет свой метод синтетическим. Сущность его состоит в том, что открытое первоначально путем анализа интроспективных показаний, в дальнейших опытах само вкладывается уже в инструкцию, которую и должно испытуемому выполнять. Возможность или невозможность выполнения такого рода инструкции уже и становится показателем правдоподобности или ложности тех показаний, смысл коих вложен в содержание инструкции. Таким образом, здесь осуществляется самоконтроль испытуемых. Свои первоначальные показания о формальной стороне переживания в последующих опытах они сами подтверждают или не подтверждают своим поведением. По поводу этого метода должно заметить, что им может лишь отвергаться достоверность тех или иных показаний через указание на невозможность описываемого ими поведения, но не утверждаться достоверность их сколько-нибудь положительным образом.

Об'ективный контроль. Наблюдение внешнего поведения испытуемого.

Переходя к вопросу об об'ективном контроле высказываний, т. е. контроле показаний об'ективными данными поведения суб'екта, мы, помимо уже упомянутой нами возможности применения контрольных опытов, должны указать на наблюдение внешнего поведения испытуемого экспериментатором. Такое наблюдение, рекомендуемое некоторыми психологами [2]), несомненно, может являться контролем даваемых самонаблюдений. Показания относительно отсутствия всяких зачатков речи, относительно неподвижности руки, на которую оказывается тактильное раздражение и т. п. всегда могут быть подтверждены или опровергнуты таким наблюдением поведения испытуемого.

---

[1]) *E. Westphal.* Haupt-und Nebenaufgaben usw. Arch. f. d. g. Ps, B. 21. S. 359—361.

[2]) *Grünbaum,* op. cit. 354; *Müller,* op. cit. 174.

Наконец, показания о способе заучивания предлагаемого материала так же, как указывает Г. Мюллер, могут с большой пользой поверяться таким наблюдением поведения испытуемого, благодаря тому, что весьма многие испытуемые заучивают материал, произнося заучиваемое шепотом. Образование комплексов и всякие иные предметы заучивания в таком случае в большей мере могут открываться уже таким наблюдением.

Регистрация непроизвольных движений, как средство оценки достоверности самонаблюдений.

Поверка самонаблюдения регистрацией непроизвольных движений, как-то: плетисмографическими, сфигмографическими, пневмографическими и кардиографическими кривыми едва ли может претендовать на сколько-нибудь значительную роль в современной психологической методике. Свойства подобных кривых оказываются в зависимости не от одного какого-либо переживания суб'екта, но от весьма сложных совокупностей и психических и чисто физиологических процессов в нем происходящих и притом стоят в зависимости не только от всех этих наличных процессов, но еще и от отношения их ко всему предшествующему психо-физическому состоянию суб'екта [1]). Поэтому заключать от изменения этих кривых к определенным переживаниям мы, при настоящей разработанности этой области физиологической психологии особенно, можем лишь весьма неуверенно и условно, отчего и оценивать достоверность показаний на основе сфигмографических и других названных кривых мы не можем. Ускорение пульса, напр., может обусловливаться и неудовольствием, и движением ноги, и увеличением психической активности, и чувством разрешения, и многосложными сплетениями этих и других психо-физиологических факторов. При такой неоднозначности изменений кривых, регистрирующих физиологические движения, неоднозначности с необходимостью вызываемой тем, что многомерные изменения переживаний приходится переводить на лишь двумерные, плоскостные, изменения кри-

[1]) За такую сложную зависимость скорости пульса говорит между прочим и работа *R. Dodge*'а (Mental Work. A Study in Psychodynamicks. The Psychological Review. v. XX, 1913, p.p. 13, 14, 29 и др.).

вых —нам совершенно не представляется возможным видеть в этих последних сколько-нибудь существенную помощь для нас при оценке достоверности интроспективных высказываний испытуемых.

Время длительности процесса.

Несомненно, большее значение в этом отношении имеют психометрические данные, являющиеся тем, что обычно имеется в виду, когда говорят об об‘ективном контроле самонаблюдения. Соответствие сложной, по описанию испытуемого, картины переживания долгому времени, ушедшему на данное переживание и обратно совпадение малой длительности протекания процесса с описанием, рисующим его как простой, несложный, слагающийся из малого числа частичных переживаний, будет в общем говорить в пользу вероятности того, что данные описания соответствуют действительно бывшему. Наоборот, резкое несоответствие нарисованной картины переживания об‘ективному времени его протекания должно вызвать у нас заподозрение данного описания в отношении его достоверности и полноты. Подобное контролирование показаний длительностью времени, каковое требовалось испытуемому на переживание описываемого эксперимента, может быть оправдано, однако, лишь в двух случаях, во 1-х, когда испытуемый должен дать возможно полное описание с отмечанием и наступавших в его сознании пауз, „пустот“. В этом случае очевидно, что сложность сообщаемой картины переживаний должна, в случае достоверного показания, всегда соответствовать и большей об‘ективной длительности опыта и обратно. Во 2-х, когда испытуемый должен давать показания, хотя и об одной какой-либо стороне переживания, но о такой, которая как раз является определяющей для об‘ективного времени, как скажем, о переживаниях, имевших место в главном периоде, в опытах с реакциями. В прочих случаях давания интроспективных описаний соответствие между ними и об‘ективными данными времени отнюдь не является необходимым и при самом точном и достоверном высказывании, что и понятно.

Поскольку испытуемый дает высказывания сравнения о „ненормальности“ протекания процесса или тождественности данного опыта с предыдущими и при этом опять-таки имеет

в виду или какой-либо один, определяющий время, момент переживания или оценивает переживания во всей полноте их—такого рода показания могут быть контролируемы об'ективными данными времени. Именно, величина средней варьяции может или давать подтверждение суб'ективной оценке ряда переживаний, как одинаковых, или, напротив, опровергать его.

Дейхлер [1]), справедливо настаивая на нужности такой проверки самонаблюдения в частном случае исследований форм реакции, идет, однако, слишком далеко, когда высказывает как общее положение, что „случайные показания или такие, которые не могут быть об'ективно контролируемы, не имеют никакого значения, кроме лишь эвристического“ [2]). К подобному взгляду, столь значительно суживающему применения интроспекции, Дейхлер приходит, не признавая никакой ценности за вышерассмотренным нами имманентным контролем одних высказываний другими. Такого рода контроль ему представляется простой „голосовкой“ (Abstimmung) не могущей гарантировать достоверности [3]). Не соглашаясь, согласно всего сказанного нами выше, с таким основанием взглядов Дейхлера, мы не можем согласиться и с вытекающим из него следствием.

Напротив, мы не можем не относиться несколько скептически к проверке числовыми данными даже и показаний о тождестве переживаний (в экспериментах с реакциями), принимая во внимание то обстоятельство, что обусловленность переживаний и времени является обоюдной. Именно, часто не переживания определяют длительность процесса, а сама эта длительность определяет переживания. Иными словами, у испытуемого может иметься особая, и не сознаваемая им, установка на время, под которое им и будут, так сказать, подгоняться его переживания с большим или меньшим напряжением [4]). И очевидно, что, покуда такая возможность в наших экспериментах не является исключенной,

---

[1]) *Deuchler*. Beiträge zur Erforschung d. Reactionsformen. Psychol. Stud. B. IV, S. 380 ff.

[2]) ib. 393, 384. [3]) ib. 381.

[4]) На такую возможность указывает, напр., *E. Westphal*. Haupt-und Nebenaufgaben usw. loc. cit. 237.

одинаковая длительность процесса не будет говорить за одинаковость переживаний его характеризующих, ибо и совершенно отличные по своей суб'ективной картине переживания реакции могут быть „пригнаны“ испытуемым к одинаковому времени.

Регистрация произвольных движений. Об'ективным контролем самонаблюдения испытуемых может являться и регистрация их произвольных движений, в коих выражаются их переживания. Такой случай мы имеем, напр., в регистрации движений руки испытуемого при уравнении им, путем вращения винта, двух линий на глазомерном аппарате. По кривой, получаемой здесь, мы и приобретаем несомненную возможность проверить высказывания испытуемого относительно того, что он „сразу уравнял обе линии“ или что он „долго колебался счесть переменную за равную нормальной“, что ему „сперва переменная показалась значительно большей“ и др. подобные.

Прочитывание записанного протокола испытуемому. Но прежде чем применять по отношению к запротоколированному показанию тот или иной из рассмотренных нами выше путей контроля, необходимо удостовериться в том, что мы правильно записали то, что хотел сказать испытуемый. Для этого полезно каждый раз после эксперимента прочитывать ему составленный нами протокол, чтобы в неточно или совсем неправильно нами записанное он имел возможность внести нужные поправки.

Подобный метод должно, конечно, отличать от применяемого некоторыми исследователями (напр., Окэбом) [1]) приема, состоящего в прочитывании испытуемому обобщенного экстракта из ряда опытов, с тем, чтобы испытуемый оценил правильность запротоколированного. Не являясь проверкой точности каждого отдельного протокола, прием этот способен лишь внушить испытуемому известную общую картину, шаблонную схему его поведения, что, как мы уже видели, может повлечь к самой нежелательной для нас безучастной стереотипности высказываний.

---

1) *T. Okabe.* An Exp. Study of Belief. American Journ. v. 21, p. 594 цитирую по *Koffk*'е „Zur Analyse der Vorstellungen usw.“ S. 20—21.

Заключение.

Со всем этим мы можем считать законченным рассмотрение тех средств контроля получаемых показаний, коими располагает пока современная психологическая методика.

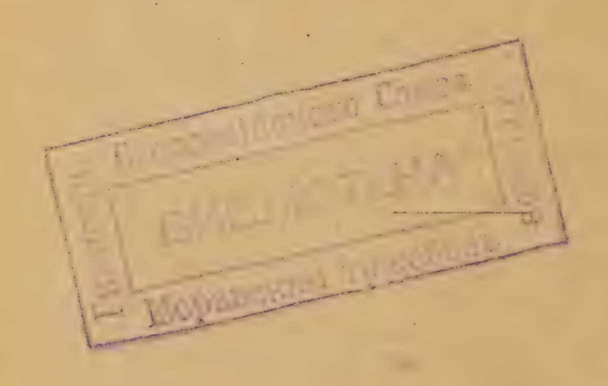
Рассмотренные в этой главе вопросы в значительной мере дают указания, касающиеся и обработки экспериментатором интроспективных протоколов, поскольку заботы экспериментатора сводятся здесь прежде всего к выявлению картины, даваемой достоверными показаниями испытуемого и к уяснению терминологии последнего.

Мы можем прорезюмировать сказанное. Невыгодная особенность психологии—именно даваемость ее об'екта лишь одному лицу лишает нас возможности прямого сличения протоколируемых высказываний испытуемых с их об'ектом. Поэтому все вышерассмотренные средства проверки самонаблюдений, являясь лишь косвенными, не могут давать нам полной уверенности в истинности какого-либо отдельного высказывания с той очевидностью, которая возможна лишь благодаря прямому сравнению описания с описываемым. Однако, отсюда было бы ложным отрицать за ними всякое научное значение вообще. Благодаря возможности имманентного и об'ективного контроля самонаблюдений испытуемых мы получаем несомненную возможность отличать в собранном нами материале более достоверное от менее достоверного и, в еще большей мере, отбрасывать вовсе ложное.

Мы имеем основания полагать, что в будущем интроспекция станет еще в большей мере научным методом изучения.

За это говорят—возможности дальнейшего усовершенствования путей интроспективного восприятия (в виде развития парциального метода, метода перерыва и др.), равно как и методов контроля достоверности показаний, возможности выработки фиксированной психологической терминологии, возможности тренировки испытуемых в интроспектировании, наконец возможность настойчивой систематичности и возможно строгой экспериментальности во всех предпринимаемых интроспективно психологических исследованиях.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

БИБЛИОТЕКА РУССКОЙ
В ПРАГЕ
УЧЕНИЧЕСКАЯ
N 11.294

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00001317168